T 76/73

А. С. Пругавинъ.

Т 76/73 И. Р 24
801-89
10223-6

Старообрядчество

281
П85

во второй половинѣ XIX вѣка.

Акт № 4
Проверено в 30 г.

Очерки изъ новѣйшей исторіи раскола.

2155
Библиотека-читальня им. Н. Д. Шишкова.
ПОГАШЕНО
ПОГАШЕНО

Отдѣл. тип. Т-ва И. Д. Сытина, Петровка, домъ Обидиной.
Москва.—1904.

2007110309

Отъ С.-Петербургскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, мая 20 дня 1903 г.

Цензоръ Іеромонахъ *Александръ*.

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

Ф 27081-40

ОТЪ АВТОРА.

Статьи и очерки, вошедшіе въ настоящій сборникъ, были напечатаны въ разное время и въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Такъ, статья «Два милліона или же двадцать милліоновъ?» была помѣщена въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за 1902 годъ; статья «Уральское старообрядчество» появилась въ газетѣ «Голосъ» двадцать лѣтъ тому назадъ, статья «Отчего растетъ расколъ?» была напечатана въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1883 года, «Запросы и проявленія культурной жизни въ расколѣ» — въ журналѣ «Русская Мысль», 1884 года, очеркъ «Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости» —въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1883 и 1903 гг., «Старообрядческій епископъ Саввatій»—въ газетѣ «Русскій Курьеръ», 1883 г.

Раскиданныя въ разныхъ газетахъ и журналахъ на протяженіи цѣлыхъ 20-ти лѣтъ, статьи эти, естественно, могли затеряться и ускользнуть отъ вниманія лицъ, интересующихся религіозно-бытовыми движеніями русскаго народа. Желая

сдѣлать эти статьи болѣе доступными для читающей публики, мы рѣшили собрать ихъ въ отдѣльномъ изданіи. Думаемъ, что подобное изданіе будетъ не безполезнымъ матеріаломъ въ рукахъ людей, слѣдящихъ за духовной, религіозно-этической жизнью русскаго народа, тѣмъ болѣе, что почти всѣ статьи, вошедшія въ этотъ сборникъ, составлены по даннымъ, извлеченнымъ авторомъ изъ мѣстныхъ и притомъ очень мало доступныхъ архивовъ.

С.-Петербургъ,
12 мая 1903 г.

Два милліона или же двадцать милліоновъ?

Два милліона или же двадцать милліоновъ?

Опубликованные недавно центральнымъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣнія „о распредѣленіи старообрядцевъ и сектантовъ по толкамъ и сектамъ“, согласно данныхъ первой всеобщей переписи, продолжаютъ привлекать къ себѣ вниманіе общества и печати.

Въ газетахъ появляются статьи, въ которыхъ заявляется, что всеобщая перепись совсѣмъ „не оправдала тѣхъ надеждъ, которыя на нее возлагались“. При этомъ указывается, что „вмѣсто того, чтобы раскрыть дѣйствительное число старообрядцевъ и сектантовъ, она только ихъ прикрыла“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, высказываются сожалѣнія, что „всеобщая перепись, на осуществленіе которой государствомъ отпущены милліоны“, по столь важному и существенному вопросу, какъ вопросъ о вѣроисповѣданіи населенія, дала такіе результаты, которыми почти невозможно пользоваться.

Говоря вообще, мы менѣе всего склонны защищать и оправдывать дѣятельность на-

шего центральнаго статистическаго комитета, такъ какъ не можемъ не признать, что во многихъ случаяхъ дѣятельность эта носитъ на себѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ явные слѣды рутины. Но мы рѣшительно недоумѣваемъ, въ силу какихъ основаній возможно ставить въ вину центральному статистическому учрежденію неудачу переписи относительно выясненія дѣйствительной численности старообрядцевъ и сектантовъ.

По нашему мнѣнію, самыя ожиданія, что перепись должна была непремѣнно дать точную цифру всѣхъ нашихъ религіозныхъ отщепенцевъ, рѣшительно ни на чемъ не основаны и, несомнѣнно, обнаруживаютъ въ лицахъ, питавшихъ такія надежды, не малую дозу наивности. Подобныя ожиданія могли питать только лица, совершенно незнакомыя съ дѣломъ, незнакомыя съ характеромъ нашего раскола, не имѣющія никакого представленія объ общественныхъ условіяхъ, среди которыхъ течетъ жизнь послѣдователей большей части нашихъ сектъ.

Кому не извѣстно, что наша статистика раскола и сектантства, говоря безъ всякаго преувеличенія, всегда была въ самомъ жалкомъ состояніи? Тѣ статистическія свѣдѣнія, которыми располагали по этому вопросу разныя вѣдомства, обыкновенно, не заслуживали никакого вѣроятія и не давали ни малѣйшаго представленія о степени развитія и распространенія раскола и сектантства. Можно даже сказать, что у насъ совсѣмъ не было никакой статистики раскола, такъ какъ свѣдѣнія полиціи о числѣ сектантовъ говорили одно,

свѣдѣнія духовнаго вѣдомства — другое, свѣдѣнія статистическихъ комитетовъ — третье и т. д.

Сознавая ненормальность такого положенія дѣла, правительство неоднократно принимало разныя мѣры къ выясненію дѣйствительнаго числа послѣдователей разныхъ сектъ. Наиболѣе серьезныя попытки въ этомъ направленіи были предприняты въ началѣ 50-хъ годовъ, когда по иниціативѣ министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго были организованы „статистическія экспедиціи“ и командированы особые чиновники въ нѣкоторыя центральныя губерніи для изученія раскола на мѣстахъ и собиранія свѣдѣній о численности раскольниковъ. Данныя, полученныя членами экспедицій, ясно обнаружили, насколько были фантастичны тѣ свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ, которыми до тѣхъ поръ довольствовались администрація и духовное вѣдомство.

Такъ, напримѣръ, въ Ярославской губерніи по офиціальнымъ свѣдѣніямъ числилось всего лишь 7,454 раскольника. По изслѣдованію же статистической экспедиціи ихъ оказалось 278,417 человѣкъ, т.-е. болѣе въ тридцать семь разъ. Отдѣльные же члены этой экспедиціи, какъ, напримѣръ, извѣстный впослѣдствіи писатель-славянофилъ И. С. Аксаковъ, утверждали, что „православныхъ — только четвертая часть народонаселенія Ярославской губерніи“. А такъ какъ въ то время жителей въ этой губерніи считалось 943,583 человѣка обоего пола, то, слѣдовательно, число раскольниковъ должно быть опредѣлено въ 672,687 человѣкъ.

Въ 60-хъ годахъ Министерство Внутреннихъ дѣлъ высчитывало, что всѣхъ старообрядцевъ и раскольниковъ въ Россіи свыше 8 милліоновъ или, вѣрнѣе, одна шестая часть всего православнаго населенія *). Цифра эта слѣдующимъ образомъ распредѣлялась тогда между послѣдователями разныхъ сектъ:

1) Послѣдователей поповщины .	5.000,000
2) Поморцевъ.	2.000,000
3) Федосеевцевъ, филипповцевъ и бѣгуновъ.	1.000,000
4) Молоканъ и духоборцевъ . .	110,000
5) Хлыстовъ и скопцовъ	110,000
Всего. .	8.220,000 чел.

По поводу этихъ данныхъ покойный Мельниковъ-Печерскій тогда же замѣчалъ, что въ исчисленіи этомъ опущена цѣлая отрасль сектъ, составляющихъ средину между поповщиной и безпоповщиной. Это именно — Спасово согласіе, которое особенно сильно распространено во всѣхъ приволжскихъ губерніяхъ, Большая часть послѣдователей этого согласія креститъ дѣтей и вѣнчается въ православныхъ церквахъ. Такихъ, по мнѣнію Мельникова, болѣе 2 милліоновъ человѣкъ, что вмѣстѣ съ цифрою Министерства Внутреннихъ дѣлъ составитъ слишкомъ 10 милліоновъ.

Затѣмъ, нѣкоторые другіе изслѣдователи раскола указывали, что цифра, выставленная въ министерскихъ свѣдѣніяхъ противъ молоканъ и духоборцевъ, ни въ какомъ случаѣ не мо-

*) См. „Статистическія таблицы“, изданныя по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ въ 1863 году, подъ редакціей г. фонъ-Бушена.

жетъ считаться даже приблизительно вѣрною. Въ доказательство этого приводился тотъ фактъ, что Варадиновъ въ своей „Исторіи Министерства Внутреннихъ дѣлъ“ въ одной Тамбовской губерніи опредѣляетъ число молоканъ въ 200.000. А затѣмъ остаются духоборы, субботники, немоляки, жидовствующіе, которыхъ слѣдуетъ отнести къ той же группѣ раціоналистическаго сектантства.

Послѣ этого министерствомъ, сколько намъ извѣстно, ни разу уже не публиковались свѣдѣнія о численности раскольниковъ и о распредѣленіи ихъ по разнымъ сектамъ. Что же касается духовнаго вѣдомства, то свѣдѣнія, которыми оно располагало по этому вопросу, не только не внушали къ себѣ никакого довѣрія, но, наоборотъ, невольно вызывали полное недоумѣніе. Достаточно сказать, что по этимъ свѣдѣніямъ общее число всѣхъ старообрядцевъ и сектантовъ въ Россіи даже въ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ опредѣлялось всего лишь въ одинъ милліонъ! Это было тѣмъ болѣе странно и необъяснимо, что за время 70-хъ и 80-хъ годовъ у насъ, какъ извѣстно, получили значительное распространеніе многія секты и ученія какъ раціоналистическаго, такъ и мистическаго характера, — какъ, напримѣръ: штунда, пашковцы, баптисты, хлысты-шалопуты и т. д.

Безъ сомнѣнія, гораздо ближе къ истинѣ стояли частные изслѣдователи раскола, которые за этотъ же самый періодъ времени опредѣляли цифру старообрядцевъ и сектантовъ въ 13—14 милліоновъ *).

*) См., напримѣръ, Юзова: „Русскіе диссиденты“, а также нашу статью: „Расколъ и его изслѣдователи“, „Русская Мысль“, 1881 г., № 2.

Итакъ, почти въ одно и то же время цифра раскольниковъ-сектантовъ опредѣлялась и въ 1 милліонъ, и въ 8 милліоновъ, и, наконецъ, въ 14 милліоновъ... Спрашивается, кто менѣе ошибался въ этомъ случаѣ: духовное вѣдомство*), Министерство Внутреннихъ дѣлъ или же частные изслѣдователи раскола?.. Объ этомъ каждый могъ думать, какъ ему угодно.

Въ чемъ же кроется причина столь жалкаго состоянія статистики раскола и сектантства? Въ самомъ дѣлѣ, почему мы безъ всякихъ затрудненій достаемъ вполнѣ точныя свѣдѣнія о численности католиковъ, лютеранъ, магометанъ, наконецъ, язычниковъ, живущихъ въ Россіи, но никакъ не можемъ добыть хотя сколько-нибудь приблизительныхъ свѣдѣній о числѣ русскихъ старообрядцевъ и сектантовъ?

На это возможенъ только одинъ отвѣтъ: главная причина этого ненормальнаго явленія заключается прежде всего въ тѣхъ условіяхъ общественнаго и правового положенія, среди которыхъ живутъ наши раскольники и сектанты. Мы думаемъ, что относительно этого не можетъ быть двухъ разныхъ мнѣній. Въ доказательство своей мысли мы можемъ привести здѣсь мнѣніе одного изъ ревностныхъ миссіонеровъ православія, извѣстнаго изслѣдователя

---

*) Отчеты г. оберъ-прокурора Св. Синода, не сообщая статистическихъ данныхъ о числѣ раскольниковъ и сектантовъ, а также о распредѣленіи ихъ по толкамъ и сектамъ, обилуютъ множествомъ указаній на крѣпость и устойчивость старообрядческаго раскола и на быстрое распространеніе сектъ и ученій раціоналистическаго и мистическаго характера.

безпоповщины, профессора казанской духовной академіи г. Ивановскаго, который писалъ слѣдующее: „Репрессивныя мѣры правительства по отношенію къ расколу, въ какой бы формѣ онѣ ни проявились, ставятъ непреодолимыя препятствія создать раскольническую статистику, потому что при такихъ отношеніяхъ раскольники будутъ всегда скрываться отъ взора правительства; только подъ условіемъ вѣротерпимости и возможна болѣе или менѣе вѣрная статистика раскола“ („Православный Собесѣдникъ“, 1867 г., № 2).

Это писалось во второй половинѣ 60-хъ годовъ. Съ тѣхъ поръ многое, конечно, измѣнилось въ нашей общественной жизни, но гражданскія, правовыя условія жизни русскихъ сектантовъ остались тѣ же самыя, какъ полстолѣтія тому назадъ. Нужно ли доказывать, насколько тягостны эти условія для многомилліонной массы людей, имѣвшихъ несчастіе отпасть отъ православной господствующей Церкви?

Какъ извѣстно, у насъ до сихъ поръ строго соблюдается подраздѣленіе всѣхъ сектъ на болѣе и менѣе вредныя, при чемъ законъ 3 мая 1883 г., даровавшій нашимъ религіознымъ отщепенцамъ нѣкоторыя права и льготы, примѣняется только къ послѣдователямъ такихъ сектъ, которыя подлежащими вѣдомствами признаны „менѣе вредными“.

При подобныхъ условіяхъ очень трудно, конечно, ждать, чтобы люди, принадлежащіе къ толкамъ и сектамъ, признаннымъ духовной и свѣтской администраціей особенно вредными,

на вопросъ счетчика, какого они вѣроисповѣданія, отвѣтили съ полной откровенностью. И едва ли въ этомъ случаѣ помогали дѣлу увѣренія счетчика въ томъ, что за правдивыя и откровенныя показанія о принадлежности къ любой сектѣ никто никакимъ взысканіямъ и наказаніямъ не подвергнется, такъ какъ перепись преслѣдуетъ, дескать, лишь чисто научныя цѣли и т. д.

Безъ сомнѣнія, находились люди, которые открыто и смѣло заявляли счетчикамъ о своей принадлежности къ той или иной сектѣ, изъ числа признанныхъ особенно вредными. Это были люди, готовые „страдать за вѣру“, фанатики, для которыхъ не страшны никакія „гоненія“, стѣсненія и преслѣдованія за религіозныя убѣжденія. Такихъ-то именно людей и зарегистрировали счетчики всеобщей переписи. Но подобные люди въ каждомъ обществѣ, въ каждой сектѣ, составляютъ, разумѣется, меньшинство. Огромное же большинство обыкновенныхъ, среднихъ людей, тѣхъ людей, которые составляютъ толпу и массу, во избѣжаніе всякаго рода непріятностей, постаралось, конечно, такъ или иначе уклониться отъ прямыхъ и точныхъ отвѣтовъ.

Затѣмъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее обстоятельство; извѣстныя общественныя условія, среди которыхъ находились наши сектанты, съ теченіемъ времени выработали въ нихъ особыя качества: скрытность, замкнутость, подозрительность и недовѣріе ко всякому постороннему, чуждому для нихъ, элементу. Не говоря уже о такихъ крайнихъ сектахъ, каковы, напримѣръ, бѣгуны, странни-

ки, неплательщики *) и т. п., почти всѣ наши мистическія секты отличаются крайней скрытностью, осторожностью, а нерѣдко—хитростью и даже двуличностью. Особенно въ этомъ отношеніи выдѣляются хлысты, извѣстные въ разныхъ мѣстностяхъ подъ разными названіями: шалопуты, монтане, богомолы, и. т. д. Обыкновенно хлыстъ первый приходитъ въ церковь, послѣднимъ уходитъ оттуда; онъ молится горячѣе, чѣмъ настоящій православный, ниже и усерднѣе кладетъ поклоны. На вопросъ счетчика, какой онъ вѣры, хлыстъ непремѣнно отвѣтитъ, что онъ—православный изъ православныхъ и въ доказательство сошлется на посѣщеніе имъ церкви, на свои поклоны и т. д.

Между тѣмъ, хлыстовщина считается Церковью одной изъ самыхъ вредныхъ и самыхъ опасныхъ сектъ. Несмотря на суровыя мѣры, принимаемыя духовнымъ вѣдомствомъ и правительствомъ противъ развитія этой секты, она въ очень многихъ мѣстностяхъ Россіи распространяется съ необыкновенной быстротою. Этотъ фактъ констатируется даже такимъ компетентнымъ источникомъ, какимъ въ данномъ случаѣ являются отчеты г. оберъ-прокурора Св. Синода. „Хлыстовщина,—говорится въ одномъ изъ послѣднихъ отчетовъ,—привлекаетъ православныхъ вѣрою въ живыхъ боговъ, легкостью общенія со христами, возможностью самимъ стать пророками и полу-

*) Кстати, секта неплательщиковъ, распространенная на Уралѣ, совсѣмъ даже не упоминается при перечисленіи сектъ, зарегистрированныхъ всеобщей переписью.

чить духа, привлекаетъ, слѣдовательно, именно эта таинственная мистическая сторона хлыстовскаго ученія. Если прибавить къ этому большое искусство, хитрость и осторожность, съ которою хлысты ведутъ свою пропаганду, то понятно будетъ, почему по мѣстамъ случаи совращеній достигаютъ и довольно значительной цифры“ (отчетъ за 1898 годъ, стр. 108).

Изъ того же отчета мы узнаемъ, что хлыстовщина, недавно появившись въ херсонской епархіи, развилась съ такой быстротой, что въ 1898 году число ея послѣдователей простиралось уже до 1,000 человѣкъ.

Между тѣмъ, переписью число послѣдователей мистическихъ сектъ опредѣлено въ 5,139 человѣкъ на всю Россію, при чемъ къ этой категоріи отнесены слѣдующія секты: хлысты, шалопуты, монтане, марьяновцы, богомолы, бѣлоризцы, скопцы и малеванщина. Число же хлыстовъ опредѣлено въ 4,217 душъ. Выше мы видѣли, что еще въ началѣ 60-хъ годовъ Министерство Внутреннихъ дѣлъ число хлыстовъ и скопцовъ опредѣляло въ 110,000 человѣкъ. А такъ какъ за послѣднее время, по свидѣтельству даже чисто офиціальныхъ лицъ, хлыстовщина постоянно и быстро росла, то отсюда понятно, насколько соотвѣтствуетъ дѣйствительности та цифра послѣдователей этой секты, которая установлена всеобщей переписью.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что лица, имѣющія возможность болѣе или менѣе близко наблюдать движенія, происходящія въ настоя-

щее время въ разныхъ мѣстахъ Россіи въ средѣ послѣдователей хлыстовщины, могутъ вполнѣ опредѣленно указать цѣлый рядъ такихъ уѣздовъ, изъ которыхъ, въ каждомъ въ отдѣльности, число хлыстовъ значительно болѣе 4—5 тысячъ человѣкъ.

Тоже въ значительной степени можно сказать и о цифрѣ, установленной переписью относительно послѣдователей раціоналистическихъ сектъ, къ числу которыхъ отнесены: духоборцы, молокане, субботники, прыгуны, общіе, штундисты, пашковцы, немоляки, жидовствующіе, ушковайзетъ, десное братство или іеговисты и, наконецъ, „толстовцы“. Число послѣдователей раціоналистической группы переписью опредѣлено въ 171,060 чел. Общее же количество всѣхъ сектантовъ и старообрядцевъ въ Россіи перепись, какъ извѣстно, опредѣляетъ въ 2.137,738 душъ обоего пола или же въ 2,5 проц. къ общему числу православныхъ.

Мы видѣли, что уже въ началѣ 80-хъ годовъ изслѣдователи раскола, основываясь отчасти на офиціальныхъ свѣдѣніяхъ, считали всѣхъ старообрядцевъ и сектантовъ въ Россіи до 15 милліоновъ. Такимъ образомъ, если мы возьмемъ эту цифру, какъ наиболѣе соотвѣтствующую дѣйствительности, и затѣмъ примемъ во вниманіе, съ одной стороны, естественный приростъ населенія, а съ другой— увеличеніе сектантства путемъ пропаганды, то едва ли будетъ большой ошибкой опредѣлить число всѣхъ старообрядцевъ и сектантовъ въ настоящее время въ 20 милліоновъ... 1902

Итакъ, всеобщая перепись не разрѣшила вопроса о численности старообрядцевъ и сектантовъ, не разсѣяла тѣхъ сомнѣній, которыя существовали до нея относительно этого вопроса. И сейчасъ вопросъ о статистикѣ сектантовъ остается столь же спорнымъ, столь же темнымъ, какимъ онъ былъ до всеобщей переписи. И сейчасъ мы не знаемъ, сколько же у насъ старообрядцевъ и сектантовъ — 2 милліона или же 20 милліоновъ?.. Но винить за эту неудачу перепись или въ частности тѣхъ лицъ, которыя собирали и группировали статистическія свѣдѣнія, повторяемъ, было бы болѣе чѣмъ странно и несправедливо.

Уральское старообрядчество.

Библиотека-читальня
им. А. П. Р. ЩЕВА

УРАЛЬСКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО.

Быстрое развитіе нѣкоторыхъ сектъ въ родѣ штунды и баптизма, успѣвшихъ въ самое короткое время раскинуться на весьма значительные районы и увлечь за собою тысячи послѣдователей, почти всѣми признается за фактъ, болѣе или менѣе установленный, и потому ни въ печати ни въ обществѣ, обыкновенно, не подвергается оспариванію. Въ иномъ положеніи находится вопросъ о современномъ состояніи старообрядчества. Извѣстная часть печати, продолжающая до сихъ поръ смотрѣть на старообрядчество исключительно лишь какъ на продуктъ невѣжества, энергически старается увѣрить, что старообрядчество съ каждымъ днемъ вырождается, слабѣетъ и вымираетъ, уступая свое мѣсто православію и единовѣрію. Точно такъ же и въ обществѣ весьма часто можно слышать сложившіяся a priori мнѣнія, которыя, охотно признавая будущность за разными раціоналистическими сектами, въ то же время, пророчатъ *самый близкій* и неминуемый конецъ расколу, извѣстному подъ именемъ старообрядчества.

Появляющіяся иногда въ газетахъ извѣстія объ усиленіи раскола въ той или другой мѣстности принимаются, обыкновенно, съ явнымъ недовѣріемъ, чему, впрочемъ, главнымъ образомъ, способствуетъ отрывочность и голословность этихъ сообщеній. Какъ бы ни было, но вопросъ о томъ, вымираетъ или, наоборотъ, растетъ старообрядчество, до сихъ поръ въ глазахъ большинства общества остается спорнымъ, открытымъ вопросомъ.

Между тѣмъ, вопросъ этотъ, безспорно, имѣетъ существенно важное значеніе и въ чисто практическомъ, жизненномъ отношеніи. Если признать, что старообрядчество дѣйствительно вымираетъ съ поразительною быстротой, какъ насъ стараются увѣрить, если оно не сегодня—завтра безусловно исчезнетъ съ лица земли, то о чемъ же, въ такомъ случаѣ, и хлопотать? Къ чему тогда всѣ эти толки, заботы, ходатайства о расширеніи правъ старообрядцевъ, о предоставленіи имъ возможности молиться безъ страха быть разогнанными, о правѣ имѣть свои школы, о распечатаніи алтарей, кладбищъ, молелень и проч. и проч.? Если расколъ обходился безъ этихъ „правъ“, безъ этихъ „льготъ“ въ теченіе двухъ столѣтій, когда онъ, дѣйствительно, представлялъ собою грозную силу, когда онъ росъ и крѣпъ, то съ какой же стати намъ теперь вдругъ надѣлять этотъ расколъ разными правами и льготами, когда онъ началъ хирѣть, вымирать, разлагаться? Самая необходимость этихъ правъ и льготъ не есть ли просто выдумка досужихъ и, чего добраго, пожалуй, недостаточно благонамѣренныхъ публицистовъ?

Въ видахъ посильнаго разъясненія вопроса, считаемъ небезынтереснымъ предложить читателямъ настоящіе очерки современнаго состоянія уральскаго раскола, составленные на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ подлинныхъ дѣлъ. Не мало выводовъ и разнаго рода обобщеній невольно напрашивается по поводу данныхъ, приводимыхъ въ этихъ очеркахъ; но, по многимъ соображеніямъ, считаемъ необходимымъ ограничиться на этотъ разъ лишь чисто фактическою стороною дѣла, оставивъ за собою право когда-нибудь, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, подвести итоги всѣмъ приводимымъ нами фактамъ и даннымъ.

Хотя наши свѣдѣнія и относятся непосредственно лишь къ Уралу, но едва ли нужно доказывать, что общія условія, среди которыхъ живетъ огромное большинство послѣдователей старообрядчества, въ главныхъ чертахъ, одинаковы и однородны для всей Россіи.

I.

Статистика уральскаго старообрядчества.

Въ 1826 году въ Пермской губерніи, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, показывалось 112,000 „раскольниковъ“; въ тридцатыхъ годахъ, при бывшемъ архіепископѣ Аркадіи, обращено въ православіе, ни больше ни меньше, какъ 100,000 человѣкъ; но въ 1841 году, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, раскольниковъ оставалось еще 108,000! Откуда явилась эта новая сотня тысячъ раскольниковъ? Въ сороковыхъ годахъ въ пермской епархіи снова обращено было изъ раскола въ православіе до 100,000 человѣкъ; тѣмъ не менѣе, въ 1850 году все-таки показывается 72,000 раскольниковъ; наконецъ, въ пятидесятыхъ годахъ было обращено еще до сотни тысячъ; однако, несмотря на это, въ 1864 году все-таки показываются почти тѣ же 70,000 раскольниковъ.

Нуженъ ли лучшій примѣръ, чтобъ наглядно убѣдиться въ вопіющей неточности и фантастичности офиціальной статистики раскола? Въ то же время, приведенный примѣръ, какъ нельзя лучше выясняетъ всю призрачность,

всю фиктивность тѣхъ „обращеній изъ раскола“, которыми, какъ прежде, такъ и теперь, нерѣдко наполняются разнаго рода отчеты и донесенія.

Приведемъ затѣмъ офиціальныя данныя о числѣ раскольниковъ Пермской губерніи за время съ 1860 по 1882-й годъ. По отчетамъ губернатора, показывалось раскольниковъ всѣхъ сектъ:

Годы.	Мужского пола.	Женскаго пола.	Всего.
За 1860	29,798	34,509	64,307
„ 1865	31,133	36,087	67,220
„ 1866	31,059	37,138	68,198
„ 1867	31,105	36,609	67,714
„ 1868	32,946	38,263	71,109
„ 1878	свѣдѣній не показывалось	свѣдѣній не показывалось.	79,861
„ 1879			81,135
„ 1880	42,824	48,387	91,211
„ 1881	44,082	49,488	93,570

Изъ этой таблицы, между прочимъ, видно, что въ теченіе двадцати лѣтъ число раскольниковъ въ Пермской губерніи, постепенно возрастая, увеличилось слишкомъ на 29,000 человѣкъ обоего пола. Тѣмъ не менѣе, невольно является вопросъ: даютъ ли эти цифры надлежащее представленіе о дѣйствительномъ распространеніи раскола? Посмотримъ сначала, какъ относится къ этимъ цифрамъ сама мѣстная администрація.

По отчету губернатора за 1878 годъ, всѣхъ раскольниковъ Пермской губерніи было показано 79,861 человѣкъ обоего пола; но при этомъ отчетъ замѣчалъ, что „цифру эту нельзя считать достовѣрною“ и что „въ дѣйствительности раскольниковъ въ губерніи *гораздо болѣе*,

тѣкъ какъ многіе, считаясь офиціально православными, втайнѣ ревностно слѣдуютъ еретическимъ ученіямъ. Особенно же тщательно скрываютъ свои вѣроученія послѣдователи вредныхъ сектъ“.

За 1879 годъ раскольниковъ значилось 81.135 душъ обоего пола. Но и эту цифру отчетъ сопровождалъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Хотя общее число раскольниковъ въ губерніи и оказалось болѣе числа ихъ за 1878 годъ, но на самомъ дѣлѣ численность раскольниковъ должна быть *еще гораздо больше*, потому что значительная часть жителей, особенно въ горныхъ заводахъ и между удѣльными крестьянами, считаясь православными или единовѣрцами, остаются ревностными послѣдователями раскольническихъ ученій и не принадлежатъ къ лону св. Церкви“.

Въ 1880 году число раскольниковъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, возросло до 91,211 человѣкъ. Однако и на этотъ разъ отчетъ заявлялъ: „Хотя, по собраннымъ нынѣ вновь черезъ полицію свѣдѣніямъ, общее число раскольниковъ въ губерніи и оказалось болѣе числа ихъ за предшествовавшій 1879 годъ, но численность эта *далеко ниже дѣйствительной*, потому что значительное число раскольниковъ, считаясь принадлежащими къ православной или единовѣрческой Церкви, на самомъ дѣлѣ остаются ревностными послѣдователями раскола“.

Такимъ образомъ, сама мѣстная администрація открыто признаетъ, что офиціальныя цифры раскольниковъ *нельзя считать достовѣр-*

ными, что на самомъ дѣлѣ раскольниковъ *гораздо больше*, и что численность ихъ, приводимая въ отчетахъ, *далеко ниже дѣйствительной*. Но, къ сожалѣнію, мы не находимъ въ отчетахъ ни малѣйшей попытки опредѣлить болѣе точно дѣйствительную цифру раскольниковъ. Чѣмъ объяснить такой важный, существенный пробѣлъ? Неужели опасеніемъ, боязнью испугать кое-кого чересчуръ крупною цифрою раскольниковъ? Но вѣдь рано или поздно, а жизнь заставитъ взглянуть истинѣ прямо въ глаза! Не пришлось бы тогда пожалѣть, что такъ долго скрывали сами отъ себя настоящее, дѣйствительное, положеніе дѣла, маскируя его завѣдомо невѣрными цифрами и отчетами.

Какъ же велико дѣйствительное число раскольниковъ въ Пермской губерніи? Не знаемъ, такъ какъ всѣ имѣющіяся по этому вопросу цифры и свѣдѣнія рѣшительно не заслуживаютъ никакого довѣрія. Мы можемъ, съ своей стороны, указать лишь на мнѣнія нѣкоторыхъ лицъ, болѣе или менѣе близко знакомыхъ съ краемъ, которыя утверждаютъ, что официальная цифра раскольниковъ (93,570 человѣкъ) менѣе дѣйствительной *въ десять разъ*: такимъ образомъ, по мнѣнію этихъ лицъ, общее число раскольниковъ Пермской губерніи не менѣе 935,000 человѣкъ. Другіе же, имѣвшіе возможность основывать свое заключеніе на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ миссіонерами, священниками, благочинными и т. п., доводятъ эту цифру *до милліона*.

Если официальная статистика даже приблизительно не знаетъ, *сколько* всѣхъ раскольн-

ковъ въ Пермской губерніи, то само собою понятно, что мы не можемъ ожидать отъ нея, чтобъ она указала намъ хоть съ приблизительною точностью, *какъ* именно эти раскольники распредѣляются по различнымъ сектамъ. Вотъ административныя данныя по этому вопросу за послѣдніе четыре года:

Годы.	Пріемлющіе священство.	Безпоповцы. Признающіе браки.	Непризнающіе браковъ.	Іудействующіе или суботники.	Скопцы.	Разныхъ другихъ сектъ.	Бѣгуны. Неплательщики.	Лучинковцы.
1878	10,746	66,814	2,141	4	43	113 *)	свѣдѣній не показывалось.	
1879	13,172	65,267	2,684	12	свѣдѣній не показывалось.			
1880	11,747	71,056	8,408	свѣдѣній не показывалось.				
1881	13,610	70,946	8,745	свѣдѣній не показывалось.		181	90	

Судя по этимъ даннымъ, наибольшее число послѣдователей выпадаетъ на долю безпоповцевъ, признающихъ браки; за ними идутъ поповцы, потомъ безпоповцы, непризнающіе браковъ, и, наконецъ, неплательщики, лучинковцы, скопцы и субботники. Но, затѣмъ, мы рѣшительно отказываемся дѣлать какіе бы ни было выводы на основаніи цифръ, представляющихъ собою не что иное, какъ плодъ вдохновенія волостныхъ писарей и становыхъ приставовъ.

Выше мы указывали на неоднократныя заявленія офиціальныхъ отчетовъ, что многіе

*) Слѣдуетъ думать, что въ этой цифрѣ показаны, главнымъ образомъ, бѣгуны.

изъ крестьянъ, считаясь единовѣрцами или православными, на самомъ дѣлѣ остаются ревностными послѣдователями раскола. Но для того, чтобъ дать возможность читателямъ по достоинству оцѣнить важное значеніе этихъ признаній, мы считаемъ необходимымъ подробнѣе остановиться на вопросѣ объ этомъ, если можно такъ выразиться, мнимомъ единовѣріи и фиктивномъ православіи.

II.

Единовѣрцы поневолѣ.

Число единовѣрцевъ въ Пермской губерніи въ 1860 году опредѣлялось, по оффиціальнымъ даннымъ, въ 93,821 человѣкъ. Офицеръ генеральнаго штаба, подполковникъ Мозель, производившій изслѣдованіе Пермской губерніи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, писалъ по этому поводу, что многіе изъ раскольниковъ присоединяются къ единовѣрію только для виду, на самомъ же дѣлѣ „продолжаютъ придерживаться сектаторскихъ идей и понятій".

Для чего же они присоединяются къ единовѣрію?

Чтобъ нагляднѣе показать, какимъ образомъ еще въ недавнее, сравнительно, время происходили эти переходы изъ раскола въ единовѣріе, приведемъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ дѣлъ изъ числа рѣшенныхъ въ различныхъ административныхъ инстанціяхъ. Смѣемъ думать, что читатели не посѣтуютъ на насъ за это, такъ какъ дѣла, которыя мы имѣемъ въ виду изложить здѣсь, проливаютъ весьма яркій свѣтъ не только на дѣло единовѣрія и на способы, которыми оно вводилось,

но и на тѣ общія условія, среди которыхъ до сихъ поръ живетъ многомилліонная масса старообрядческаго и мнимоединовѣрческаго населенія.

Чтобъ отстранить отъ себя всякую возможность нарекапій и обвиненій въ тенденціозности изложенія, въ пристрастномъ освѣщеніи фактовъ и т. п., мы будемъ излагать эти дѣла языкомъ подлинныхъ актовъ.

8-го апрѣля 1861 года крестьяне Невьянскаго завода Симонъ Сергѣевъ Корюковъ и Семенъ Ѳедоровъ Богомоловъ „съ товарищи“ подали прошеніе пермскому губернатору такого содержанія:

„По состоянію издревле предковъ и отцовъ нашихъ, мы рождены, просвѣщены святымъ крещеніемъ и воспитаны въ старообрядчествѣ, но, по случаю принимаемыхъ напредь сего со стороны правительства мѣръ къ прекращенію старообрядчества, мы *при стѣсненіи насъ мѣстнымъ начальствомъ противъ совѣсти и желанія нашего, безъ душевнаго расположенія, принужденно были присоединены къ единовѣрію* и при вступленіи въ бракъ повѣнчаны въ церкви, но, какъ неимѣющіе на то своего усердія, всегда желали и въ настоящее время желаемъ быть по примѣру предковъ и родителей нашихъ, о чемъ мы лично объявляли мѣстному приходскому священнику, но со стороны духовнаго начальства никакого распоряженія объ этомъ нѣтъ.

„Таковымъ бездѣйствіемъ духовной власти вынудившись обратиться къ вашему превосходительству, осмѣливаемся покорнѣйше просить объ отчисленіи насъ съ семействами изъ среды единовѣрцевъ и объ исключеніи изъ списковъ церковныхъ—учинить съ вашей стороны зависящее распоряженіе“.

При этомъ прошеніи приложенъ былъ списокъ просителей, „желавшихъ исключиться

изъ среды единовѣрцевъ". Въ этомъ спискѣ значилось 18 семействъ, а въ нихъ 82 души.

По поводу этого прошенія состоялось слѣдующее постановленіе губернскаго правленія:

„Хотя крестьяне Корюковъ, Богомоловъ и прочіе, состоящіе въ единовѣріи, и ходатайствуютъ объ отчисленіи ихъ съ семействами изъ среды единовѣрцевъ и объ исключеніи изъ списковъ церковныхъ, но какъ, съ одной стороны, на основаніи вновь изданныхъ правилъ для дѣйствія по дѣламъ, до раскола относящимся, оставляются безъ преслѣдованія за мнѣнія о вѣрѣ и исправленіи требъ по своимъ обрядамъ давнишніе только раскольники, а просители состоятъ въ единовѣріи, бывъ просвѣщены, по рожденіи, святымъ крещеніемъ, а потомъ, при вступленіи въ браки, повѣнчаны въ церкви; а съ другой стороны, просители не объяснили, въ чемъ именно дѣлаетъ имъ стѣсненіе и какое мѣстное начальство,—то губернское правленіе полагаетъ: *оставить*, по симъ основаніямъ, *прошеніе ихъ безъ послѣдствій*, и для объявленія сего имъ, составя надлежащее объявленіе, отослать оное къ невьянскому заводскому исправнику и предписать ему указомъ взыскать съ просителей за употребленную по ихъ прошенію, вмѣсто гербовой, простую бумагу за пять листовъ 1 руб. 50 копеекъ, которые и отослать въ мѣстное уѣздное казначейство. Потомъ дѣло это почитать оконченнымъ".

Подобный фактъ, надѣемся, освобождаетъ насъ отъ всякаго рода комментаріевъ. Но, чтобъ читатель не считалъ его исключительнымъ, приведемъ другой, вполнѣ аналогичный, но еще болѣе яркій примѣръ изъ болѣе близкаго къ намъ времени.

Въ 1873 году благочинный единовѣрческихъ церквей Осинскаго уѣзда, Александръ Поповъ, донесъ епархіальному начальству, что прихожане дубровской единовѣрческой церкви „не изъявляютъ желанія избрать изъ среды своей

церковнаго старосту для своей приходской церкви на трехлѣтіе съ 1872 года, о чемъ и составили общественный приговоръ“.

Духовная консисторія рапортъ благочиннаго вмѣстѣ съ приговоромъ общества препроводила къ мировому посреднику 3-го участка Осинскаго уѣзда и просила его „употребить зависящія отъ него мѣры къ побужденію прихожанъ дубровской единовѣрческой церкви избрать на слѣдующее трехлѣтіе церковнаго старосту, согласно Высочайше утвержденной инструкціи старостамъ, человѣка, достойнаго довѣрія для охраненія церковнаго имущества, внушивъ имъ, что несогласіе ихъ выбрать изъ среды своей церковнаго старосту есть нарушеніе закона, и что, во избѣжаніе *строжайшей отвѣтственности* они обязаны исполнить общее законное установленіе“. При этомъ консисторія просила, чтобъ избраніе старосты происходило въ присутствіи мѣстнаго благочиннаго и причта дубровской единовѣрческой церкви, и чтобъ новый приговоръ, законно засвидѣтельствованный, былъ немедленно представленъ въ консисторію.

На это мировой посредникъ увѣдомилъ консисторію, что онъ „два раза собиралъ всѣхъ прихожанъ и совѣтовалъ имъ, не подвергая себя за упорство отвѣтственности, избрать добровольно церковнаго старосту; но прихожане, особенно же крестьяне деревни Мичуры, *наотрѣзъ отказались* исполнить требованіе, присовокупивъ, что *ни за что на свѣтѣ не согласятся* ни избирать старосту ни постановлять приговоръ, такъ какъ *они не единовѣрцы, а раскольники;*

въ церковь они никогда не пойдутъ, и старосты имъ не нужно".

Вслѣдствіе этого, Антоній, архіепископъ пермскій и верхотурскій, „имѣя въ виду статью 99-ю духовныхъ консисторій и существующія узаконенія, по которымъ прихожане обязаны избирать изъ среды себя церковнаго старосту къ той церкви, къ которой они приписаны, и принимая во вниманіе упорное неисполненіе законныхъ требованій прихожанами дубровской единовѣрческой церкви, при всѣхъ настояніяхъ со стороны консисторіи и мирового посредника", обратился къ губернатору и просилъ его „побудить крестьянъ Дубровской и Маркашевской волостей, приписанныхъ къ приходу дубровской единовѣрческой церкви, къ немедленному избранію изъ среды своей церковнаго старосты".

Интересно постановленіе, состоявшееся по этому дѣлу въ губернскомъ правленіи. Несмотря на то, что постановленіе это не отличается особенною грамотностью, мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ, чтобъ рельефнѣе обрисовать то, чисто формальное, казенное отношеніе, съ какимъ разсматриваются у насъ подобнаго рода дѣла.

„Изъ дѣла видно, — говорится въ постановленіи,—что единовѣрцы, состоящіе въ приходѣ села Дубровскаго, Осинскаго уѣзда, несмотря на увѣщанія духовнаго начальства и мѣстнаго мирового посредника, рѣшительно отказались избрать изъ своей среды старосту къ приходской церкви и отозвались, что они не единовѣрцы, а раскольники, и что они никогда не пойдутъ въ церковь, и старосты имъ

47 ст. XIV т. св. з.

не нужно, слѣдовательно, эти единовѣрцы уклонились въ расколъ. Принимая въ соображеніе: 1) что, на основаніи 47-й ст. XIV т. св. з. устава о предупр. и прес. прест. противъ вѣры, воспрещается отступать отъ православной вѣры, а по 52-й ст. того же устава, обнаруженіе совратившихся отъ православія дѣлается на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ объ открытіи преступленій и 2) что просители называютъ себя раскольниками, отступившими отъ единовѣрія, — губернское правленіе опредѣляетъ: о всемъ дать знать осинскому уѣздному суду на его распоряженіе".

Распоряженіе это будетъ состоять въ томъ, что уѣздный судъ возбудитъ судебное преслѣдованіе противъ всѣхъ, кто окажется виновнымъ „въ отступленіи отъ вѣры православной". Подобнымъ финаломъ, обыкновенно, разрѣшались и до сихъ поръ разрѣшаются всѣ дѣла „объ уклоненіи изъ единовѣрія въ расколъ", а такихъ дѣлъ повсюду возникаетъ многое множество. Напрасно эти quasi-единовѣрцы стараются увѣрить, что они никогда и не думали принадлежать къ единовѣрію, а всегда были и до сихъ поръ остаются старообрядцами—ихъ никто не слушаетъ, ихъ увѣренія игнорируются; всѣ ихъ жалобы, просьбы, ходатайства остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

III.

Фиктивное православіе.

Въ 1866 году къ статсъ-секретарю у принятія прошеній поступило прошеніе государственныхъ крестьянъ Пермской губерніи, Камышловскаго уѣзда, Ананія Ведерникова, Ивана Подшивалова и другихъ, въ числѣ *470-ти человѣкъ*, о дозволеніи имъ отправлять богослуженіе по старому обряду и объ отводѣ имъ мѣста для кладбища. Прошеніе написано по титулѣ и состоитъ изъ двухъ пунктовъ. Приводимъ его съ буквальною точностью:

1) „Праотцы наши состояли на обрядѣ стараго древняго закона лѣтъ Никона патріарха, узаконенномъ напредь его бывшими пятью патріархами: Іовомъ, Гермономъ, Филаретомъ, Іоссафомъ и Іосифомъ, слѣдовали напечатаннымъ ими святымъ книгамъ, утвержденнымъ бывшими тогда царями: Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и Алексѣемъ Михайловичемъ, согласно изданнымъ семью святыми соборами и девятью помѣстными уставамъ, принятыми издревле греко-россійскою церковью равноапостольскимъ княземъ Владимиромъ; святое митрополіе происходило безъ всякаго измѣненія, святосіяющее боголюбивое ихъ основаніе воспослѣдовало по старому обряду начально Саратовской губерніи по рѣкѣ Иргизу по высочайшему соизволенію августѣйшаго нашего Монарха.

2) „Вслѣдствіе тѣхъ, изданныхъ патріархами и утвержденныхъ въ Возѣ почивающими царями правилъ, слѣдуя имъ, мы, вѣрноподданные, подражая вѣрѣ праотцевъ нашихъ и слѣдуя по изданнымъ для спасенія душъ нашихъ книгамъ стараго до лѣтъ Никона патріарха закона, желаемъ остаться и слѣдовать дѣйствію закона божія, исполняемому праотцами нашими, а не менѣе того содержанія поморскаго даниловскаго монастыря и чтобъ повелѣно было отвести для усопшихъ тѣлъ особое кладбище, а потому всеподданнѣйше просимъ.

„Дабы повелѣно было для спасенія нашихъ душъ и приношенія теплыхъ молитвъ къ Всевышнему Создателю о здравіи августѣйшаго Монарха нашего остаться въ вѣрѣ, исполняемой усопшими праотцами нашими, и тѣмъ успокоить ежеминутно трепещущія о спасеніи сердца наши“.

Получивъ это прошеніе, статсъ-секретарь препроводилъ его къ министру внутреннихъ дѣлъ, а тотъ, въ свою очередь, къ пермскому губернатору „для доставленія по оному свѣдѣній и заключенія“. Губернаторъ Струве запросилъ камышловскаго уѣзднаго исправника. Исправникъ медлилъ донесеніемъ. Между тѣмъ, изъ министерства получается подтвержденіе. Тогда губернаторъ строго-настрого предписываетъ исправнику доставить свѣдѣнія „въ семидневный срокъ“.

Наконецъ, получился рапортъ исправника, который писалъ:

„Какъ по церковнымъ, такъ и по полицейскимъ документамъ, означенные въ спискѣ крестьяне (просители) не числятся раскольниками, что подтверждается прилагаемыми при семъ свѣдѣніями священно-церковнослужителей тѣхъ приходовъ, въ коихъ состоятъ просители; слѣдовательно, просьба ихъ о дoз-

воленіи имъ отправлять богослуженіе по старому обряду и объ отводѣ кладбища есть одинъ только предлогъ (?!), а главная цѣль ихъ и желаніе уклониться окончательно въ расколъ и тѣмъ освободиться отъ несенія общественныхъ должностей по выборамъ". Въ виду этого, исправникъ высказываетъ убѣжденіе, что ходатайство просителей „вовсе не заслуживаетъ удовлетворенія".

Въ высшей степени интересны отзывы священниковъ, доставленные по этому случаю.

Села Балаирскаго священникъ, І. Рязановъ, пишетъ: „Просители въ расколѣ не состояли и не состоятъ и по церковнымъ документамъ значатся православными, только колеблющимися въ вѣрѣ, такъ какъ, по распоряженію высшаго епархіальнаго начальства, всѣхъ прихожанъ, уклонявшихся въ расколъ, велѣно считать и обозначать въ церковныхъ документахъ колеблющимися въ вѣрѣ".

Села Уэцкаго священно-церковнослужители пишутъ: „Просители по метрическимъ книгамъ и духовнымъ росписямъ не значатся въ расколѣ... но только по ихъ лѣности и нерадѣнію у исповѣди и св. причастія за нѣсколько лѣтъ не бывали".

Села Куяровскаго священникъ сообщаетъ: „Въ куяровскомъ приходѣ, отъ начала его существованія и донынѣ, не было раскольниковъ, не было и единовѣрцевъ; всѣ лица, означенныя въ регистрѣ (просители), значатся по церковнымъ документамъ православнаго вѣроисповѣданія. Ссылка же домогающихся на своихъ праотцевъ — чистая ложь и клевета на нихъ".

Но особенною откровенностью отличается сообщеніе священника села Горбуновскаго, Андрея Оранскаго, который пишетъ:

„Просители по церковнымъ документамъ въ расколѣ никогда не состояли и въ настоящее время еще не значатся. Что же касается до ихъ уклоненія въ расколъ, то оное произошло *въ недавнее время*, именно не ранѣе прошедшаго февраля мѣсяца. Не лишнимъ считаю къ сему присовокупить и то, что, по дошедшимъ до меня слухамъ, расколъ разсѣвается въ нашемъ приходѣ крестьяниномъ деревни Яровой (котораго ни имени ни фамиліи, по недавности служенія моего въ селѣ Горбуновскомъ, я не знаю) съ такою силою, что не только ближайшіе, но и дальнѣйшіе приходы, какъ-то: уэцкій, балапрскій и бѣляковскій, заражены и заражаются его лжеученіемъ".

По полученіи этихъ свѣдѣній, пермское губернское правленіе дѣлаетъ слѣдующее постановленіе: „Не имѣя въ виду основаній къ удовлетворенію просьбы поименованныхъ (470-ти) крестьянъ, оставить домогательство ихъ безъ уваженія, о чемъ донести г. министру внутреннихъ дѣлъ".

Этимъ дѣло не кончилось. Вскорѣ благочинный Камышловскаго уѣзда, священникъ Николай Чернавинъ, донесъ епархіальному начальству, что главнымъ виновникомъ „разстройства и совращенія 470-ти человѣкъ въ расколъ" слѣдуетъ признать крестьянина деревни Яра, Іосифа Носова, который уклонился въ расколъ еще въ 1855 году, а нынѣ совращаетъ своихъ односельчанъ. Увлекши за собою 470 человѣкъ православныхъ, Носовъ принялъ на себя ходатайство передъ начальствомъ о формальномъ отчисленіи ихъ въ расколъ. При этомъ, „для большаго успѣха, Носовъ

дѣлаетъ денежные сборы и собралъ уже 120 рублей".

Духовная консисторія предписала камышловскому земскому суду выслать Носова „для сдѣланія ему увѣщанія". Однако, увѣщаніе это не помогло: Носовъ „остался упорнымъ въ своихъ заблужденіяхъ" и „не подалъ никакой надежды на обращеніе въ святую вѣру". Тогда противъ него возбуждено было судебное преслѣдованіе. Но въ то время, какъ въ камышловскомъ уѣздномъ судѣ производилось слѣдствіе по этому дѣлу, Носовъ вмѣстѣ съ отпавшими въ расколъ 470-ю крестьянами подаетъ новое прошеніе, на этотъ разъ, на имя Великаго Князя Владимира Александровича.

Заявивъ, что отцы и дѣды ихъ „состояли въ вѣрѣ старообрядческой, называемой поморскою, и исполняли законъ, принятый издревле", просители жалуются на священника куяровской церкви, Николая Федюшина, „который на состоящихъ въ его приходѣ старообрядцевъ имѣетъ сильное негодованіе; а какъ онъ человѣкъ самостоятельный, имѣющій порядочное состояніе и знакомъ со многими лицами, облеченными властью, то прихожанъ своихъ совершенно стѣснилъ, такъ что, по ходатайству его предъ начальствомъ, тѣла умершихъ въ нашей вѣрѣ подвергаются долговременному непохороненію и даже освидѣтельствованію врача".

Въ подкрѣпленіе своей жалобы просители ссылались на „Высочайше утвержденное въ 4-й день ноября 1863 года мнѣніе Государственнаго Совѣта, объ измѣненіи 75-й ст. уст. о предупр. и прес. прест., св. зак. изд. 1857

года, тома XIV, изъ котораго видно, что мѣстные священники и другія духовныя лица обязаны только назидать и увѣщавать совратившихся въ расколъ, а не отвлекать ихъ отъ мѣстожительства и обыкновенныхъ трудовъ и занятій".

Въ виду всего изложеннаго, просители „всепокорнѣйше" ходатайствовали разрѣшить имъ „безстѣсненное исполненіе праотцевской вѣры и дозволить имъ тѣла умершихъ въ старой вѣрѣ безстѣснепно похоронить на кладбищахъ, гдѣ похоронены праотцы ихъ".

Пройдя черезъ многія руки, прошеніе это, въ концѣ-концовъ, попало въ пермское губернское правленіе; здѣсь оно было *оставлено безъ послѣдствій*, въ виду того, что ходатайство это было уже на разсмотрѣніи и признано противозаконнымъ и неподлежащимъ удовлетворенію.

Спустя годъ послѣ этого, возникаетъ новое дѣло вполнѣ аналогичнаго характера.

Крестьяне Красноуфимскаго уѣзда, уткинскаго завода, Ефимъ Поповъ и Григорій Чепелевъ и шайтанскаго завода Ефимъ Крохинъ, Артеміи Бачаевъ, Аоанасіи Васильевъ, Аоанасіи Сандаковъ и другіе начали ходатайство „о дозволеніи имъ исповѣдывать старообрядчество и избирать изъ своей среды наставниковъ для исправленія духовныхъ требъ".

Дѣло поступило въ Святѣйшій Синодъ, и здѣсь состоялось по этому поводу слѣдующее постановленіе: „Усматривая изъ донесенія преосвященнаго пермскаго, 1) что крестьяне Поповъ, Чепелевъ, Крохинъ и Бачаевъ по спискамъ церковнымъ значатся раскольниками и 2) что крестьяне Васильевъ и Сандаковъ со-

БИБЛИОТЕКА

стоятъ въ единовѣріи, къ которому присоединились по собственному желанію, и имѣя въ виду, что хотя, на основаніи 60-й ст. т. XIV уст. о пред. и прес. преступ., раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ, но, съ другой стороны, по силѣ 75-й ст. того же тома (по продолж.) 1864 года, совращеніе изъ вѣры православной въ расколъ отнюдь не можетъ быть дозволено правительствомъ, которое имѣетъ своею обязанностью указанными въ законѣ мѣрами дѣйствовать къ возвращенію совратившихся въ общеніе съ св. Церковью, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: прошеніе вышеупомянутыхъ крестьянъ раскольниковъ, какъ голословное (?), и единовѣрцевъ Васильева и Сандакова, какъ незаслуживающее уваженія, *оставить безъ удовлетворенія*, о чемъ и объявить просителямъ, взыскавъ съ нихъ гербовыхъ пошлинъ за три листа".

„Оставить безъ послѣдствій", „оставить безъ удовлетворенія"—вотъ тѣ обычные отвѣты, которые въ теченіе долгаго времени неизмѣнно получались старообрядцами на всѣ ихъ безчисленныя ходатайства, „всепокорнѣйшія" просьбы и жалобы. Само собою понятно, что подобное отношеніе къ дѣлу нимало не разрѣшало вопроса, который самою жизнью все болѣе и болѣе усложнялся, назрѣвалъ и обострялся. Ходатайства старообрядцевъ, чтобъ ихъ не считали и не показывали въ числѣ православныхъ, слѣдуютъ длиннымъ, непрерывнымъ рядомъ.

Такъ, въ 1871 году, довѣренные отъ 42 душъ Очерской и Павловской волостей, Оханскаго уѣзда, мастеровые Яковъ Чазовъ и Филимонъ

Бояришновъ, подали губернатору прошеніе, въ которомъ объясняли, что они съ довѣрителями своими отъ рожденія состоятъ въ расколѣ (какъ состояли и ихъ предки), но что мѣстное православное духовенство по метрическимъ книгамъ показываетъ ихъ рожденными и крещенными по обряду православной вѣры и стѣсняетъ въ отправленіи обрядовъ по расколу. Затѣмъ, просители, заявивъ еще разъ, что они не православные, а старообрядцы, просили сдѣлать распоряженіе по просьбѣ ихъ, согласно 60-й, 63-й, 75-й и 76-й ст. XIV т. св. зак. уст. о предупр. и прес. прест. По полученіи этого прошенія губернаторъ проситъ мѣстное епархіальное начальство доставить ему слѣдующія свѣдѣнія: 1) въ православіи или въ расколѣ пишутся по церковнымъ документамъ просители и съ какого времени; 2) исправляли ли они какія-нибудь христіанскія требы чрезъ своего приходскаго священника и въ какихъ отношеніяхъ ко святой Церкви они состоятъ нынѣ; 3) дѣйствительно ли всѣ давали довѣренность Чазову и Бояришнову на ходатайство объ отчисленіи ихъ въ расколъ, и нѣтъ ли между довѣрителями несовершеннолѣтнихъ.

Въ отвѣтъ на это вскорѣ были получены (чрезъ мѣстнаго миссіонера) слѣдующія данныя: 1) Мастеровые озерскаго и павловскаго заводовъ, дѣйствительно, давали довѣренность Чазову и Бояришнову на подачу прошенія объ отчисленіи ихъ въ расколъ и подписывали ее въ домѣ Семена Каменскаго. 2) Всѣ просители отъ рожденія своего *состоятъ въ православіи* и исправляли всѣ христіанскія требы чрезъ

православныхъ священниковъ. 3) Притѣсненій отъ священниковъ никогда не видѣли и остаются ими довольны. Далѣе, мѣстные приходскіе священники объяснили, что къ подачѣ прошенія возбудилъ крестьянъ мастеръ кричной фабрики Михаилъ Григорьевъ Бурдинъ, который не иначе допускалъ ихъ на работу, какъ подъ условіемъ отреченія отъ Церкви. Самъ Бурдинъ сознался, что онъ дѣйствительно возбуждалъ мастеровыхъ къ отступленію отъ св. Церкви.

Изъ числа крестьянъ, подписавшихся подъ довѣренностью, одинъ Емельянъ Торсуновъ показалъ, что онъ довѣренности на перечисленіе его изъ православія въ расколъ никому не давалъ, никого не просилъ подписаться за себя и на уклоненіе изъ православія въ расколъ не согласенъ. Изъ документовъ, доставленныхъ миссіонеромъ, было видно, что просители „приходили къ исповѣди, а *иногда* и ко святому причащенію“ и что они „стали уклоняться отъ св. Церкви только въ послѣдніе годы“.

Епархіальное начальство просило администрацію, „въ виду прекращенія подобныхъ просьбъ со стороны *раскольниковъ* (sic), обратить особенное вниманіе на дѣйствія мастера кричной фабрики Михаила Григорьева Бурдина, на показаніе мастерового Емельяна Торсунова о рукоприкладствѣ за него подъ довѣренностью, безъ согласія его, а также на составителя прошенія, произвольно внесшаго въ прошеніе, что притѣсненія со стороны мѣстныхъ священниковъ заставили крестьянъ подать прошеніе“.

Какъ и можно было ожидать, прошеніе старообрядцевъ постигла судьба, общая для всѣхъ подобнаго рода ходатайствъ. Губернское правленіе, куда оно перешло, постановило прошеніе это оставить безъ послѣдствій, въ виду того, что „по 47-й ст. XIV тома св. зак. уст. о пред. и прес. прест., какъ рожденнымъ въ православной вѣрѣ, такъ и обратившимся къ ней изъ другихъ вѣръ, запрещается отступать отъ нея“. О дѣйствіяхъ же мастера Бурдина, а также о составителѣ прошенія сообщено было пермскому уѣздному суду для возбужденія преслѣдованія противъ этихъ лицъ.

Нерѣдко подобнаго рода ходатайства оставляются даже безъ всякаго разсмотрѣнія, вслѣдствіе несоблюденія просителями тѣхъ или другихъ формальностей, установленныхъ закономъ.

Въ 1874 году, напримѣръ, крестьяне Оханскаго уѣзда, Викула Кузнецовъ и Минай Залазаевъ, „довѣренные отъ общества старообрядцевъ“, подали прошеніе губернатору „о нестѣсненіи имъ свободы въ исполненіи вѣры старообрядческой“; но при этомъ ходаки упустили изъ вида приложить марки къ своему прошенію. И вотъ составляется резолюція такого содержанія:

„Такъ какъ, на основаніи 18-й ст. V т. уст. о пошлин. и 1,763-й ст. 2-й ч. X т., присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ запрещено принимать отъ просителей просьбы на простой бумагѣ, то посему настоящее прошеніе крестьянъ овченковскаго общества, В. Кузнецова и М. Залазаева, какъ написанное на простой бумагѣ, оставивъ безъ разсмотрѣнія, возвратить просителямъ съ над-

писью по 268-й ст. 2-й ч. X т. чрезъ оханское уѣздное полицейское управленіе, со взысканіемъ съ нихъ гербовыхъ пошлинъ за два листа“.

Такая судьба постигала весьма многія ходатайства старообрядцевъ - крестьянъ, не имѣющихъ, конечно, никакого представленія ни о X томѣ, ни объ уставѣ о пошлинахъ. Эта судьба постигла, напримѣръ, въ 1875 году, прошеніе крестьянъ Оханскаго уѣзда, Путинской волости, Ивана Филиппова Тіунова и Ивана Алексѣева Агеева, которые, отъ лица своихъ единообщественниковъ, ходатайствовали, чтобъ ихъ „отписали въ расколъ отъ православной Церкви“.

Конечно, эти псевдоправославные просители не теряли права вновь возбудить тѣ же самыя ходатайства, выполнивъ требуемыя закономъ формальности, и они дѣйствительно пользовались этимъ правомъ,; но результатъ былъ все тотъ же—ихъ ждало все то же неизмѣнное, стереотипное: „оставить безъ послѣдствій“.

IV.

Расколъ растетъ.

Изъ приведенныхъ уже нами офиціальныхъ данныхъ о численности раскольниковъ въ теченіе двадцати лѣтъ, видно, что расколъ на Уралѣ растетъ изъ года въ годъ. Но такъ какъ точность этихъ цифровыхъ данныхъ подвержена большому сомнѣнію, то, поэтому, чтобъ доказать постепенное успленіе раскола, необходимо обратиться къ другого рода свѣдѣніямъ и даннымъ. Сюда, прежде всего, слѣдуетъ отнести извѣстія о присоединеніяхъ раскольниковъ къ православной Церкви и, наоборотъ, о переходахъ изъ православія въ расколъ. По заявленію офиціальныхъ отчетовъ, переходы изъ раскола въ православіе происходятъ лишь въ самыхъ незначительныхъ, ничтожныхъ размѣрахъ. Но иногда, изрѣдка, бываютъ исключенія. Такъ, въ 1879 году, въ Кунгурскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Сухой Рѣчкѣ, „главный настоятель мѣстнаго раскола“, крестьянинъ Еремѣй Обвинцевъ, не только присоединился къ православію, но увлекъ за собою цѣлый дѣвичій скитъ, состоявшій изъ одиннадцати лицъ. Затѣмъ, въ

деревнѣ Кайгородовой, того же уѣзда, нѣсколько семействъ перешло изъ раскола въ православіе, „всего же въ Кунгурскомъ уѣздѣ присоединилось 155 душъ обоего пола, считая въ томъ числѣ и дѣтей“ *).

Вы готовы уже порадоваться такому успѣху православія, какъ вдругъ, тотчасъ же вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ, натыкаетесь на такого рода фактъ. Оказывается, что въ томъ же самомъ 1879 году въ Чердынскомъ уѣздѣ, въ юмскомъ и сиринскомъ приходахъ, „отпало въ расколъ изъ православія 104 мужского и 111 душъ женскаго пола“. Такимъ образомъ, если православная Церковь пріобрѣла въ этотъ годъ новыхъ 155 членовъ, зато она лишилась 215-ти человѣкъ изъ числа прежнихъ своихъ адептовъ. Утѣшительнаго, какъ видите, мало.

По свидѣтельству отчета за 1881 годъ, въ теченіе этого года присоединился къ православной Церкви „одинъ изъ замѣчательныхъ мѣстныхъ расколоучителей, крестьянинъ села Рождественскаго (Кунгурскаго уѣзда), вмѣстѣ съ 20-ю своими единомышленниками“. Къ сожалѣнію, отчетъ не дѣлаетъ при этомъ никакой оговорки относительно того, были ли въ теченіе отчетнаго года случаи перехода изъ православія въ расколъ, безъ чего, конечно, невозможно оцѣнить значеніе приведеннаго факта.

Между тѣмъ, переходы изъ православія въ расколъ, какъ единичные, такъ и коллективные, составляютъ самое обычное явленіе въ средѣ уральскаго населенія. Объ этомъ не-

*) „Отчетъ“ за 1879 годъ.

престанно свидѣтельствуютъ мѣстные священники, благочинные, миссіонеры и т. д. Причину этихъ переходовъ епархіальное начальство приписываетъ почти исключительно дѣятельности раскольническихъ пропагандистовъ. Само собою ясно, что подобное объясненіе успѣховъ раскола не въ состояніи выдержать никакой критики.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, вслѣдствіе министерскаго запроса, пермское епархіальное начальство составило подробный именной списокъ всѣхъ „важнѣйшихъ коноводовъ раскола“, съ краткими, но выразительными характеристиками каждаго изъ этихъ вожаковъ. Въ виду того безспорнаго интереса, который представляютъ эти характеристики во многихъ отношеніяхъ, приведемъ здѣсь болѣе типичныя изъ нихъ.

„Крестьянинъ деревни Конинои, Порфирій Углевъ, *злостный* расколоучитель, отправляетъ въ своемъ домѣ богомолье и совращаетъ православныхъ и единовѣрцевъ. Его сильно вредное вліяніе доказывается тѣмъ, что всѣ его сосѣди, въ количествѣ 52-хъ семействъ, оставили церковь и перестали крестить своихъ дѣтей. Крестьянинъ села Отчино-Срѣтенскаго, Козьма Прокофьевъ Ершовъ, совершаетъ богослуженія, исправляетъ требы и т. п.

„Находящійся въ бѣгахъ крестьянинъ Ильинской волости, Семенъ Яковлевъ Поносовъ, признается *старцемъ* австрійскаго раскола, носитъ монашескую одежду и называетъ себя инокомъ Сергіемъ.

„Водворенные на родину, бывшіе долгое время въ бѣгахъ, крестьяне Ильинской волости, Козьма Китаевъ, и мастеровой добрянскаго завода, Никаноръ Сивковъ, именуютъ себя иноками: первый Климентіемъ, а второй — Никодимомъ. Оба они бѣжали изъ мѣста родины, и настоящее мѣсто ихъ жительства

остается неизвѣстнымъ, а плевелы, посѣянные имъ обнаруживаютъ зловредныя свои послѣдствія.

„Крестьянинъ Оханскаго уѣзда, Иванъ Ивановъ Чечкинъ, посвященный, въ 1863 году, лжеепископомъ Геннадіемъ во лжеіереи, отправляетъ въ своемъ домѣ богослуженіе и исправляетъ между раскольниками всѣ христіанскія требы. Петръ Чесноковъ ходитъ по домамъ съ раскольническими книгами и, читая ихъ, разстраиваетъ православныхъ.

„Лжеіерей Ларіонъ Пьянковъ и Александръ Путинцевъ, принявшій рукоположеніе во іереи отъ Геннадія, исправляютъ требы и ходятъ въ праздничные дни по домамъ со крестомъ.

„Три брата Маковы, почти открыто, въ пасху и другіе праздники совершаютъ у раскольниковъ молебны. Ѳедоръ Гилевъ — домъ его служитъ молитвеннымъ собраніемъ для раскольниковъ. Петръ Некрасовъ — ужаснѣйшій хулитель св. церкви и духовенства“.

Въ Кунгурскомъ уѣздѣ особенную дѣятельность и энергію проявили „лжемонахи Израиль и Елисѣй“. Въ 1862 году они были пойманы въ раскольническихъ скитахъ около урминскихъ селеній, но вскорѣ были отпущены на поруки богатаго купца Аксенова, ревностнаго старообрядца. Крестьянинъ Андрей Поповъ, „въ 1867 году, ходилъ о св. пасхѣ по спасо-бардинскому приходу съ иконами, въ сопровожденіи своихъ единомышленниковъ“.

Въ городѣ Екатеринбургѣ наиболѣе видную роль въ дѣлѣ пропаганды раскольничьихъ ученій играли: крестьянинъ Карпъ Ловковъ, имѣющій санъ австрійскаго лжесвященника, лжеіеромонахъ Комментаріи и мастеровой Семенъ Сабуровъ. Въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ дѣйствовалъ цѣлый рядъ расколоучителей: такъ, въ каслинскомъ заводѣ—„крестьянинъ Андрей Лобановъ, считающійся протопопомъ,

вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Иваномъ"; въ ревдинскомъ заводѣ—„крестьянинъ Никонъ Жуковъ, въ лжемонашествѣ Никита, съ саномъ лжеигумена, женатый"; въ невьянскомъ заводѣ—лжеіеромонахъ Досиѳеи; въ верхнетагильскомъ заводѣ—лжеепископъ Константинъ и, наконецъ, въ режевскомъ заводѣ—лженнокъ Григоріи и крестьянинъ Степанъ Мальковъ.

Изъ числа вожаковъ раскола въ Верхотурскомъ уѣздѣ особенно выдавался крестьянинъ нижнетагильскаго завода Ѳедоръ Красильниковъ: въ домѣ его была устроена обширная молельня, „куда во множествѣ приходили на моленіе раскольники и уклоняющіеся отъ единовѣрія".

Кромѣ этихъ лицъ, въ спискѣ вожаковъ раскола значились весьма многіе безъ всяких комментаріевъ и характеристикъ, противъ другихъ же стояла отмѣтка: „весьма вредныіі по своему вліянію на единовѣрцевъ". Въ концѣ списка было прибавлено, что, кромѣ перечисленныхъ вожаковъ, остаются „еще многіе другіе".

Въ настоящее время*), судя по отчетамъ, особенную энергію въ дѣлѣ пропаганды раскола обнаруживаютъ послѣдователи австріійскаго толка. „Лжесвященники этого толка, разъѣзжая по губерніи подъ видомъ торговцевъ и ремесленниковъ, склоняютъ въ свою секту раскольниковъ другихъ толковъ, единовѣрцевъ и даже православныхъ" („Отчетъ" за 1879 годъ).

*) Писано въ 1883 году.

Не слѣдуетъ думать, однако, что подобнаг рода дѣятельность остается безъ преслѣдова нія со стороны мѣстной администраціи. На противъ, какъ прежде, такъ и теперь, дѣя тельность пропагандистовъ раскола подвер гается строгому преслѣдованію. Такъ, еще не давно „обнаруживпшій особенную ревность в распространеніи австрійскаго толка между жи телями Оханскаго уѣзда, лжеіерей, крестья нинъ Вознесенской волости Артемій Тете новъ, высланъ административнымъ порядкомъ изъ мѣстожительства въ Ирбитскій уѣздъ, гдѣ за нимъ учрежденъ полицейскій надзоръ и воспрещены отлучки“ (idem).

Но едва ли не строже, чѣмъ сама администрація, наблюдаютъ за расколомъ миссіонеры и священники. Зорко слѣдятъ они за всѣмъ что только можетъ, по ихъ мнѣнію, способ ствовать усиленію раскола. Крестьянинъ де ревни Губернской, кузнецкаго прихода, Ека теринбургскаго уѣзда, Николай Фирсановъ, открываетъ въ своемъ домѣ обученіе грамотѣ крестьянскихъ мальчиковъ. Какъ только узнаетъ объ этомъ мѣстный миссіонеръ, про тоіерей Николаій Смирновъ, такъ тотчасъ же шлетъ по начальству доносъ, въ которомъ, сообщая объ этомъ фактѣ, прибавляетъ, что обученіе Фирсановымъ дѣтей носитъ характеръ „раскольническаго направленія“. При этомъ миссіонеръ пояснялъ, что въ кузнецкомъ приходѣ считается раскольниковъ всего три дома, изъ которыхъ ни въ одномъ нѣтъ дѣтей мужского пола; отсюда миссіонеръ выводилъ заключеніе, что Фирсановъ обучаетъ дѣтей православныхъ родителей и, „вмѣстѣ

съ обученіемъ грамотѣ, посѣваетъ въ нихъ расколъ".

Духовная консисторія поручила миссіонеру строго слѣдить за дѣйствіями этого раскольничьяго педагога и, „если окажется хоть малѣйшее уклоненіе изъ православія, — немедленно же донести объ этомъ". Въ то же время о Фирсановѣ сообщается губернатору, съ просьбою возбудить преслѣдованіе противъ него. Губернаторъ предписываетъ екатеринбургскому исправнику произвести дознаніе по этому поводу и, если обвиненіе, возбужденное противъ Фирсанова, подтвердится, то тотчасъ же запретить ему заниматься обученіемъ дѣтей, въ чемъ и обязать его подпискою; затѣмъ, учредить за нимъ строгій надзоръ, чтобъ впредь"... и т. д.

Вскорѣ исправникъ донесъ, что сообщеніе миссіонера подтвердилось и что у Фирсанова не оказалось никакого свидѣтельства на право обученія, вслѣдствіе чего онъ и „обязанъ, подпискою отнюдь не производить обученія дѣтей, а за дѣйствіями его учрежденъ строгій надзоръ..." И подобныхъ примѣровъ можно привести великое множество.

Однако, всѣ эти мѣры до сихъ поръ не привели къ желанной цѣли: расколъ растетъ и распространяется по Уралу все болѣе и болѣе. По свидѣтельству отчета за 1878 годъ, „раскольники живутъ во всѣхъ уѣздахъ губерніи; главная же ихъ масса распространена въ горныхъ казенныхъ и частныхъ заводахъ, среди населенія мастеровыхъ и рабочихъ; между крестьянами расколъ развитъ преимущественно въ Шадринскомъ и Осинскомъ

уѣздахъ, изъ которыхъ въ послѣднемъ особенно онъ силенъ между бывшими удѣльными крестьянами". Изъ городовъ же наибольшее число раскольниковъ находится въ Екатеринбургѣ; здѣсь большая часть богатыхъ купцовъ и зажиточныхъ мѣщанъ придерживается старообрядчества.

Но, помимо городовъ, селъ и деревень, расколъ гнѣздится въ разнаго рода скитахъ, заимкахъ, раскиданныхъ по безконечнымъ дремучимъ лѣсамъ Урала. Большинство изъ этихъ скитовъ совсѣмъ неизвѣстно ни духовному ни гражданскому начальству. Лишь по временамъ удастся властямъ открывать эти тайные притоны и ловить ихъ обитателей.

Такъ, въ 1862 году, были пойманы лжемонахъ Израиль и съ нимъ тринадцать неизвѣстныхъ лицъ, проживавшихъ въ двухъ тайныхъ скитахъ. Мужчины, въ числѣ девяти человѣкъ, жили въ одномъ скитѣ, а четыре женщины въ другомъ, отстоявшемъ отъ перваго на разстояніи одной версты. Монахъ Израиль пользовался большимъ вліяніемъ среди безпоповцевъ Урминской волости, особенно же въ деревняхъ Кедровкѣ и Теплякахъ. При скитахъ было найдено кладбище съ крестами, что доказывало давнишнее существованіе этихъ скитовъ. Всѣ эти скитники были арестованы и подъ конвоемъ отправлены въ уѣздный городъ; но дорогою четверо изъ нихъ бѣжали изъ-подъ караула и скрылись. Остальные назвались крестьянами отдаленныхъ уѣздовъ Пермской губерніи, и потому были отправлены по этапу на мѣста родины.

Полиція, побуждаемая какъ прямымъ своимъ начальствомъ, такъ еще болѣе требованіями епархіальной власти, до сихъ поръ энергически разыскиваетъ тайные скиты, и нерѣдко ея рвеніе въ этомъ отношеніи увѣнчивается успѣхомъ. Въ началѣ 1880 года кунгурскій миссіонеръ донесъ архіерею, что въ лѣсахъ Урминской волости, въ декабрѣ 1879 года, найдены два раскольническіе скита, на разстояніи версты одинъ отъ другого, въ которыхъ оказались четыре лжеинока и одинъ бѣлецъ-послушникъ. Сверхъ того, въ скитахъ были найдены: иконы, книги, богослужебныя вещи, а также многія принадлежности женскаго костюма: рубашки, сарафаны, шали, дубасы и т. п., что указывало на то, что въ скитахъ, кромѣ иноковъ, жили и женщины. Но женщины успѣли скрыться и, такимъ образомъ, не были захвачены полиціей.

Среди старообрядческаго населенія скиты и ихъ обитатели пользуются большимъ почетомъ и всеобщимъ уваженіемъ. Бывали примѣры, когда старообрядцы, при видѣ набѣговъ на скиты со стороны властей, оказывали явное сопротивленіе, и дѣло доходило до крупныхъ столкновеній. Въ подтвержденіе этого, приведемъ фактъ, сообщенный два года назадъ „Пермскими Губернскими Вѣдомостями“.

„Полицейскій урядникъ 3-го стана, Кунгурскаго уѣзда, Ивановъ, проѣзжая черезъ деревню Симониты, услышалъ раздавшіяся въ одномъ домѣ слова: „Прячься въ голбецъ“, почему зашелъ въ домъ и, осмотрѣвъ голбецъ, нашелъ тамъ неизвѣстнаго человѣка въ монашеской одеждѣ, назвавшагося крестьяниномъ Верхотурскаго уѣзда, Мирономъ Ларіоновымъ. Случай этотъ возбудилъ особенное вниманіе урядника, почему, слѣдуя

отъ деревни Симонитъ къ деревнѣ Коптелы и замѣтивъ въ полуверстѣ отъ деревни Симонитъ въ полѣ тропу, отправился по ней, пригласивъ съ собою и ѣхавшихъ съ нимъ по пути крестьянъ. Тропа довела до *раскольничьяго скита* въ логу, въ которомъ взяли старуху солдатку, имѣвшую, впрочемъ, письменный видъ. Продолжая путь по тропѣ вдоль лога, дошли до другого скита, въ которомъ нашли семь человѣкъ мужчинъ.

„Забравъ книги, иконы и другую утварь и сдавъ задержанныхъ лицъ подъ караулъ крестьянъ деревни Симонитъ, урядникъ отправился далѣе, а для охраненія скита и для наблюденія, не придетъ ли кто еще въ скитъ, командировалъ изъ деревни сотскаго, старосту и двухъ крестьянъ. Но только эти лица подошли къ скиту, какъ ихъ *встрѣтилъ выстрѣлъ и толпа народа со стягами*, что заставило посланныхъ бѣжать; преслѣдовавшая же ихъ толпа, поймавъ старосту и одного крестьянина, стала бить ихъ, требуя выдачи урядника. Въ буйствовавшей толпѣ староста и крестьяне признали троихъ крестьянъ деревни Черной Горы, но другихъ, за темнотою, разсмотрѣть не могли. Затѣмъ, крестьянинъ деревни Симонитъ, Михаилъ Телеповъ, предложилъ уряднику 40 рублей, чтобъ тотъ отпустилъ виновныхъ, но урядникъ представилъ ихъ вмѣстѣ съ деньгами по начальству“.

Подобные факты явно свидѣтельствуютъ, какъ крѣпокъ, живучъ и силенъ расколъ старообрядчества. Въ то же время они лучше всякихъ трактатовъ наглядно доказываютъ всю непригодность крутыхъ, репрессивныхъ мѣръ, въ родѣ разгрома скитовъ и т. п., которыя не только озлобляютъ противъ власти вполнѣ мирныхъ людей, но даже въ состояніи доводить ихъ до прямого, открытаго сопротивленія. Едва ли кто-нибудь рѣшится утверждать, что приведенные выше подвиги кунгурскаго урядника, столь старательно выставленные на видъ офиціальнымъ органомъ гу-

бернской администраціи (не нужно забывать, что это происходило въ 1880 году), послужатъ на пользу того дѣла, во имя котораго они были совершены.

Въ заключеніе приведемъ, на основаніи строго офиціальныхъ данныхъ, рядъ фактовъ, воочію доказывающихъ быстрое развитіе и усиленіе раскола старообрядчества на Уралѣ. Беремъ на выдержку донесенія мѣстныхъ миссіонеровъ и священниковъ изъ разныхъ уѣздовъ Пермской губерніи.

Красноуфимскаго уѣзда, села Новозлатоустовскаго, священно-церковнослужители, въ 1866 году, доносили, что „многіе изъ прихожанъ ихъ уклонились въ расколъ“ и при этомъ представили списокъ уклонившихся въ числѣ 61-й души обоего пола.

Камышловскаго уѣзда, села Балаирскаго священно-церковнослужители, въ 1867 году, доносили мѣстному благочинному, „что расколъ въ ихъ приходѣ растетъ“. При этомъ они просили помощи для противодѣйствія расколу и прибавляли, что „если дѣла раскола пойдутъ такъ же и на слѣдующее время, то *церковь ихъ опустѣетъ*“.

Верхотурскаго уѣзда миссіонеръ, священникъ Флавіановъ, доносилъ въ 1868 году, что „сводные браки, появившіеся въ черноисточинскомъ заводѣ между единовѣрцами, произвели такой соблазнъ въ приходѣ, что приходскіе попечители мѣстной единовѣрческой церкви выражаютъ опасеніе за самое существованіе ихъ единовѣрческаго прихода“. По объясненію попечителей, въ черноисточинскомъ приходѣ „единовѣрцевъ считается болѣе

2,000 душъ, но усердныхъ остается не болѣе 300 душъ, да и изъ тѣхъ нѣкоторые колеблются и готовы отступиться отъ святой Церкви". При этомъ миссіонеръ Флавіановъ горько жалуется на „бездѣйствіе" мѣстнаго волостного правленія и станового пристава, не принимающихъ никакихъ мѣръ къ прекращенію все болѣе и болѣе растущаго раскола.

Пермскаго уѣзда, села Русаковскаго, единовѣрческій священникъ Кузнецовъ, въ 1868 году, сообщалъ мѣстному миссіонеру, что въ приходѣ его „все болѣе и болѣе замѣчается охлажденіе къ исполненію христіанскихъ обязанностей, и расколоучитель Углевъ до того разстроилъ русаковскій приходъ, что только *четвертая часть* его прихожанъ исполняетъ христіанскія обязанности, а изъ живущихъ вблизи Углева никто не исполняетъ оныхъ".

Всѣ эти и подобные имъ факты заставили мѣстное епархіальное начальство, въ концѣ 60-хъ годовъ, официально признать, что *расколъ, хотя и не вездѣ съ одинаковою силою, и растетъ во всѣхъ уѣздахъ пермской епархіи*, кромѣ пріютскаго. „Расколъ появляется и въ такихъ приходахъ, въ которыхъ прежде не было его".

Это же самое мнѣніе было высказано и пермскимъ губернаторомъ на запросъ изъ министерства о томъ, растетъ расколъ или слабѣетъ. Съ тѣхъ поръ прошло тринадцать лѣтъ, но положеніе дѣла, какъ, вѣроятно, убѣдился читатель изъ всего изложеннаго нами выше, нисколько не измѣнилось.

Гдѣ же лежатъ, въ чемъ кроются причины этого явленія, этой поразительной силы старообрядчества, которое, въ то же время, а priori

едва ли не всѣми признается явленіемъ отжившимъ, выродившимся?

Объ этомъ мы подробнѣе поговоримъ въ слѣдующей статьѣ. Наша цѣль состояла лишь въ томъ, чтобъ на основаніи *несомнѣнныхъ, вполнѣ офиціальныхъ данныхъ* показать, что расколъ старообрядчества растетъ и крѣпнетъ. И пора намъ это признать безъ утаекъ и колебаній, не обманывая и не убаюкивая себя эфемерною надеждой, что не сегодня—завтра расколъ исчезнетъ безслѣдно.

Москва.
1883 г.

Отчего растетъ расколъ?

Офиціальное рѣшеніе вопроса.

ОТЧЕГО РАСТЕТЪ РАСКОЛЪ?

Офиціальное рѣшеніе вопроса.

Вотъ вопросъ, который съ давнихъ поръ занималъ и до сихъ поръ не перестаетъ привлекать къ себѣ особенное вниманіе нашихъ государственныхъ дѣятелей и представителей разныхъ правительственныхъ сферъ, издавна привыкшихъ видѣть въ расколѣ опаснаго врага не только господствующей Церкви, но и государства. Варіируемый на всевозможные лады, вопросъ этотъ множество разъ ставился и разрѣшался вкривь и вкось въ разнаго рода запросахъ, докладахъ и запискахъ офиціальнаго и офиціознаго характера. Къ сожалѣнію, всѣ подобнаго рода попытки, въ силу давнишней, неискоренимой привычки нашей и страсти къ „секретамъ", облекались обыкновенно въ строгую, непроницаемую тайну.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ возможность познакомить читателей съ одной изъ такихъ попытокъ, предпринятой съ цѣлью разрѣшить этотъ давно назрѣвшій вопросъ, который почему-то и до сихъ поръ принято считать однимъ изъ самыхъ *щекотливыхъ* вопро-

совъ нашей жизни. Попытка эта возникла в административныхъ сферахъ въ царствован императора Александра II и пріурочивается къ концу шестидесятыхъ годовъ.

Въ послѣдніе годы вопросъ о расколѣ и сектантствѣ пользовался, можно сказать, особеннымъ вниманіемъ русскаго общества. Смѣемъ думать, что въ видахъ всесторонняго выясненія этого сложнаго явленія русской соціальной жизни будетъ не безполезно ознакомить со взглядами, еще такъ недавно существовавшими на этотъ вопросъ въ средѣ представителей гражданской и духовной власти.

I.

Записка князя С. П. Гагарина.

Во время управленія Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанта Тимашева, въ 1868 году „было признано необходимымъ имѣть въ министерствѣ свѣдѣнія касательно современнаго состоянія раскола въ имперіи". Съ этой цѣлью ко всѣмъ губернаторамъ былъ разосланъ,—разумѣется, „совершенно секретно"—циркуляръ, въ которомъ имъ поручалось „собрать, по мѣрѣ возможности, подъ непосредственнымъ своимъ руководствомъ и сообщить слѣдующія данныя":

1) О настоящемъ положеніи раскольническихъ толковъ въ губерніи, при чемъ губернаторамъ ставилось на видъ, чтобы они, „руководствуясь болѣе или менѣе достовѣрными фактами, указали на постепенное движеніе раскола въ губерніи, т.-е. растетъ ли онъ, или ослабѣваетъ и *какія причины*, по мнѣнію ихъ, *служатъ къ усиленію и ослабленію лжеученій въ народѣ*", и

2) О важнѣйшихъ коноводахъ раскола, характерѣ ихъ дѣятельности и степени вліянія какъ на раскольническія общества, такъ и на православныхъ.

Конечно, весьма многое можно сказать противъ этого избитаго, традиціоннаго способа собранія подобнаго рода свѣдѣній путемъ офиціальныхъ запросовъ и переписокъ,—способа, не разъ уже доказавшаго на практикѣ свою полную несостоятельность и непригодность; но въ данномъ случаѣ для насъ обстоятельство это не имѣетъ значенія, такъ какъ цѣль наша—ознакомить читателей со взглядами, высказанными по вопросу о причинахъ, поддерживающихъ расколъ, представителями администраціи и духовнаго вѣдомства.

Въ отвѣтъ на министерскій запросъ всѣми губернаторами были доставлены болѣе или менѣе подробныя записки о современномъ состояніи раскола во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ, о причинахъ, поддерживающихъ расколъ, и о тѣхъ мѣрахъ, которыя, по ихъ мнѣнію, могли бы ослабить и обезсилить расколъ. Въ нашемъ распоряженіи находятся двѣ такихъ записки, изъ которыхъ одна рисуетъ состояніе раскола на Уралѣ и старается выяснить причины быстраго усиленія раскола въ Пермской губ., а другая разрѣшаетъ тотъ же вопросъ по отношенію къ крайнему сѣверу, къ Архангельской губерніи.

Знакомство съ этими записками пріобрѣтаетъ еще большій интересъ и значеніе въ виду того, что названныя мѣстности Уралъ и Архангельская губ. издавна служили главными очагами раскола и въ настоящее время играютъ видную, выдающуюся роль въ современной жизни раскола. Первая изъ этихъ записокъ составлена бывшимъ въ то время пермскимъ губернаторомъ Б. В. Струве, вторая—

бывшимъ архангельскимъ губернаторомъ княземъ С. П. Гагаринымъ.

Послѣдняя записка отличается особенною полнотою, хотя въ то же время взгляды, проводимые въ ней, какъ мы сейчасъ увидимъ, и страдаютъ замѣтною односторонностью. На ней мы и остановимся прежде всего. Главное основное положеніе этой записки состоитъ въ томъ, что изумляющія насъ сила и живучесть раскола обусловливаются *исключительно* тѣмъ печальнымъ положеніемъ, въ какомъ находится у насъ духовенство, и тѣми ненормальными отношеніями, какія установились между народомъ и духовенствомъ. Никакихъ *другихъ причинъ* усиленія раскола записка не видитъ и не признаетъ, въ этомъ-то и заключается ея односторонность, о которой мы только что упомянули.

„*Расколъ*, говоритъ записка,—роковое явленіе въ нашей государственной жизни, *вызывается и поддерживается отношеніями нашего духовенства къ народу*“.

И затѣмъ это положеніе аргументируется слѣдующимъ образомъ: „Духовенство наше необразованно, грубо, не обезпечено и въ то же самое время и происхожденіемъ своимъ и образомъ жизни рѣзко выдѣляется отъ народа, не оказывая на него ни малѣйшаго вліянія. По сложившейся рутинѣ, всѣ обязанности священника замыкаются въ тѣсномъ формализмѣ: онъ механически отслужитъ обѣдню, заутреню, молебенъ, панихиду, также механически исполнитъ требу, возьметъ изъ рукъ въ руки деньги—и затѣмъ всѣ пастырскія обязанности служенія кончены. Поученій, устной проповѣди

и наставленій въ дѣлахъ вѣры, разъясненій первыхъ начальныхъ истинъ богопочитанія нашъ народъ не слышитъ отъ православнаго духовенства; не въ эту вовсе сторону, не къ поученію народа обращена дѣятельность духовенства; оно не умѣетъ даже говорить языкомъ понятнымъ для народа, а вслѣдствіе этого народъ остается безъ познанія о вѣрѣ".

И затѣмъ, характеризуя религіозное развитіе народа, записка говоритъ: „Трудно вообразить, какія грубыя, неясныя понятія объ основныхъ предметахъ богопочитанія коренятся въ массѣ народа. Знакомясь съ нимъ, недоумѣваешь: какъ могъ этотъ народъ 800 лѣтъ прожить въ христіанствѣ и не принять первыхъ христіанскихъ понятій".

Желая представить въ возможно болѣе непривлекательномъ видѣ нравственное состояніе нашего духовенства, составитель записки, князь Гагаринъ, ссылается между прочимъ на извѣстную записку нижегородскаго губернатора по вопросу о духовенствѣ и приводитъ длинную выдержку изъ нея. Эта послѣдняя записка, какъ извѣстно, была уже однажды цѣликомъ напечатана въ „Сборникѣ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ", Кельсіева.

„Одному изъ предмѣстниковъ вашего высокопревосходительства,—говорится въ запискѣ кн. Гагарина,—писалъ нѣкогда нижегородскій губернаторъ: „Можетъ ли народъ смотрѣть на духовенство съ уваженіемъ, можетъ ли не увлекаться въ расколъ, когда то и дѣло слышно, какъ одинъ священникъ, исповѣдуя умирающаго, похитилъ у него изъ-подъ подушки деньги, какъ другого народъ вытащилъ изъ

непотребнаго дома, какъ третій окрестилъ собаку, какъ четвертаго во время богослуженія дьяконъ вытащилъ за волосы изъ церковныхъ дверей? Можетъ ли народъ уважать священниковъ, которые не выходятъ изъ кабака, пишутъ кляузныя просьбы, дерутся крестомъ, бранятся скверными словами въ алтарѣ? Можетъ ли народъ уважать духовенство, когда повсюду въ средѣ его видитъ небрежность къ служенію, безчиніе при совершеніи таинственныхъ обрядовъ, когда видитъ, что правда совсѣмъ исчезла въ нихъ, а потворство консисторіи, руководимой взятками, истребляетъ въ нихъ и послѣдніе остатки правды? Если ко всему этому прибавить торговлю заочными записками въ исповѣдныя росписи и метрическія книги, взятки, собираемыя священниками съ раскольниковъ, превращеніе алтарей въ оброчныя статьи, и тогда вопросъ о томъ, можетъ ли народъ уважать духовенство, можетъ ли затѣмъ не уклоняться въ расколъ, — рѣшится самъ собою".

Приводя столь рѣзкую и преувеличенно-мрачную характеристику современнаго состоянія нашего духовенства, князь Гагаринъ заявлялъ: „Къ этому изображенію существующаго зла я могу добавить только то, что изображеніе это вполнѣ примѣнимо и къ Архангельской губерніи. Я могъ бы дополнить приведенные примѣры длиннымъ рядомъ подобныхъ же, какъ-то: примѣромъ одного священника, который, напившись, бѣгаетъ по городу, почти голый; примѣромъ другого священника въ раскольническомъ городѣ, который по праздникамъ валяется съ крестомъ въ ов-

рагахъ; примѣромъ третьяго священника въ раскольническомъ селеніи, который извѣстенъ всѣмъ прихожанамъ своею безобразно распутною жизнью; но всѣ эти и подобнаго рода примѣры ничего новаго не могутъ прибавить къ тому общеизвѣстному и господствующему факту, что наше духовенство, въ особенности же сельское, ни нравомъ своимъ, ни образованіемъ, ни образомъ жизни не можетъ возбудить уваженія къ себѣ въ народѣ и не можетъ имѣть на него благодѣтельнаго вліянія".

Отсюда князь Гагаринъ дѣлаетъ выводъ, что „крѣпкій, упорный и непреклонный расколъ нашъ есть неизбѣжное послѣдствіе такого положенія дѣлъ. Когда народъ въ вопросахъ о вѣрѣ предоставленъ самому себѣ, тогда онъ вынужденъ искать руководителей, духовныхъ наставниковъ и учителей. Такъ возникъ расколъ, такъ держится онъ и долго будетъ держаться, потому что реформы въ нравахъ и образѣ жизни духовенства не могутъ совершиться скоро".

По вопросу о вліяніи и значеніи „коноводовъ раскола" записка утверждаетъ, что „вліяніе этихъ лицъ на ихъ единомышленниковъ укрѣпляется за ними: ихъ умомъ, даромъ слова, безукоризненными нравами, строгимъ образомъ жизни, наконецъ, знаніемъ правилъ вѣры по ученію толка и значительною начитанностью. Пользуясь и матеріальными выгодами своего положенія, они, въ свою очередь, во всѣхъ нуждахъ поддерживаютъ своихъ единомышленниковъ. Въ тѣхъ обществахъ, гдѣ есть вліятельные и богатые раскольники, подати большею частью уплачиваются исправно".

Въ запискѣ приводится фактъ, что многіе православные, приходя въ старость, близясь ко гробу, переходятъ въ расколъ. „Прискорбные факты эти, — говоритъ кн. Гагаринъ, — понятны: потребность сильной вѣры возбуждается особенно въ преклонныхъ лѣтахъ. Между тѣмъ принадлежность къ православной Церкви, отношенія къ православному духовенству не дали твердыхъ пунктовъ опоры человѣку, который по неразвитости не въ силахъ разрѣшить своихъ сомнѣній; и вотъ онъ не идетъ за совѣтомъ къ священнику, котораго не уважаетъ и отъ котораго далекъ былъ во всю жизнь свою, и бросается въ руки перваго наставника раскольническаго. Тамъ онъ находитъ успокоеніе, тамъ говорятъ съ нимъ его языкомъ“.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній и данныхъ, авторъ записки старается доказать, что „въ интересахъ самой Церкви надобно желать, чтобы отношенія духовенства къ раскольникамъ были прекращены, чтобы раскольники не были обязаны со своими службами и требами (крещеніемъ, вѣнчаніемъ, похоронами) обращаться къ приходскимъ священникамъ и за различныя льготы откупаться отъ нихъ деньгами“.

Далѣе авторъ записки требуетъ, „чтобы со стороны духовныхъ властей прекратились всякія наступательныя дѣйствія противъ раскольниковъ“, при чемъ къ числу такихъ „наступательныхъ дѣйствій“ онъ относитъ даже „обязательную миссіонерскую проповѣдь“. Повидимому, князь Гагаринъ былъ совершенно убѣжденъ въ полной безполезности „обязательной

миссіонерскоі дѣятельности“ и непригодности въ борьбѣ съ такимъ явленіемъ, какъ расколъ. „Въ Архангельскоі губ., --писалъ онъ въ своеі записк, миссіонерская проповѣдь не только не произвела ни одного случая обращенія, но *ни разу* не вызвала даже колебанія“ *).

Но тутъ невольно является вопросъ: какія же въ такомъ случаѣ слѣдуетъ употребить мѣры въ борьбѣ съ расколомъ, если даже такая, по общему мнѣнію, гуманная и дѣйствительная мѣра, какъ миссіонерство, признается совершенно негодною, безполезною и причисляется къ числу „наступательныхъ дѣйствій“? Неужели правительство должно сложить индиферентно руки и молча созерцать, какъ расколъ съ каждымъ днемъ будетъ отвоевывать себѣ отъ господствующей Церкви все новыхъ и новыхъ прозелитовъ?

Нѣтъ, отвѣчаетъ на это авторъ записки. „правительство не въ правѣ относиться къ расколу равнодушно, потому что онъ утверждаетъ значительную часть народа въ корпоративномъ настроеніи, враждебномъ Церкви, недружелюбномъ къ остальной части народа и вредно вліяющемъ на экономическій бытъ православныхъ“.

Разумная система, которой надлежало бы держаться въ дѣйствіяхъ противъ раскола, должна, по мнѣнію кн. Гагарина, преслѣдовать двѣ главныя цѣли: *во-первыхъ*, „лучшее рели-

*) Между прочимъ записка сообщаетъ слѣдующій, въ высшей степени интересный фактъ: „Замѣчательно, — говоритъ она, — что раскольники, отдаваемые на увѣщаніе духовенства, какъ свидѣтельствуютъ дѣла духовной консисторіи, *никогда* не воприсоединялись къ православію“.

А. П.

гіозное воспитаніе народа, такъ какъ въ отсутствіи основныхъ религіозныхъ понятій въ народѣ, въ грубомъ невѣжествѣ его относительно предметовъ вѣры коренится главная сила раскола"; это религіозное невѣжество представляетъ собою „тучную почву, на которой расколъ пустилъ и расширяетъ свои корни", и *во-вторыхъ*, „реформа въ нравахъ и въ образѣ жизни духовенства, такъ какъ низкій уровень его нравственности и образованія составляетъ важное условіе, благопріятствующее развитію и существованію раскола".

Религіозное воспитаніе народа, пишетъ губернаторъ, „должно итти не черезъ школу, а черезъ жизнь и прежде всего — черезъ церковь. Отъ механическаго исправленія обязанностей духовенство должно быть обращено къ живой проповѣди, и по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ церковь должна быть послѣ литургіи обращаема въ мѣсто простыхъ, немудрствующихъ катихизическихъ бесѣдъ священника съ прихожанами о принадлежностяхъ вѣры".

Что касается реформы въ нравахъ и въ образѣ жизни духовенства, то она, по мнѣнію князя, „немыслима, доколѣ духовенство будетъ составлять касту, формирующуюся изъ самой себя; пусть духовенство наполняется людьми по призванію, получившими первоначальное образованіе не въ замкнутыхъ духовныхъ училищахъ, а въ заведеніяхъ общеобразовательныхъ, — тогда исчезнетъ та рѣзкая черта, которая такъ обособляетъ духовенство отъ народа, и тогда народъ въ священникахъ своихъ увидитъ истинныхъ наставниковъ и учи-

телей, а не продающихъ и торгующихъ мытарей".

Вопросу о матеріальномъ обезпеченіи духовенства князь Гагаринъ придаетъ весьма важное значеніе. „Доколѣ,—пишетъ онъ,—священникъ не получитъ матеріальной обстановки, соотвѣтствующей своему положенію и совершенно независимой въ каждомъ данномъ случаѣ отъ прихожанъ, дотолѣ не явятся условія, при которыхъ возможно будетъ благоразумному священнику внушать уваженіе къ себѣ".

Къ разрѣшенію этого вопроса, по мнѣнію князя, наиболѣе цѣлесообразными мѣрами представляются слѣдующія: „1) Надѣлъ сельскихъ причтовъ землею до узаконенной пропорціи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Архангельской губерніи, они не получили еще во владѣніе всѣхъ 33 десятинъ; 2) въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ земля не представляетъ доходной статьи или по недостатку земли не можетъ послѣдовать надѣла—назначеніе причту жалованья, соотвѣтствующаго цѣнности (доходности?) надѣла отъ собственника земли (казны, удѣла, крестьянскихъ обществъ и проч.), и 3) таксація требъ".

Записка подробно останавливается на этой послѣдней мѣрѣ и предлагаетъ слѣдующій проектъ приведенія ея въ исполненіе. „Всѣ обязательно исполняемыя приходскимъ священникомъ требы, какъ-то: крестины, вѣнчаніе, похороны, исповѣдь и причащеніе, должны быть оцѣнены и таксированы примѣрно слѣдующимъ образомъ: за крестины — 1 руб., за вѣнчаніе — 3 руб., за похороны — 2 руб., за исповѣдь и причащеніе—25 коп. Затѣмъ ста-

тистическія данныя по каждому приходу укажутъ, сколько ежегодно совершается каждаго рода требъ; по оцѣнкѣ ихъ составится извѣстная рента, которую прихожане ежегодно должны уплачивать причту за обязательныя требы. Въ настоящее время эта уплата производится посредствомъ передачи священнику изъ рукъ въ руки, – передачи, унижающей духовное лицо".

Лучшимъ средствомъ для уничтоженія такого прискорбнаго явленія является, по мнѣнію составителя записки, „установленіе опредѣленнаго сбора для каждаго прихода соотвѣтственно количеству обязательныхъ требъ въ немъ". „Сборъ этотъ назначается для каждаго прихода общею цифрою; распредѣленіе его между хозяевами, составляющими приходъ, предоставляется самимъ обществамъ; взиманіе сбора производится порядкомъ, установленнымъ для всѣхъ положенныхъ сборовъ. Собранныя деньги выдаются волостными правленіями причту въ опредѣленные сроки *). Такимъ простымъ, естественнымъ путемъ можетъ уничтожиться главная причина, разрушающая въ народѣ уваженіе къ духовенству исполненіемъ обязанностей своего сана подъ условіемъ продажности".

Независимо отъ этого, записка энергически настаиваетъ на крайней необходимости еще слѣдующихъ двухъ мѣръ:

1) „Безотлагательно вытѣснить изъ среды духовенства ту безнадзорность, которою оно

*) Въ городахъ таксація требъ и вообще вся организація этого дѣла, по проекту записки, возлагается на приходскіе попечительные совѣты.
А. П.

нынѣ пользуется безгранично, и предоставить гражданской власти право протеста противъ его (неправильныхъ) дѣйствій, право требовать слѣдствія съ участіемъ при слѣдствіи гражданскаго чиновника". Нынѣ же, „при потворствѣ консисторіи, приходское духовенство пользуется правомъ совершать безнаказанно проступки, нетерпимые въ гражданскомъ обществѣ и нарушающіе установленный законами порядокъ, и гражданская власть не имѣетъ возможности преслѣдовать ихъ, потому что это изолированное духовное начальство другихъ цѣлей не имѣетъ, какъ отклоненіе всякаго въ свои дѣла вмѣшательства посторонняго вѣдомства".

И наконецъ послѣдняя мѣра изъ числа рекомендованныхъ княземъ Гагаринымъ состоитъ въ томъ, „чтобы въ приходы, въ которыхъ большинство населенія состоитъ изъ инородцевъ, непремѣнно назначались священниками люди, знакомые съ языкомъ этихъ инородцевъ,—такъ, въ Архангельской губерніи священники въ карельскихъ приходахъ должны знать карельскій языкъ, въ зырянскихъ приходахъ—зырянскій. Въ такихъ приходахъ катихизическія бесѣды въ церквахъ о предметахъ вѣры должны итти на языкѣ инородцевъ".

Извѣстно, что огромное большинство кареловъ, населяющихъ Кемскій уѣздъ Архангельской губерніи, считаются раскольниками; но къ какому именно толку принадлежатъ эти раскольники, въ точности никому неизвѣстно; по увѣренію князя Гагарина, они и сами не знаютъ объ этомъ. По его словамъ, карелы-раскольники отличаются отъ своихъ едино-

вѣрцевъ, „обыкновенно довольно твердыхъ въ познаніи и исполненіи правилъ своего ученія, полнымъ индиферентизмомъ въ вопросахъ вѣры“.

Вообще расколъ въ средѣ карельскаго населенія,—замѣчаетъ архангельскій губернаторъ,—„составляетъ явленіе чрезвычайно любопытное, требующее спеціальнаго изслѣдованія, которое, несомнѣнно, приведетъ къ тому важному практическому заключенію, что нельзя оставлять цѣлый народъ безъ поученія въ дѣлахъ вѣры на понятномъ ему языкѣ, не доводя его до состоянія религіозной грубости“.

Переходя затѣмъ къ вопросу о степени вреда и опасности, проистекающей отъ раскола въ области церковной и государственной жизни, записка приводитъ слѣдующія данныя относительно общаго характера мѣстнаго раскола. „У всѣхъ безпоповщинскихъ толковъ есть одно общее начало—отрицаніе господствующей Церкви, которая въ ихъ понятіяхъ не признается истинною Христовою Церковью и хранилищемъ божественной благодати, а, напротивъ, считается учрежденіемъ антихриста, уже пришедшаго въ міръ со времени никоновской порчи священныхъ книгъ, хранилищемъ лжи, грѣха и скверны. Въ массѣ раскольниковъ это отрицаніе господствующей Церкви низводится въ сущности къ отрицанію церковной іерархіи: все православное священство въ ихъ глазахъ является слугами антихриста. Собственно догматическихъ разногласій съ ученіемъ признанной Церкви у благоразумнѣйшихъ безпоповцевъ не существуетъ. Отрицаніе іерархіи и своеобразное толкованіе нѣкоторыхъ пришад-

лежностей обрядовой стороны богослуженія — вотъ главные, разъединяющіе пункты. Отпаденіе ихъ отъ Церкви не простирается до отрицанія таинствъ; они только не хотятъ принимать ихъ изъ рукъ „ставленныхъ священниковъ“.

Точно такъ же и государству, по мнѣнію князя Гагарина, „нельзя видѣть въ раскольникахъ опасныхъ для себя враговъ, пока не одурятъ ихъ фанатизмъ. Совершая молитву за царя, у однихъ „благовѣрнаго“, у другихъ „державнаго“, раскольники охотно подчиняются всѣмъ правительственнымъ установленіямъ и ни въ образѣ жизни своей ни въ гражданскихъ понятіяхъ не обнаруживаютъ элементовъ противогосударственныхъ“.

По свидѣтельству записки, „случаевъ сопротивленія раскольниковъ властямъ гражданскимъ въ Архангельской губерніи не было, а проявленія фанатизма составляли исключенія“. Этотъ фанатизмъ „обнаруживался преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда почему-либо преслѣдуемый раскольникъ получалъ возможность утвердить другихъ въ убѣжденіи, что онъ терпитъ за вѣру“.

Вообще князь Гагаринъ довольно энергически высказывался противъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ расколу. „Не имѣя ни фанатическаго ни политическаго характера, расколъ не долженъ вызывать ожесточеннаго преслѣдованія ни со стороны администраціи ни со стороны Церкви“, писалъ онъ.

„Нѣтъ сомнѣнія, что администрація и Церковь не могутъ не обращать вниманія на расколъ, но не подлежитъ сомнѣнію также и то

что въ результатѣ *притѣснительныя мѣры* и особенно непосредственныя отношенія духовенства къ раскольникамъ *вели только къ усиленію раскола*, возбуждая его приверженцевъ къ усиленному отпору и придавая тѣмъ изъ нихъ, которые въ такихъ случаяхъ проникались духомъ фанатическаго упорства, характеръ страдальцевъ за вѣру, всегда дѣйствующій обаятельно на народныя массы".

Крайне интересно и во многихъ отношеніяхъ даже поучительно сопоставить эти воззрѣнія администратора со взглядами, высказанными на тотъ же предметъ представителями высшей духовной власти въ губерніи. Но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

II.

Записка Б. В. Струве.

Получивъ министерскій запросъ, пермскій губернаторъ Струве сообщилъ содержаніе его, — разумѣется, опять-таки „конфиденціально", — пермскому преосвященному Антонію и просилъ его доставить ему свои соображенія и заключеніе по поводу возбужденнаго министромъ вопроса. Въ отвѣтъ на это преосвященный Антоній доставилъ губернатору подробную записку, въ которой между прочимъ доказывалъ, что быстрому усиленію раскола на Уралѣ способствуютъ главнымъ образомъ слѣдующія три причины: „свобода раскола", „свобода страстямъ", якобы существующая въ расколѣ, и, наконецъ, „избраніе волостныхъ начальниковъ изъ числа явныхъ и тайныхъ раскольниковъ". Остановимся на каждой изъ этихъ причинъ.

1) „Свобода раскола"... Я вижу, какъ на лицѣ читателя изображается недоумѣвающе-вопросительное выраженіе, а потому и спѣшу привести здѣсь тѣ комментаріи, которыми сопровождалась въ запискѣ епархіальнаго начальства эта не совсѣмъ удобопонятная фраза. „Соликамскій миссіонеръ, протоіерей Киселевъ, — писалъ преосвященный, — въ отчетѣ своемъ

Наставл. 1858 г.

за 1867 годъ доноситъ, что раскольниковъ настроило противъ духовенства сначала опубликованіе: „Наставленія по дѣламъ, до раскола относящимся", и потому „въ настоящее время раскольники увѣрены въ томъ, что правительствомъ дарована имъ свобода жить по ихъ произволу, и священникамъ при увѣщаніяхъ случается слышать отъ нихъ оскорбительный отвѣтъ, что духовенству до нихъ нѣтъ дѣла".

Итакъ, по мнѣнію епархіальной власти, оказывалось, что во всемъ виновато „Наставленіе по дѣламъ, до раскола относящимся". Какъ извѣстно, „Наставленіе" это было издано въ первые годы царствованія государя Александра Николаевича (въ 1858 г.) и имѣло цѣлью хотя отчасти обуздать произволъ мѣстныхъ властей, какъ гражданскихъ, такъ и духовныхъ, въ дѣлѣ преслѣдованія раскольниковъ. Но каждому также хорошо, конечно, извѣстно, что „Наставленіе это, *смягчивъ* крайне суровыя и жестокія преслѣдованія сектантовъ, существовавшія въ прежнее время, тѣмъ не менѣе отнюдь *не отмѣнило* весьма и весьма строгихъ взысканій и наказаній за всякое „публичное оказательство раскола".

Поэтому нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ видѣть въ „Наставленіи" хотя малѣйшую тѣнь какого-то попустительства расколу. Для объясненія же приведеннаго выше взгляда духовной власти на это узаконеніе мы приведемъ здѣсь 2-й и 3-й §§ изъ „Наставленія для руководства мѣстнымъ властямъ по дѣламъ, до раскола относящимся".

§ 2-й. „Всѣ полицейскія распоряженія въ отношеніи противозаконныхъ дѣйствій рас-

кольниковъ принадлежатъ гражданской вла сти; *духовенство же въ подобныя распоряженія не вмѣшивается, ограничиваясь кругомъ дѣйствій чисто духовныхъ*“.

§ 3-й. „Приходское духовенство ни въ какихъ дѣлахъ по предмету раскола не обращается съ требованіями или доносами къ свѣтскимъ властямъ, а входитъ по таковымъ дѣламъ съ донесеніями къ своему епархіальному архіерею, и онъ съ свѣтскимъ начальствомъ входитъ въ сношеніе только въ обстоятельствахъ дѣйствительной важности и въ опредѣленныхъ случаяхъ совращенія изъ православія въ расколъ или въ случаяхъ соблазнительнаго для православныхъ оказательства раскола“.

Смѣемъ думать, что эти §§ достаточно уясняютъ причину того неудовольствія, съ которымъ отнеслось большинство нашего духовенства къ „Наставленію“, до изданія котораго весь многомилліонный классъ русскихъ религіозныхъ отщепенцевъ находился почти въ полной власти духовнаго начальства. Къ тому же слѣдуетъ имѣть въ виду, что съ утратой или ограниченіемъ этой власти духовенство лишалось весьма значительныхъ матеріальныхъ выгодъ, съ которыми въ доброе старое время всегда соединялось господство надъ богатымъ и промышленнымъ, но юридически-безправнымъ классомъ сектантовъ.

Вторая причина, способствующая, по мнѣнію преосвященнаго Антонія, успленію раскола, заключается въ той „свободѣ страстямъ“, которая якобы существуетъ среди его послѣдователей. „Раскольники и уклоняющіеся въ

расколъ, — писалось въ запискѣ, — вступаютъ въ сводныя сопряженія (такъ преосвященный Антоній называлъ раскольническіе браки), бросаютъ своихъ сводныхъ женъ и вступаютъ въ новыя сопряженія иногда и прежде достиженія узаконеннаго совершеннолѣтія, тоже безъ всякой отвѣтственности. Есть примѣры, что раскольники похищали дѣвицъ, состоящихъ въ единовѣріи, безъ воли ихъ родителей". „Свобода раскола, — свидѣтельствуетъ въ своемъ отчетѣ оханскій миссіонеръ, протоіерей Поповъ, — соблазнительна и для православныхъ, а молодое поколѣніе, подъ вліяніемъ страстей, начинаетъ вступать въ сводные браки безбоязненно. Случается, что православные прихожане на *законныя требованія священниковъ* отъ вступающихъ въ бракъ, угрожаютъ священникамъ тѣмъ, что они сведутся по-раскольнически, своднымъ сопряженіемъ".

Слѣдуетъ пожалѣть, конечно, что отецъ протоіерей не поясняетъ при этомъ, въ чемъ именно заключаются тѣ „законныя требованія" священниковъ, которыя нерѣдко вынуждаютъ „православныхъ прихожанъ" бросать церковь и обращаться къ раскольническимъ наставникамъ.

Избраніе волостныхъ начальниковъ изъ раскольниковъ или изъ уклоняющихся въ расколъ составляетъ, по мнѣнію епархіальной власти, *третью* причину усиленія сектантства. „Такіе начальники, — говоритъ записка, - скрываютъ противозаконныя дѣйствія раскольниковъ, бываютъ и вмѣстѣ пируютъ на сводныхъ ихъ бракахъ, и раскольники думаютъ, что сводные браки ихъ дозволены правительствомъ, если и

начальники участвуютъ въ нихъ. Есть примѣры, что волостные начальники штрафовали тѣхъ дѣвицъ, которыя не хотѣли вступать въ сводное сопряженіе или, вступивши, старались расторгнуть оное и оставить своего незаконнаго мужа".

Исходя изъ этихъ положеній, преосвященный Антоній рекомендовалъ слѣдующія мѣры противъ усиленія раскола: „Во-1-хъ, отнюдь не избирать въ должности старшинъ и судей раскольниковъ или такихъ православныхъ, которые по склонности къ расколу не исполняютъ христіанскихъ обязанностей, такъ какъ волостные начальники изъ раскольниковъ всегда скрываютъ противозаконныя дѣйствія раскольниковъ и вмѣстѣ съ ними пирествуютъ на сводныхъ бракахъ, что раскольникамъ подаетъ поводъ думать, что сводные браки ихъ дозволены правительствомъ; во-2-хъ, усилить надзоръ полиціи за лже-іереями и требоисправителями и, при совращеніи ими православныхъ и единовѣрцевъ, предавать ихъ суду, какъ совратителей, и, наконецъ, въ 3-хъ, чтобы при раскрытіи слѣдователями противозаконныхъ дѣйствій раскольническихъ наставниковъ находились депутаты изъ благонадежныхъ священниковъ, которымъ болѣе извѣстны дѣйствія раскольниковъ, мѣста ихъ общественнаго богослуженія и храненія богослужебныхъ ихъ книгъ и ризницы".

Такимъ образомъ, всѣ мѣры, предложенныя епархіальною властью противъ усиленія раскола, носятъ на себѣ строго репрессивный характеръ и исчерпываются ограниченіями чисто-полицейскаго свойства.

Губернаторъ, представляя этотъ отзывъ духовной власти въ министерство, счелъ необходимымъ сдѣлать съ своей стороны нѣкоторыя пояснения. Такъ, по поводу словъ преосвященнаго Антонія о „свободѣ раскола“ онъ писалъ, что подъ этимъ выраженіемъ отнюдь „нельзя разумѣть какого-нибудь дозволенія или ослабленія въ наблюденіи за расколомъ, потому что свобода раскола существуетъ только въ предѣлахъ дѣйствующихъ по сему предмету узаконеній и другихъ правительственныхъ распоряженій, и всякое доведенное до губернскаго начальства свѣдѣніе объ оказательствѣ раскола не остается безъ должнаго преслѣдованія“.

Далѣе онъ утверждалъ, что явныхъ раскольниковъ никогда не утверждаютъ въ должности волостныхъ старшинъ и т. п. „Но при массѣ раскольниковъ, прибавляетъ онъ, — иногда попадаютъ на эти должности лица, несвободныя отъ заблужденій раскола, точное дознаніе чего формальнымъ путемъ положительно невозможно“.

По мнѣнію губернатора, въ настоящее время „расколъ менѣе скрытенъ, менѣе прячется за единовѣріе и даже за православіе, чѣмъ прежде, при крѣпостномъ правѣ“. Тѣмъ не менѣе, онъ признаетъ, что расколъ растетъ и усиливается, но онъ совершенно иначе объясняетъ причины этого явленія. По его мнѣнію, расколъ „находитъ себѣ силу въ крайней недостаточности нравственнаго вліянія духовенства на народъ, въ его нерѣдко соблазнительной, по своей распущенности, для народа жизни, въ его одностороннемъ, безжизненномъ и схоластическомъ направленіи“.

„Услышать съ церковной каѳедры проповѣдь, не составляющую компиляціи изъ какого-нибудь печатнаго изданія духовнаго вѣдомства,— проповѣдь, которая, касаясь обыденной жизни, давала бы уроки нравственно-гражданской жизни, въ доступныхъ пониманію простого народа формахъ,— такая рѣдкость, что даже трудно указать на примѣръ". Съ другой стороны, „частная жизнь духовенства полна не только корыстныхъ матеріальныхъ стремленій, забвенія о пастырскомъ долгѣ, но нерѣдко представляетъ печальные примѣры безпросыпнаго пьянства, рѣзко бьющаго въ глаза простому народу, между тѣмъ какъ характеръ дѣятельности и успѣхъ пропаганды главныхъ коноводовъ раскола обусловливается прежде всего только трезвостью и граждански-честною жизнью".

Итакъ, въ этомъ случаѣ пермскій губернаторъ вполнѣ сходится со взглядомъ на причины усиленія раскола, высказаннымъ, какъ мы видѣли въ первой главѣ, архангельскимъ губернаторомъ, княземъ Гагаринымъ. Но г. Струве не считаетъ эту причину *единственною*; всматриваясь въ экономическія и аграрныя условія современной народной жизни, онъ находитъ другія причины, которыя способствуютъ усиленію раскола не менѣе, чѣмъ неудовлетворительное состояніе нашего сельскаго духовенства. Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу:

„*Не менѣе существенною причиною* усиленія раскола въ настоящее время служитъ производящійся перестрой поземельныхъ отношеній крестьянъ. Ложная идея полнаго, всецѣлаго и

безвозмезднаго права на пользованіе землею лежитъ въ глубинѣ народныхъ массъ, въ умѣ которыхъ никакъ не укладывается мысль о полной законности взиманія сборовъ за право пользованія землями, составляющими собственность частныхъ владѣльцевъ или государства. Когда крѣпостное право было уничтожено и когда возбудился вопросъ о надѣлѣ крестьянъ землею, то таившаяся въ расколѣ идея безвозмезднаго пользованія землею оживилась, находя для себя пищу въ переговорахъ по этому дѣлу и въ напрасныхъ надеждахъ на осуществленіе своей вѣковой завѣтной идеи. Оживленіе этой идеи пробудило и затаившійся подъ тяжестью крѣпостного права расколъ".

Все это, конечно, вполнѣ справедливо. Жаль только, что г. Струве не развилъ при этомъ болѣе подробно своей мысли объ огромномъ значеніи современныхъ аграрныхъ условій въ дѣлѣ развитія и усиленія раскола въ русскомъ крестьянствѣ. Еще болѣе жаль, что онъ не привелъ конкретныхъ примѣровъ изъ дѣйствительной жизни,—примѣровъ, которые бы воочію подтвердили высказанное имъ положеніе. А такихъ примѣровъ нашъ сѣверо-востокъ и въ частности Пермская губернія представляютъ не мало. Укажемъ, напримѣръ, на неплательщиковъ, немоляковъ - упорщиковъ, медальщиковъ и т. д.; всѣ эти секты являются прямымъ результатомъ ненормальности экономическихъ условій окружающихъ массу нашего крестьянства *)

*) Подробнѣе объ этомъ см. въ нашей книгѣ: „Религіозные отщепенцы" выпускъ второй.

Что касается до способовъ борьбы съ расколомъ, то г. Струве указывалъ лишь двѣ мѣры, которыя должны, по его мнѣнію, остановить дальнѣйшее развитіе раскола:

1) воспитаніе и образованіе народа и 2) улучшеніе правовъ православнаго духовенства и матеріальное обезпеченіе его.

И только. Ни одной мѣры, направленной къ измѣненію или урегулированію тѣхъ аграрныхъ условій, на которыя г. Струве самъ же указывалъ, какъ на одну изъ *главныхъ* причинъ усиленія раскола, вы не находите въ его запискѣ. Чѣмъ объяснить столь явную непослѣдовательность?

—

Исчерпавши все содержаніе официальныхъ записокъ, трактовавшихъ по поводу вопроса о причинахъ усиленія раскола, мы невольно приходимъ къ заключенію, что записки эти отнюдь не разрѣшаютъ поставленнаго вопроса. Главная причина такой неудачи заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что мы до сихъ поръ еще не прониклись сознаніемъ, *что вопросъ о расколѣ тѣсно, органически связывается* не только съ вопросами, касающимися Церкви, духовенства и школы, но также *и со всѣми тѣми вопросами нашего общественнаго быта, которые относятся до правового и экономическаго положенія народа.*

А между тѣмъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что всѣ эти вопросы находятся въ самой тѣсной и прямой связи съ условіями, способствующими развитію сектантства и что отъ того или другого практическаго разрѣшенія ихъ будетъ зависѣть усиленіе или ослабленіе раскола. Несомнѣнно, что развитіе многихъ

Указ 2.5.1883

сектъ находится въ непосредственной зависимости отъ существованія въ народной жизни такихъ учрежденій, какъ паспортная система, подушная подать *) и т. п. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь вспомнить бѣгуновъ или странниковъ, неплательщиковъ и т. д.

Итакъ, чрезвычайная разнородность основныхъ элементовъ, вызывающихъ и поддерживающихъ расколъ, составляетъ главную причину, почему вопросъ о сектантствѣ не можетъ быть обсуждаемъ отдѣльно, самъ по себѣ, безъ связи и отношенія его къ другимъ наиболѣе важнымъ и давно наболѣвшимъ вопросамъ нашей общественной жизни.

Затѣмъ пора, наконецъ, намъ отказаться отъ наивной надежды разрѣшить вопросъ о расколѣ бюрократическимъ путемъ разныхъ „секретныхъ“ и „конфиденціальныхъ“ перепсокъ. По этому поводу мы позволимъ себѣ привести здѣсь слова одного изъ образованнѣйшихъ и гуманнѣйшихъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, князя Н. А. Орлова.

„Вся цѣль бюрократической политики,— писалъ онъ въ 1858 году,—состояла собственно въ томъ, чтобы изъять раскольниковъ изъ-подъ общаго закона и подчинить ихъ исключительнымъ и особенно *негласнымъ* правиламъ, при которыхъ произволу открывалось широкое поле“... „Указомъ Правительствующаго Сената 2-го мая 1832 г. было постановлено: дѣла о раскольникахъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ вывести изъ обыкновенной очереди. *Съ тѣхъ поръ на дѣла раскола опустилась та завѣса*, которую

*) Писано въ 1883 году

доселѣ тщетно... пытаются поднять и за которою нѣсколько милліоновъ русскихъ подданныхъ преданы необузданному корыстолюбію и произволу“ *). Не слѣдуетъ забывать, что это писалось въ 1858 г., когда, еще всецѣло царила по отношенію къ сектантамъ т. наз. „истребительная политика“.

„Вопросъ о расколѣ, — писалъ далѣе князь Н. А. Орловъ, *прежде всего долженъ подвергнуться гласному, открытому обсужденію. Безъ этого ничего нельзя достигнуть*“...

Теперь настало время вспомнить эти глубоко справедливыя, пророческія слова государственнаго мужа, настало время сбросить, наконецъ, ту попстинѣ роковую „завѣсу“, за которою и до сихъ поръ многіе стараются, хотя и тщетно, скрыть одно изъ колоссальнѣйшихъ явленій русской народной жизни.

---

*) „Мысли о расколѣ“. Доклады князя Н. А. Орлова. *Русская Старина* 1881 г., майская книжка.

Запросы и проявленія культурной жизни въ расколѣ.

Запросы и проявленія культурной жизни въ расколѣ.

Въ нашей литературѣ давно уже установились два вполнѣ опредѣленные, но діаметрально-противоположные между собою взгляда на значеніе раскола-старообрядчества съ точки зрѣнія культуры и прогресса. Одни изъ писателей (главнымъ образомъ, духовнаго званія и вѣдомства) съ давнихъ поръ привыкли видѣть въ расколѣ лишь „одну тупую любовь къ старинѣ, безсмысленную привязанность къ буквѣ; его считаютъ плодомъ невѣжества, противодѣйствіемъ просвѣщенію, борьбою окаменѣлаго обычая съ подвижною наукою".

Другіе, наоборотъ, признаютъ расколъ „крупнымъ явленіемъ народнаго умственнаго прогресса" и доказываютъ, что „въ нашей исторіи расколъ былъ едва ли не единственнымъ явленіемъ, когда русскій народъ,—не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ цѣлыхъ массахъ,— безъ руководства и побужденія со стороны власти или лицъ, стоящихъ на степени высшей по образованію, показалъ своеобразную дѣятельность

въ области мысли и убѣжденія“ (П. И. Костомаровъ *).

Быть-можетъ, оба эти мнѣнія нуждаются въ нѣкоторыхъ поправкахъ и оговоркахъ. Но мы не будемъ входить здѣсь въ разборъ и оцѣнку этихъ взглядовъ, такъ какъ цѣль нашей настоящей статьи нѣсколько иная. Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ новыхъ общественныхъ условій, созданныхъ всѣмъ ходомъ нашей жизни и расшевелившихъ народное сознаніе, въ средѣ русскаго старообрядчества все сильнѣе и замѣтнѣе пробиваются наружу и заявляютъ о себѣ запросы умственной, интеллектуальной жизни.

Цѣль настоящаго очерка — воочію показать, до какой степени назрѣли эти потребности и какъ настоятельно необходимо немедленное же удовлетвореніе давно наболѣвшихъ нуждъ и запросовъ умственной, духовной жизни многочисленнаго класса русскихъ старообрядцевъ. Итакъ, припомнимъ факты, которые такъ или иначе освѣщаютъ различныя стороны поставленнаго нами вопроса.

---

*) „Исторія раскола у раскольниковъ“. „Вѣстникъ Европы“ 1871 г., № 4, стр. 469.

I.

Порывы къ свѣту.

Хотя мы и замѣтили, что, благодаря извѣстнымъ условіямъ, просвѣтительныя стремленія въ расколѣ съ особенною интенсивностью сказались именно въ послѣднее время, тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ, однако, думать, что прошлая исторія раскола совершенно лишена всякихъ прогрессивныхъ задатковъ и стремленій. Отнюдь нѣтъ. Безъ всякаго преувеличенія можно положительно утверждать, что въ старинной Руси раскольникъ являлся умственно гораздо развитѣе, осмысленнѣе православнаго.

Костомаровъ прекрасно оттѣняетъ разницу въ умственномъ складѣ и направленіи, какая существовала между раскольникомъ и православнымъ прежняго времени. Въ старинной Руси, говоритъ онъ, грамота была вообще рѣдкостью, —раскольникъ же читалъ и пытался создать себѣ ученіе; „въ старинной Руси господствовало отсутствіе мысли и невозмутимое подчиненіе авторитету властвующихъ, — раскольникъ любилъ мыслить, спорить; раскольникъ не успокоивалъ себя мыслью, что если приказано сверху такъ-то вѣрить, такъ-то молиться, то, стало-быть, такъ и слѣдуетъ; рас-

кольникъ хотѣлъ сдѣлать собственную совѣсть судьею приказанія; раскольникъ пытался самъ все провѣрить, изслѣдовать. Несправедливо осыпать его обвиненіями и глумиться надъ нимъ за то, что онъ, въ своихъ разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ, нерѣдко доходилъ до нелѣпости или обрывался на ребячествѣ; онъ былъ лишенъ всякаго образовательнаго руководства; онъ вступилъ на свой путь съ бременемъ предразсудковъ, которые приросли къ его существу; онъ долженъ былъ самъ расчищать этотъ путь орудіями, слишкомъ первобытными, встрѣчая трудности и спереди и съ боковъ; ничто ему извнѣ не помогало: напротивъ, все ему препятствовало, все старалось повернуть его назадъ. Какіе бы признаки заблужденія ни представлялись въ расколѣ, все-таки онъ соединялся съ побужденіями вырваться изъ мрака умственной неподвижности, со стремленіемъ русскаго народа къ самообразованію" *).

Эта характеристика культурнаго значенія раскола находитъ себѣ полное подтвержденіе въ фактахъ и событіяхъ почти всей исторической жизни русскаго старообрядчества. Отмѣтимъ здѣсь, въ самыхъ общихъ чертахъ, хотя немногіе изъ этихъ фактовъ, для доказательства, что стремленія къ свѣту, къ просвѣщенію издавна были присущи различнымъ группамъ русскаго раскола.

Еще въ то время, когда почти вся масса русскаго крестьянства коснѣла въ полномъ невѣжествѣ, мы уже находимъ въ расколѣ несомнѣнные признаки и проблески умствен-

*) „Вѣстникъ Европы" 1871 г., № 4.

наго развитія и просвѣщенія. Уже въ это время въ ихъ скитахъ можно было встрѣтить школы, въ которыхъ обучались грамотѣ старообрядческія дѣти обоего пола; въ скитахъ были свои учителя и учительницы, свои библіотеки *) и цѣлыя канцеляріи, въ которыхъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ переписывались разныя старообрядческія книги, тетради, рукописи и т. д.; составлялись стихи, сатиры, въ которыхъ осмѣивались тѣ или другіе пороки и смѣшныя стороны въ жизни старообрядчества **), издавались аллегорическаго содержанія картины и проч. Всѣ эти произведенія старообрядческихъ писателей, во множествѣ циркулируя средп приверженцевъ раскола, неизбѣжно должны были будить спавшую до тѣхъ поръ мужицкую мысль.

Само собою понятно, что школы и учителя, какіе были въ это время у старообрядцевъ, не могли дать своимъ воспитанникамъ ничего, кромѣ простой элементарной грамотности. Но вѣдь и это уже не малая заслуга съ ихъ стороны,—особенно для тогдашняго времени. Затѣмъ необходимо имѣть въ виду, что въ средѣ старообрядчества уже въ то время выяснялось сознаніе о недостаточности подобныхъ школъ и постепенно назрѣвала мысль о необходимости болѣе широкаго, научнаго образованія.

---

*) Какъ велики были эти библіотеки, можно между прочимъ, судить по слѣдующему факту: при разгромѣ Выговскихъ скитовъ, по свидѣтельству В. Н. Майкова, „было сожжено около 3,000 рукописей“ (*Историческій Вѣстникъ* 1880 г., № 11, стр. 542).

**) Напр., „Модный старообрядецъ“ — сатира, написанная поморцами Скочковымъ и Адріаномъ Сергѣевымъ.

Одинъ изъ старообрядческихъ писателей, выгорѣцкій старецъ Андрей Борисовичъ, составилъ даже проектъ основать въ Выгорѣцкой *академію*, но эта мысль не осуществилась лишь потому, что вслѣдъ затѣмъ сильный пожаръ опустошилъ эту поморскую колонію.

Другой, еще болѣе извѣстный и талантливый старообрядческій писатель, Павелъ Любопытный, писалъ къ московскому поморскому пастырю Скочкову о необходимости учредить для юношества своей секты „образовательныя училища", „гдѣ бы преподаваема была *вся словесность наука*". Съ жаромъ доказывая пользу и необходимость подобныхъ училищъ, старообрядческій писатель восклицалъ: „Скоро бы появились у насъ божественные Платоны, Демосѳены и Ликурги! Тогда бы скоро Церковь наша увѣнчана была покоемъ, множеніемъ, и враги благочестія не смѣли бъ насъ унижать и дѣлать непріятельскія насилія и вѣроломства".

Такая горячая вѣра въ силу и могущество науки можетъ сдѣлать честь не одному только самоучкѣ-мужику, какимъ въ сущности и былъ Павелъ Любопытный. Но этотъ „мужикъ", во всѣхъ своихъ многочисленныхъ писаніяхъ, остается вѣренъ своей любви къ наукѣ. Вездѣ онъ говоритъ съ большимъ и искреннимъ „сочувствіемъ о всякой мѣрѣ правительства, которая сколько-нибудь клонилась къ распространенію просвѣщенія народа" (*Исторія раскола у раскольниковъ*, стр. 518). Онъ скорбитъ и сокрушается по поводу замѣчаемой имъ „величайшей скудости въ ученыхъ мужахъ, которая была и есть въ нашей Церкви", и постоянно твердитъ

о томъ, „сколь есть нужно и необходимо церкви просвѣщеніе“ *).

Мысли Любопытнаго о пользѣ просвѣщенія, о необходимости „образовательныхъ училищъ“, гдѣ бы поморское юношество поучалось „словесности и всѣмъ наукамъ“, отнюдь не являлись исключительными въ средѣ его современниковъ-поморцевъ. Напротивъ, весьма многіе изъ представителей тогдашняго старообрядчества вполнѣ раздѣляли мысли и стремленія Любопытнаго; таковы были, напримѣръ, архангельскій уроженецъ Крыловъ, наставникъ московскихъ поморцевъ Скочковъ, Адріанъ Сергѣевъ, Емельяновъ и другіе.

При императорѣ Александрѣ I петербургскій поморскій пастырь, Ѳедоръ Петровичъ Бабушкинъ, и купецъ Мокій Ивановичъ Ундозоровъ снова возбуждаютъ вопросъ объ учрежденіи старообрядческихъ училищъ. Они поручаютъ Любопытному написать воззваніе къ поморской церкви, „дабы каждый членъ ея подалъ помощь ради спасительнаго заведенія для образованія юношества“. Вскорѣ, дѣйствительно, на Малой Охтѣ было положено основаніе часовнѣ и при ней заведенію, которое предназначалось „въ покровъ бѣдности и образованію юношества ума и сердца“. Къ сожалѣнію, какія-то неизвѣстныя причины помѣшали осуществиться этому предпріятію.

Чтобы дать представленіе о тѣхъ затрудненіяхъ и препятствіяхъ, которыя постоянно

---

*) „Историческій словарь старовѣрческой церкви“ Павла Любопытнаго. Москва, 1863 г. Изъ „Чтеній въ Им. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ“.

встрѣчали старообрядцы въ своихъ стремленіяхъ къ просвѣщенію и образованію, мы приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ извѣстной *Записки о расколѣ* графа Н. А. Орлова. „Раскольники, — писалъ графъ, — живутъ своею отдѣльною, замкнутою жизнью, и посторонній взоръ рѣдко проникаетъ въ нее. Это отчужденіе возбудило у многихъ мысль, что раскольники гнушаются обществомъ и ненавидятъ просвѣщеніе. Къ счастію, безусловнымъ порицателямъ раскола здѣсь можно отвѣчать фактами". И затѣмъ графъ Орловъ приводитъ слѣдующія данныя.

Въ 1832 году была закрыта въ Ригѣ единственная русская школа *) потому только, что ею управлялъ раскольникъ, и на томъ основаніи, что, по закону, раскольники не могутъ занимать общественныхъ должностей. Сироты, бывшіе въ рижской раскольнической школѣ, переведены въ рижскій баталіонъ военныхъ кантонистовъ.

Подобная же участь постигла московское раскольничье училище, закрытое въ 1835 году.

Въ 1839 году послѣдовало запрещеніе выдавать раскольникамъ свидѣтельства на право обученія дѣтей и, въ то же время, министру народнаго просвѣщенія предписано, при выдачѣ подобныхъ свидѣтельствъ, спрашивать просителей, къ какому вѣроисповѣданію они принадлежатъ.

Въ 1850 году рижскіе раскольники ходатайствовали, чрезъ князя Суворова, о дозволеніи

*) Сейчасъ мы увидимъ, что въ Ригѣ существовала не одна старообрядческая школа, а нѣсколько.

ихъ дѣтямъ обучаться въ гимназіяхъ и университетахъ. Имъ было это дозволено *не иначе*, какъ по предварительномъ присоединеніи ихъ дѣтей къ православію, и предписано немедленно исключать ихъ изъ заведеній, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ религіознаго охлажденія. Раскольники отказались отъ просвѣщенія, предложеннаго имъ на подобныхъ условіяхъ.

„Вотъ факты,—замѣчаетъ по этому поводу графъ Орловъ,—достаточные въ глазахъ нашихъ для доказательства того, что не раскольники уклоняются отъ просвѣщенія, а что, наоборотъ, возможность учиться отнята у нихъ“.

„Намъ, конечно, могутъ возразить, - замѣчаетъ онъ далѣе, -что примѣръ рижскихъ и московскихъ раскольниковъ еще не говоритъ ничего въ пользу ихъ массы, но намъ кажется, что даже масса ихъ расположена къ просвѣщенію едва ли не болѣе массы православныхъ, или если даже и не расположена, то ни въ какомъ случаѣ не болѣе всего остальнаго народонаселенія имперіи“ *).

Н. С. Лѣсковъ въ статьѣ своей *Продова работа* сообщаетъ нѣкоторыя чрезвычайно любопытныя подробности по дѣлу о закрытіи рижскихъ раскольническихъ школъ. Между прочимъ, онъ приводитъ слѣдующую выписку изъ доклада, сдѣланнаго имъ по этому поводу, въ качествѣ чиновника Министерства Народнаго Просвѣщенія:

„Школа, существовавшая (въ Ригѣ) при Гребенщиковскомъ заведеніи, и частныя (старообрядческія) школы закрыты, а, вмѣстѣ съ

*) *Русская Старина* 1881 г., № 5.

тѣмъ, строго запрещено кому бы то ни было заниматься обученіемъ раскольническихъ дѣтей въ отдѣльномъ помѣщеніи. Правительство было успокоиваемо, что тринадцать тысячъ его русскихъ поддашныхъ, поселенныхъ между нѣмцами, не имѣютъ ни одной русской школы и коснѣютъ въ чудовищномъ невѣжествѣ, въ срамъ и поношеніе русскаго имени. Во все время управленія Остзейскимъ краемъ князя Суворова въ Ригѣ не было ни одной русской школы, а въ смѣшанныя школы старовѣры не посылали своихъ дѣтей и учили ихъ кое-какъ по два, по три.

„Дѣти родителей достаточныхъ учились въ своихъ домахъ, а бѣдность, которую, по мѣстному выраженію, подбирали съ улицъ въ Гребенщиковскую школу, осталась на улицахъ русскаго предмѣстья, разсыпалась по рвамъ, мостамъ, кабакамъ и публичнымъ домамъ. Современно съ закрытіемъ школъ, въ вишкерахъ русскаго форштата двѣнадцатилѣтнія и даже десятилѣтнія русскія дѣвочки начинаютъ заниматься проституціею; проѣздъ по форштату затрудняется массою ворующихъ мальчишекъ; дѣти устраиваютъ воровскія артели; полиція, подъ предводительствомъ полицей-мейстера Гриша, дѣлаетъ на нихъ облавы; дѣтей ловятъ и записываютъ въ кантонисты“...

Авторъ статьи задается вопросомъ: „Не было ли въ терпимыхъ нѣмцами русскихъ раскольничьихъ школахъ чего-нибудь столько вреднаго, что ихъ надлежало уничтожить, несмотря на всѣ ужасы, которые отъ того послѣдовали? Нимало! Изъ представленія рижскаго граждан-

ского губернатора г. фонъ-Фелькерзама, генералъ-губернатору, барону Палену, видно, что школы (старообрядческія) существовали даже „съ разрѣшенія директора училищъ“ и что тамъ учили только „чтенію, письму да ариѳметикѣ, и обученныхъ этому мальчиковъ пристраивали въ лавки къ торговцамъ или въ ученики къ ремесленникамъ, а изъ голосистыхъ формировали хоръ для молитвеннаго пѣнія“.

Кажется, чего бы проще, чего позволительнѣе и чего полезнѣе? Однакоже, это не такъ: школы были закрыты. „По какому именно поводу вздумали закрыть раскольничьи школы, — пишетъ г. Лѣсковъ, — я не нашелъ точныхъ свѣдѣній въ дѣлахъ рижскаго архива, но бывшій попечитель общины, Петръ Андреевичъ Пименовъ, говорилъ, что „общество стало *просить о расширеніи программы школы* и это было причиною къ ея закрытію“ (*Историческій Вѣстникъ* 1882 г., № 4).

Впослѣдствіи рижскіе раскольники не разъ предпринимали ходатайства и „осмѣливались просить о благосклонномъ разрѣшеніи школъ“. Нѣмецкіе ордунгсгерихтеры поддерживали раскольниковъ въ этихъ ходатайствахъ и съ своей стороны доказывали „необходимость учрежденія особыхъ первоначальныхъ раскольническихъ школъ во всѣхъ обитаемыхъ раскольниками мѣстностяхъ“, такъ какъ, по мнѣнію этихъ нѣмецкихъ учрежденій, „принуждать раскольниковъ силою отдавать дѣтей въ школы православныя—неудобно“. „Но русское православное духовенство, — замѣчаетъ г. Лѣсковъ,—не раздѣляло этой нѣмецкой выдумки и находило, что принуждать—удобно“.

Особенно сурово отнесся къ раскольничьимъ школамъ тогдашній архіепископъ рижскій, высокопреосвященный Платонъ. Онъ явно покровительствовалъ тѣмъ изъ священниковъ, которые обнаруживали непріязненное отношеніе къ раскольничьимъ школамъ. Въ числѣ такихъ священниковъ особенно выдавался своею дѣятельностью протоіерей о. Алексѣевъ. Онъ доносилъ преосвященному Платону, что „раскольники весьма желаютъ открывать у себя школы“, а „при такомъ настроеніи весьма важно было бы, если бы мѣстная земская полиція строго слѣдила, чтобы они самовольно не открывали школъ“, а „чтобы побудить земскую полицію дѣйствовать такимъ образомъ“, отецъ протоіерей рекомендовалъ способъ нелѣпый. Онъ находилъ, что „довольно будетъ, если его свѣтлость г. генералъ-губернаторъ (кн. Суворовъ) выразитъ положительно свое желаніе объ этомъ исправникамъ“.

Переходимъ затѣмъ къ болѣе близкому къ намъ времени.

II.

Право на образованіе.

Значительная часть русскаго крестьянства обязана расколу своею грамотностью. „*Благодаря* относительной развитости крестьянства и *вліянію раскола*, —говоритъ П. С. Ефименко,—грамотность здѣсь (въ Архангельской губерніи) значительно привилась и даетъ утѣшительную пропорцію: одинъ грамотный на 17 человѣкъ сельскихъ жителей губерніи" (*Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи* П. С. Ефименко. Архангельскъ, 1869 г.). Извѣстный офиціальный изслѣдователь раскола, г. Синицынъ, говоритъ, что у раскольниковъ 1 грамотный приходится на 3 человѣка неграмотныхъ *). Въ нѣкоторыхъ районахъ, заселенныхъ старообрядцами (напр., въ Гуслицахъ), грамотность составляетъ почти всеобщее достояніе. То же самое встрѣчаемъ мы и въ самыхъ глухихъ, въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи. Вотъ, напримѣръ, что недавно сообщали *Вятскія Губернскія Вѣдомости* о состояніи раскола въ Пинюжанской волости, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи: „*Почти вся* (здѣшніе раскольники) умѣютъ читать и писать. На воспитаніе

*) „Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ", г. Кельсіева, выпускъ IV, стр. 166.

дѣтей и на ихъ образованіе обращается н
сравненно большее вниманіе, чѣмъ въ сред
православной... Мальчикъ учится подъ рук
водствомъ отца, матери или наставника, како
нибудь почтеннаго, сѣдовласаго старика, кот
рый уже бросилъ землю, сдалъ ее общинѣ и
домашнимъ и посвятилъ остатокъ своихъ сил
обученію дѣтей грамотѣ и закону. Главн
предметы обученія: часословъ, псалтирь
письмо. Въ послѣднее время стали учить „ц
фири и *книгамъ гражданской печати*“ (*Вятскія Губер
скія Вѣдомости* 1883 г., № 6).

„Русскій мужикъ въ расколѣ получалъ свое
рода образованіе, выработалъ своего рода кул
туру, охотнѣе учился грамотѣ; кругозоръ с
расширялся настолько, насколько могло этом
содѣйствовать чтеніе священнаго писанія
разныхъ церковныхъ сочиненій, или да
слушаніе толковъ объ этихъ предметахъ. Ка
ни нелѣпы казаться могутъ намъ споры о с
губоій аллилуіа или о восьмиконечномъ крест
но они изощряли способность русскаго прост
людина: онъ мыслилъ, достигалъ того, что мог
обобщать понятія, дѣлать умозаключенія; та
называемые соборы, на которыхъ раскольни
собирались спорить о своихъ недоумѣніях
пріучали ихъ къ обмѣну понятій, вырабат
вали въ нихъ общительность, сообщали и
уму бѣглость и смышленость. Сфера церко
ная была для нихъ умственною гимнастико
они получали въ ней подготовку къ тому, чт
бы имѣть возможность удачно обратиться и к
другимъ сферамъ“ *).

*) Н. И. Костомаровъ: „Исторія раскола у раскольниковъ“. „Вѣст. Европ
1871 г., № 4.

Къ сожалѣнію, всѣ условія общественной жизни раскольниковъ далеко не благопріятствовали такому „обращенію ихъ дѣятельности къ другимъ сферамъ“. Напротивъ, вездѣ и повсюду они встрѣчали всевозможныя препоны и преграды. Что, напримѣръ, можетъ быть законнѣе стремленія къ образованію? Однако, и здѣсь, въ этой, казалось бы, совершенно нейтральной области, раскольники до сихъ поръ сталкиваются съ непреоборимыми препятствіями.

Въ 1879 году *Новое Время* передавало, что „въ средѣ старообрядцевъ предпринимается вновь, возбуждавшееся уже неоднократно, но остававшееся до сихъ поръ безъ послѣдствій, ходатайство о разрѣшеніи устройства школы для дѣтей старообрядцевъ съ программою, приспособленною къ потребностямъ торговаго сословія“. Что касается необходимыхъ для этой цѣли средствъ, то доставить ихъ выражали готовность нѣкоторые изъ представителей московскихъ и петербургскихъ старообрядцевъ. Со времени появленія этого извѣстія прошло четыре года, а о школѣ—ни слуху ни духу. Несмотря на эти неудачи, раскольники не теряютъ, однако, надежды добиться права на образованіе для своихъ дѣтей.

„Глубоко сознавая необходимость ученія, мы просимъ разрѣшить намъ завести свои собственныя училища, гдѣ наши дѣти, укрѣпляясь въ вѣрѣ отцовъ своихъ и преданности царю, *изучали бы кромѣ того и другія науки*“. Такъ писали въ 1881 году старообрядцы города Хвалынска въ запискѣ, поданной имп сенатору И. П. Шамшину, ревизовавшему въ то время Сара-

товскую губернію. Но, къ сожалѣнію, и на этотъ разъ ихъ голосъ не былъ услышанъ.

Будучи увѣрены, что рано или поздно за ними будетъ, наконецъ, признано право на образованіе, старообрядцы не остаются, однако, безъ школъ. Наоборотъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ они непремѣнно стараются устроить и поддержать свои училища. Мѣстныя власти иногда находятъ возможнымъ смотрѣть сквозь пальцы на существованіе и возникновеніе подобныхъ школъ.

Въ Москвѣ, у Тверской заставы, около 15-ти лѣтъ существовала, напримѣръ, небольшая старообрядческая школа, содержавшаяся на частныя средства любительницы просвѣщенія А. С—вой, которая сама занималась и преподаваніемъ. Почтенная труженица, поставившая себѣ задачею знакомить старообрядческихъ дѣтей, преимущественно бѣдныхъ, съ начатками грамотности, вела дѣло съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, тратя свои послѣднія средства на учебныя книги и пособія. За все время своей педагогической дѣятельности г-жа С—ва выпустила изъ своей мужской школы до трехсотъ воспитанниковъ. Хотя школа эта была открыта, выражаясь казеннымъ языкомъ, „безъ надлежащаго разрѣшенія“, но почтенную основательницу школы никто не безпокоилъ, и она продолжала благое дѣло, принимая на воспитаніе дѣтей бѣдныхъ старообрядцевъ, такъ что жилище ея представляло, въ одно и то же время, и школу и пріютъ. Весною 1882 года, во время пожара, случившагося въ той мѣстности, гдѣ находилась школа г-жи С—вой, вмѣстѣ съ другими постройками былъ истребленъ и

школьный домикъ-пріютъ. Вслѣдствіе этого педагогическая дѣятельность г-жи С—вой должна была прекратиться: она не имѣла денежныхъ средствъ, чтобы возобновить дѣло. Но тутъ на помощь къ ней немедленно же является мѣстное старообрядческое общество и даетъ необходимыя средства на постройку новаго школьнаго домика. Священникъ Ямского старообрядческаго прихода, П. Ѳ. Лапшинъ, предоставилъ въ полную собственность г-жи С—вой довольно обширный участокъ земли, такъ что при школѣ будутъ разбиты садикъ и огородъ (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., №№ 16 и 190).

Въ приведенномъ случаѣ мѣстныя власти ничѣмъ не обнаружили своего вмѣшательства въ дѣло старообрядческой школы. Къ сожалѣнію, это бываетъ далеко не часто. Вотъ, напримѣръ, что случилось въ той же Москвѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Старообрядецъ И. И. Шебаевъ открылъ въ 1868 году училище для дѣтей старообрядцевъ. Училище помѣщалось на Покровкѣ, въ мѣстности, населенной старообрядцами; черезъ мѣсяцъ въ школѣ было уже 40 учениковъ, затѣмъ—80; тутъ были и мальчики и дѣвочки. Учредитель школы пригласилъ на свой счетъ учителя и обставилъ школу всѣмъ необходимымъ. Высшая духовная власть въ Москвѣ ничего не имѣла противъ этого; все шло прекрасно, и школа съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе и болѣе завоевывала къ себѣ довѣріе въ средѣ старообрядческаго населенія.

Число учениковъ росло, такъ что черезъ годъ понадобилось другое, болѣе просторное помѣщеніе, что и было сдѣлано. Но тутъ вдругъ

начались преслѣдованія. Никакія хлопоты не помогли; въ 1869 году, по распоряженію Министерства Внутреннихъ дѣлъ, полиція предписала закрыть школу, иначе грозила закрыть силою. Пришлось, конечно, исполнить это требованіе; сотня учениковъ и учениць была разогнана; многія дѣти горько плакали, покидая школу, къ которой они успѣли привязаться.

Старообрядцы не только не могутъ имѣть своихъ школъ, своихъ учителей, но до послѣдняго времени они были лишены права помѣщать дѣтей въ среднія и высшія учебныя заведенія. Это послѣднее ограниченіе является уже совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ.

Богатые, зажиточные старообрядцы относятся также вполнѣ сочувственно къ дѣлу народнаго образованія и не отказываются съ своей стороны жертвовать на это дѣло. Такъ, еще недавно сообщалось изъ Покровскаго уѣзда, Владимирской губерніи, что „одной изъ лучшихъ школъ въ уѣздѣ" является фабричная школа, основанная по иниціативѣ извѣстнаго фабриканта - старообрядца Т. С. Морозова. „Успѣхамъ школы много содѣйствуетъ то, что она хорошо обезпечена въ матеріальномъ отношеніи и изобилуетъ различными учебными пособіями. Школьная библіотека вмѣщаетъ въ себѣ лучшія педагогическія сочиненія и всѣ выдающіяся изданія для дѣтскаго чтенія. Преподаватели школы, которымъ она платитъ хорошее содержаніе, втрое почти, чѣмъ въ земскихъ школахъ, также изъ лучшихъ, способныхъ педагоговъ" (*Русск. Вѣдом.* 1883 г., № 186). Въ 1880 году въ селѣ Кудыкинѣ (Покровскаго уѣзда) „открыто двухклассное училище, благо-

даря стараніямъ крестьянина Новикова, который, принадлежа и сейчасъ къ старообрядчеству, сдѣлалъ доброе дѣло для мѣстнаго населенія, безъ различія религіозныхъ вѣроисповѣданій" (*Русск. Кур.* 1880 г., № 208). Далѣе мы еще не разъ встрѣтимся съ подобными примѣрами.

Стремясь получить право на устройство своихъ собственныхъ школъ, старообрядцы въ то же время, едва ли не въ большой части случаевъ относятся безъ всякаго предубѣжденія къ существующимъ земскимъ и инымъ народнымъ училищамъ. Они не отказываются пользоваться этими школами и охотно посѣщаютъ ихъ. Въ Кемскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, дѣти безпоповцевъ въ большомъ количествѣ посѣщаютъ мѣстныя казенныя школы. Въ Висерскомъ заводѣ (Пермской губерніи), по сообщенію учителя М. П. Вяткина, дѣти раскольниковъ обучаются въ мѣстной земской школѣ, учатся закону Божію, сдаютъ даже экзамены изъ этого предмета, кончаютъ курсъ, и, тѣмъ не менѣе, не покидаютъ раскола.

Изъ Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, сообщали что существующая при мѣстномъ Старо-Преображенскомъ монастырѣ школа, со времени своего основанія, выпустила около 900 воспитанниковъ, двѣ трети изъ которыхъ принадлежатъ къ старообрядческимъ дѣтямъ не только ближайшихъ, но и отдаленныхъ селеній уѣзда. Особеннымъ довѣріемъ старообрядцевъ монастырская школа стала пользоваться съ того времени, какъ въ ней старообрядческимъ дѣтямъ предоставлено право обучаться по с[в]опечатнымъ Псалтирямъ и

Часовнпкамъ, какъ водится до сихъ поръ п
всюду у старообрядцевъ. Помѣщеніе монасты
ской школы постепенно расширяется, но в
настоящее время въ школѣ нѣтъ уже свобо
ныхъ мѣстъ, вслѣдствіе напльва дѣтей
всѣхъ сторонъ (*Русскія Вѣдомости* 1880 г., №№ 8
и 102).

III.

Гуслицкія школы.

Гуслицкій край всегда считался зажиточнымъ, что доказывается и внѣшнимъ опрятнымъ видомъ крестьянскихъ построекъ, и вобще сноснымъ мужицкимъ хозяйствомъ. Зажиточность эта, какъ безошибочно можно замѣтить, находится въ тѣсной связи почти *съ поголовною грамотностію* здѣшняго населенія. Нигдѣ, надо полагать, не распространена такъ грамотность, какъ въ Гуслицахъ, въ этой старообрядческой Палестинѣ. Въ пятидесяти слишкомъ селеніяхъ, составляющихъ Гуслицкій округъ, жители неизмѣнно держатся старовѣрія, составляя основную, надежную паству старообрядческихъ архіереевъ, и грамотность среди здѣшняго старообрядческаго населенія является какъ будто родовымъ, неотъемлемымъ наслѣдствомъ (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 226).

Возникновеніе гуслицкихъ школъ относится къ временамъ глубокой старины. Задолго до открытія земскихъ учрежденій, на которыхъ теперь лежитъ попеченіе о народномъ образованіи, въ Гуслицахъ существовалъ не одинъ десятокъ такъ называемыхъ „самородныхъ

школъ", которыя разбросаны были по всѣмъ почти селеніямъ Гуслицъ. Основаніе этихъ „самородныхъ" разсадниковъ грамотности принадлежитъ исключительно старообрядцамъ, составляющимъ сплошное населеніе этого края (*Русскій Курьеръ* 1880 г., № 9).

Нельзя, конечно, сказать, чтобъ преподаваніе въ этихъ доморощенныхъ школахъ удовлетворяло хотя наполовину современнымъ педагогическимъ требованіямъ; но, тѣмъ не менѣе, гуслицкія старообрядческія школы принесли все-таки громадную пользу, поддерживая въ теченіе двухъ слишкомъ вѣковъ грамотность въ мѣстномъ населеніи. Въ этихъ школахъ до настоящаго времени неизмѣнно преподавалось одно и то же — чтеніе по церковно-славянскимъ книгамъ, каллиграфія и вдобавокъ, крюковое древне-церковное пѣніе, словомъ, та самая „грамота", которою питалась древняя Русь.

Преподавателями въ гуслицкихъ старообрядческихъ школахъ состоятъ мѣстные грамотеи и книжники, любители просвѣщенія, трудящіеся надъ этимъ дѣломъ, такъ сказать, изъ любви къ искусству. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ учителями являются дѣвушки-келейницы, удалившіяся отъ мірской жизни. Не мудрствуя лукаво, онѣ знакомятъ старообрядческихъ дѣтей просто съ грамотностью, съ механическимъ чтеніемъ, и не берутся даже разъяснять смысла прочитаннаго. Такое обученіе можно, пожалуй, назвать безтолковымъ, но, однако, отнюдь нельзя утверждать, чтобъ изъ него не выходило никакой пользы. Польза доказывается и промышленною предпріимчивостью здѣшняго

населенія и большимъ процентомъ здѣшнихъ грамотныхъ, на сторонѣ занимающихъ выдающіяся мѣста на фабрикахъ и по торговлѣ (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 226).

Притомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что старообрядческимъ педагогамъ пускаться въ объясненія съ воспитанниками было весьма рискованно и даже опасно. На подобную просвѣтительную дѣятельность полиція и православное духовенство смотрѣли обыкновенно какъ на пропаганду раскола; взгляды эти, къ сожалѣнію, не выдохлись еще и по сіе время. Застращиванія и непосильныя контрибуціи были дѣломъ обычнымъ; нерѣдко возникали и преслѣдованія, приводившія къ печальному исходу безкорыстныхъ тружениковъ просвѣщенія. Но, наперекоръ всѣмъ этимъ преслѣдованіямъ, старообрядческія школы оказались неискоренимыми; исторія этихъ скромныхъ разсадниковъ просвѣщенія изобилуетъ фактами, представляющими глубокій интересъ для всѣхъ, кого только занимаетъ историческая судьба русской народной мысли.

На ряду съ только что описанными „самородными“ школами чисто примитивнаго устройства, у старообрядцевъ въ послѣднее время все чаще и чаще возникаютъ училища, правильно организованныя и прекрасно обставленныя въ педагогическомъ отношеніи. Къ числу такихъ школъ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, отнести училище, основанное старообрядцемъ Дмитріевымъ въ Покровскомъ уѣздѣ, Владимирской губерніи.

Крестьянинъ деревни Зуевой, Кудыкинской волости, старообрядецъ Романъ Зиновьевичъ

Дмитріевъ „открылъ въ сосѣдней деревнѣ Іоновой превосходную старообрядческую школу на 50 мальчиковъ. Обученіе въ школѣ безплатное. Дѣти принимаются безъ всякаго разбора: тутъ есть и дѣти старообрядцевъ и дѣти православныхъ. Направленіе школы отличается полнѣйшею вѣротерпимостью, что доказываетъ разнообразный выборъ учебныхъ пособій, которыми въ изобиліи снабжена школа: вмѣстѣ со старинными Псалтирями и Часовниками, въ школѣ имѣются подобныя же книги новѣйшихъ изданій, равно какъ и учебники Ушинскаго, Паульсона и другихъ извѣстныхъ русскихъ педагоговъ." (*Порядокъ*, 1881 г., № 220).

Едва успѣли открыть эту школу, какъ она уже оказалась переполненною учащимися. Вслѣдствіе этого основатель школы долженъ былъ перевести ее въ новое, болѣе обширное помѣщеніе. Преподаваніе въ школѣ было поручено учителю-старообрядцу изъ мѣстныхъ крестьянъ, которому г. Дмитріевымъ назначено жалованье 25 рублей въ мѣсяцъ. Дѣти бѣднѣйшихъ старообрядцевъ находятъ для себя въ школѣ все готовое: книги, бумагу, перья, учебники и проч. Видное мѣсто въ обученіи занимаетъ каллиграфія. Желающимъ преподается древне-церковное пѣніе, съ которымъ основательно знакомъ преподаватель школы А. П. Гусевъ.

Мѣстное старообрядческое населеніе отнеслось къ предпріятію г. Дмитріева весьма сочувственно; богатые фабриканты-старообрядцы: В. Е. Морозовъ, Зимины и г-жа Морозова, немало содѣйствовали ему въ открытіи училища; сельскій староста деревни Іоновой предложилъ

для школы собственный, очень просторный домъ. Попечитель школы, г. Дмитріевъ, не жалѣлъ съ своей стороны средствъ на дѣло образованія; онъ постоянно посѣщалъ школу и внимательно слѣдилъ за успѣхами въ ней.

„Отличные успѣхи школы сказались на первыхъ же порахъ“ (*Порядокъ* 1881 г., № 220). Однако, несмотря на это, судьба школы отнюдь не могла считаться обезпеченной; напротивъ, все болѣе и болѣе росли слухи о томъ, что школѣ „почему-то угрожаетъ закрытіе“. Мѣстная администрація обратила на школу особенное вниманіе. Произведено было тщательное дознаніе о возникновеніи школы, обревизованы учебныя старопечатныя старообрядческія, а также старообрядческаго писанія книги, въ которыхъ ничего вреднаго и противозаконнаго, однако, не обнаружено. Надобно замѣтить, что старообрядческое общество деревни Кудыкиной, чтобъ оформить существованіе школы, основанной г. Дмитріевымъ, составило общественный приговоръ о необходимости имѣть училище съ полнымъ обезпеченіемъ относительно его содержанія.

Но и это не помогло дѣлу. Волостное начальство не рѣшалось засвидѣтельствовать общественный приговоръ, находя какія-то препятствія. Затѣмъ приговоръ былъ представленъ въ уѣздный училищный совѣтъ, который, не находя, будто бы, „законнаго основанія“, затруднился закрѣпить существованіе школы. Наконецъ, вся переписка о старообрядческой школѣ была препровождена въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, рѣшеніе котораго по этому вопросу намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Между тѣмъ, мѣстныя власти не оставляли въ покоѣ школу, и она, какъ сообщалось въ газетахъ, „подверглась опалѣ со стороны полиціи“. Въ одинъ прекрасный день въ училище явился уѣздный исправникъ и лично произвелъ ревизію школы, опрашивалъ учителя, разсматривалъ учебники и т. п. Понятно, что ничего „подозрительнаго“ въ школѣ не оказалось (*Русскія Вѣдомости* 1881 г., №№ 267 и 307).

Школа г. Дмитріева не является одиночнымъ явленіемъ въ Покровскомъ уѣздѣ; напротивъ, можно указать нѣсколько подобныхъ старообрядческихъ школъ, возникшихъ въ самое послѣднее время въ этомъ районѣ. Въ числѣ этихъ школъ, по образцовому устройству, первое мѣсто слѣдуетъ отвести народной школѣ, основанной старообрядцемъ Жаровымъ въ селѣ Перникахъ, Покровскаго уѣзда; подробнѣе о ней мы скажемъ въ слѣдующей главѣ. Что же касается болѣе мелкихъ школъ, то онѣ постоянно возникаютъ среди старообрядческаго населенія.

Такъ, напримѣръ, еще недавно возникло старообрядческое училище въ селѣ Кабановѣ, Кудыкинской волости. Затѣмъ старообрядцы многолюдной деревни Губинской рѣшили также открыть у себя школу и, не долго думая, привели свое рѣшеніе въ исполненіе. Они выписали учителя изъ Гуслицъ, зааренловали удобное помѣщеніе для школы, и дѣло уже на ходу: „въ два-три дня набѣжало около двухъ десятковъ ребятишекъ“.

Слѣдуетъ еще отмѣтить одну особенность гуслицкаго старообрядческаго района, — это именно существованіе въ немъ подвижныхъ

школъ, бродячихъ учителей, кочующихъ изъ села въ село, изъ деревни въ деревню. Объ одномъ изъ такихъ учителей недавно сообщалось въ газетахъ. Крестьянинъ Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, Архипъ Карташевъ, проживавшій нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ и вернувшись на родину, взялся за преподаваніе грамоты крестьянскимъ дѣтямъ. Сперва онъ жилъ въ своей деревнѣ, потомъ перебрался въ сосѣдній Покровскій уѣздъ и провелъ зиму въ селеніи Язвищахъ, а затѣмъ перекочевалъ въ ближайшую деревню Губинскую. По окончаніи лѣтнихъ домашнихъ работъ онъ снова намѣренъ вернуться въ Покровскій уѣздъ и заняться обученіемъ дѣтей въ Кудыкинѣ или Высокомъ (*Русск. Вѣдом.* 1883 г.). Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ упомянаемыя въ этомъ извѣстіи села и деревни являются главными центрами мѣстнаго раскола, а нѣкоторые изъ нихъ населены почти исключительно одними старообрядцами.

IV.

Преграды и тормозы.

Учителя и руководители старообрядческихъ школъ ежеминутно должны были опасаться преслѣдованій со стороны полиціи или духовенства за свою педагогическую дѣятельность, которая обыкновенно приравнивалась къ „распространенію раскола“, къ „совращенію изъ православія“ и т. п. А какъ тяжко подобныя обвиненія отражались на судьбѣ лицъ, подвергшихся имъ, можетъ показать слѣдующій случай.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1881 года въ городѣ Глазовѣ, Вятской губерніи, въ засѣданіи временнаго отдѣленія вятскаго окружнаго суда, на скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ шестидесятилѣтній старецъ, „раскольническій монахъ поповской секты, австрійскаго согласія“, Прокопій Соколовъ. Онъ обвинялся въ распространеніи раскола, которое выразилось въ томъ, что Соколовъ у себя въ квартирѣ „училъ дѣтей грамотѣ и религіи“. По сообщенію корреспондента, старецъ этотъ проживалъ около Березовскихъ починковъ. Глушь безпросвѣтная: ни школъ ни больницъ, ничего хоть сколько-нибудь на-

поминающаго о прикосновеніи цивилизаціи; населеніе состоитъ изъ пермяковъ и русскихъ, большинство которыхъ придерживается раскола. Расколъ здѣсь явился ранѣе православія; въ него обращены очень многіе изъ пермяковъ-язычниковъ. Если вѣрить корреспонденту, на судъ даже не справились: чьихъ именно дѣтей обучалъ Соколовъ — православныхъ или раскольничьихъ. Соколовъ обвинялся въ совращеніи въ расколъ нѣсколькихъ человѣкъ, но ни одинъ изъ совращенныхъ не былъ представленъ на судъ; мало того, эти лица не были даже указаны, какъ слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе, однако, судъ вынесъ обвинительный приговоръ, и Соколовъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Закавказскій край. За кулисами суда, на замѣчанія корреспондента по поводу приговора, одинъ изъ священниковъ съ довольнымъ видомъ воскликнулъ: „А все же такп обвинили!“ (*Русскій Курьеръ*, 1881 г., № 81).

Впрочемъ, гораздо чаще дѣла о раскольничьихъ школахъ и учителяхъ кончаются лишь тѣмъ, что школы закрываются, а учителя обязываются подпискою „впредь никого ничему не обучать“.

Намъ извѣстенъ, напримѣръ, такой случай, имѣвшій мѣсто въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи. Въ Нижне-Сергинскомъ заводѣ поселился старообрядецъ, „крестьянинъ Михей Алексѣевичъ Поповъ, и началъ обучать грамотѣ ребятъ. Вскорѣ у него набралось до 20-ти учениковъ, которые охотно и правильно посѣщали эту импровизированную школу. Родители были какъ нельзя болѣе довольны учителемъ-волонтеромъ и все шло прекрасно.

Но о школѣ узналъ мѣстный священникъ и настоялъ на томъ, чтобы становой приставъ немедленно же запретилъ Попову обученіе дѣтей. Вслѣдствіе этого съ Попова была взята подписка, въ которой онъ обязывался „впредь отнюдь никого грамотѣ не обучать“.

Иногда развязка подобныхъ дѣлъ осложняется еще установленіемъ болѣе или менѣе строгаго полицейскаго надзора за лицами, уличенными въ педагогическихъ наклонностяхъ. Приведемъ здѣсь содержаніе дѣла, найденнаго нами при занятіяхъ въ одномъ изъ уральскихъ архивовъ.

Екатеринбургскій миссіонеръ, протоіерей Николай Смирновъ, донесъ въ 1866 г., что крестьянинъ деревни Губернской, Кузнецкаго прихода, Екатеринбургскаго уѣзда, Николай Зотиковъ Фирсановъ „открылъ въ своемъ домѣ подъ своимъ руководствомъ обученіе восьми крестьянскихъ мальчиковъ по старопечатнымъ Псалтирямъ съ раскольническимъ направленіемъ“. При этомъ миссіонеръ поясняетъ, что въ Кузнецкомъ приходѣ „считается раскольниковъ всего три дома, въ которыхъ дѣтей мужского пола вовсе нѣтъ, а потому *должно полагать*, что крестьянинъ Фирсановъ обучаетъ дѣтей православныхъ родителей и, вмѣстѣ съ обученіемъ ихъ грамотѣ, посѣваетъ въ нихъ расколъ“.

Духовная консисторія поручила миссіонеру „строго слѣдить за дѣйствіями Фирсанова и, если окажется хотя малѣйшее уклоненіе изъ православія, немедленно донести объ этомъ“. Въ то же время пермскій преосвященный архіепископъ Неофитъ счелъ долгомъ сообщить обо всемъ этомъ губернатору. Послѣдній пред-

писалъ екатеринбургскому исправнику „произвести дознаніе о дѣйствіяхъ крестьянина Фирсанова и, если доносимое миссіонера подтвердится, тотчасъ же запретить ему заниматься обученіемъ дѣтей, въ чемъ и обязать его подпискою". Затѣмъ, независимо отъ сего, учредить за нимъ строгій надзоръ, чтобы онъ и впредь не могъ и т. д.

На это исправникъ донесъ, что обвиненіе вполнѣ подтвердилось; „свидѣтельства же на обученіе Фирсановъ никакого не имѣлъ и не имѣетъ", вслѣдствіе чего онъ „обязанъ подпискою, чтобы обученія дѣтей отнюдь не производить, а за дѣйствіями его учрежденъ строгій надзоръ".

Учебное вѣдомство также весьма неблагосклонно относится къ существованію старообрядческихъ школъ. Даже тѣ школы, которыя хотя и не заключаютъ въ себѣ ничего сектантскаго, но разъ онѣ основаны старообрядцемъ, то со стороны учебнаго вѣдомства встрѣчаютъ разныя затрудненія.

Старообрядецъ В. Я. Жаровъ въ 1880 году построилъ въ своемъ селѣ (Перники, Покровскаго уѣзда) превосходную школу, болѣе чѣмъ на сто учениковъ (мальчиковъ и дѣвочекъ), обставилъ ее большими удобствами въ гигіеническомъ отношеніи (при школѣ дворъ, огородъ и садъ) и снабдилъ различными учебными пособіями; земство прислало учителя, и дѣло пошло въ ходъ *). Но школа, къ сожалѣнію, существовала недолго: въ первыхъ же числахъ января она, по распоряженію покровскаго

*) „Голосъ", 1880 г., № 98.

уѣзднаго училищнаго совѣта, была закрыта. Распоряженіе это сильно озадачило мѣстныхъ жителей. Оказалось, что закрытіе школы мотивировано тѣмъ, что крестьяне отказали въ уплатѣ добавочнаго содержанія учителю, въ размѣрѣ 50-ти рублей. Вышло недоразумѣніе, которое печально отразилось на школѣ. Крестьяне потому только не уплатили денегъ, что были вполнѣ увѣрены въ томъ, что основатель и попечитель школы, г. Жаровъ, все уплатилъ и уплатитъ самъ, безъ всякой помощи съ чьей бы то ни было стороны. Но такъ какъ все это случилось въ отсутствіе г. Жарова, то понятно, что онъ не могъ помочь дѣлу. „Если г. Жаровъ,—писали по этому поводу въ *Русск. Вѣд.*,—затратилъ на школу до 3-хъ тысячъ рублей, если онъ постоянно помогалъ училищамъ, то неужели онъ позволилъ бы закрыть свою школу изъ-за 50-ти рублей? Училищный совѣтъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ необыкновенную поспѣшность, не увѣдомивъ даже о своемъ рѣшеніи и попечителя школы“ (*Русск. Вѣд.*, 1883 г., № 34).

Отсюда намъ будетъ понятно, почему раскольничьи школы, существовавшія въ прежнее время всюду, гдѣ только были старообрядцы, теперь начинаютъ исчезать, приходить въ упадокъ. Еще недавно сообщалось въ газетахъ, что старообрядческія школы, существовавшія въ селеніяхъ: Бѣлпвѣ, Мисцовѣ, Заполицахъ, Слободицахъ и Завольномъ, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, въ настоящее время совсѣмъ упали.

Между тѣмъ, польза, приносимая этими школами, не можетъ подлежать никакому со-

мнѣнію; имъ обязано населеніе Гуслицъ своею поголовною грамотностью. Отсутствіе вѣротерпимости и существованіе старыхъ, отжившихъ законовъ относительно раскола губительно отозвались на школахъ, все несчастіе и вина которыхъ состояла только въ томъ, что онѣ числились старообрядческими (*Русск. Вѣд.*, 1883 г., январь).

Подобное отношеніе къ просвѣтительнымъ стремленіямъ старообрядчества является тѣмъ болѣе необъяснимымъ, что извѣстные официальные отчеты по духовному вѣдомству изъ года въ годъ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, повторяютъ на тысячу ладовъ мысль о томъ, что „лучшее орудіе" въ борьбѣ съ сектантствомъ и „вѣрнѣйшее средство для искорененія раскола" есть образованіе народа.

Несмотря, однако, на всевозможныя неблагопріятныя условія, въ старообрядчествѣ крѣпко держится сознаніе о крайней, безотлагательной необходимости образованія. Въ собраніяхъ московскаго „старообрядческаго братства", отъ времени до времени, постоянно возбуждается вопросъ о необходимости старообрядческихъ школъ. Годъ тому назадъ, напримѣръ, членъ братства П. Я—въ „полагалъ обязанностію старообрядческаго общества просить правительство о дозволеніи старообрядцамъ имѣть собственныя школы, каковыми пользуются другіе иновѣрцы". Я—въ доказывалъ ненормальность такого порядка вещей, при которомъ старообрядцы вынуждены „производить обученіе своихъ дѣтей домашнимъ образомъ или же въ тайныхъ школахъ, такъ какъ имѣть открыто школы безъ надлежащаго дозволенія воспре-

щается вообще, о старообрядцахъ же и говорить нечего“.

Другой членъ братства, Д—въ, предложилъ открыть школу при Рогожскомъ кладбищѣ, по поводу чего и предполагается „хлопотать“. Вообще собраніе единогласно признало неотложную нужду въ школахъ и стѣсненіе въ этомъ отношеніи нашло несправедливымъ (*Русск. Вѣд.*, 1882 г., отъ 30 января).

V.

Типографіи.

Когда въ царствованіе Екатерины II послѣдовало разрѣшеніе открывать „вольныя типографіи“, старообрядцы не замедлили воспользоваться этимъ правомъ и устроили цѣлый рядъ типографій—въ Вильнѣ, Острожскѣ, Новгородсѣверскѣ, въ посадѣ Клинцахъ, Черниговской губерніи, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Въ этихъ типографіяхъ старообрядцы печатали точныя копіи съ богослужебныхъ книгъ, изданныхъ при патріархѣ Іосифѣ, и снабжали этими книгами старообрядческія молельни, раскиданныя по всему пространству земли русской. Но это продолжалось недолго.

Императоръ Павелъ, подъ вліяніемъ страха, навѣяннаго французскою революціею, какъ извѣстно, издалъ въ 1797 году указъ, запрещавшій „партикулярныя типографіи“, вслѣдствіе чего всѣ частныя, вольныя типографіи были немедленно и повсюду закрыты. Этой участи не избѣжали, конечно, и старообрядческія типографіи; всѣ онѣ были конфискованы. Несмотря, однако, на кратковременность своего существованія, онѣ успѣли издать значитель-

ное количество богослужебныхъ и иныхъ книгъ духовнаго содержанія, перепечатанныхъ съ древнѣйшихъ изданій.

Въ началѣ только что минувшаго столѣтія, по распоряженію правительства, клинцовская старообрядческая типографія была переведена въ Москву и передана въ вѣдѣніе московской Троицко-Введенской единовѣрческой церкви, что у Салтыкова (иначе Яузскаго) моста. Здѣсь типографія начала работать съ 1822 года. Печатались преимущественно богослужебныя книги дословно со старопечатныхъ и совершенно одинаковымъ съ ними шрифтомъ.

Сначала старообрядцы отнеслись весьма недовѣрчиво къ изданіямъ московской типографіи, „гнушались" ихъ и почти вовсе не покупали издаваемыхъ ею книгъ, подозрѣвая въ нихъ искаженіе стараго текста. Только вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ этому дѣлу со стороны лицъ, завѣдывавшихъ типографскимъ дѣломъ, убѣдило, наконецъ, старообрядцевъ въ безусловной вѣрности текста книгъ московскаго изданія съ книгами, тисненными при патріархѣ Іосифѣ. Тогда явился большой спросъ на книги, и онѣ вошли въ употребленіе во многихъ старообрядческихъ молитвенныхъ домахъ. Московскіе книгопродавцы отправляли ихъ цѣлыми транспортами (*Голосъ*, 1880 г., № 331).

Вслѣдствіе постояннаго спроса на старопечатныя книги, единовѣрческая типографія постепенно расширяла свою дѣятельность и, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ старообрядцевъ, произвольно возвышала цѣны на свои изданія. Старообрядцы по необходимости принуждены были мириться съ этимъ и платить

за книги вдвое противъ прежняго. Благодаря типографіи, единовѣрческая Введенская церковь скопила громадный капиталъ, часть котораго шла, между прочимъ, на разныя благотворительныя дѣла. Такъ, напримѣръ, попечитель церкви, И. И. Рыжковъ, устроилъ при церкви на доходы типографіи училище для бѣднѣйшихъ старообрядческихъ дѣтей и богадѣльню. Изъ тѣхъ же доходовъ почти ежегодно отдѣлялась значительная сумма на поддержаніе единовѣрческихъ церквей въ западномъ краѣ.

Непомѣрно дорогія цѣны, назначаемыя за книги единовѣрческою типографіею, заставили старообрядцевъ ходатайствовать о разрѣшеніи имъ открыть свои собственныя типографіи. Но всѣ ихъ хлопоты по этому поводу потерпѣли самое рѣшительное фіаско. Тогда они вынуждены были прибѣгнуть къ открытію тайныхъ, подпольныхъ типографій.

И вотъ мы видимъ, что какъ въ Москвѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ центрахъ старообрядчества заводятся тайныя типографіи и печатни, въ которыхъ изготовляются богослужебныя книги дониконовской редакціи. Многія изъ этихъ типографій были обнаружены полиціей и владѣльцы ихъ подверглись аресту и суду. Въ 1868 году, 21 октября, была открыта въ Москвѣ хорошо устроенная тайная старообрядческая типографія. Въ 1880 году московскій окружный судъ разсматривалъ дѣло о старообрядцѣ Овчинниковѣ, который также обвинялся въ устройствѣ тайной старообрядческой типографіи. Въ 1882 году *Русскимъ Вѣдомостямъ* сообщали изъ Балахны, Нижегородской губерніи, что въ деревнѣ Но-

вникахъ, Мысовской волости, въ домѣ старообрядца крестьянина Егора Михайлова была открыта тайная печатня раскольническихъ богослужебныхъ книгъ. Печатня Михайлова была замаскирована устройствомъ столярной и иконописной мастерской, и помѣщалась въ подвалѣ.

При всѣхъ этихъ арестахъ было несомнѣнно дознано, что ни въ одной изъ тайныхъ старообрядческихъ типографій „ничего вреднаго печатаемо не было“, и вся дѣятельность ихъ ограничивалась лишь дословною перепечаткою книгъ, изданныхъ при первыхъ пяти московскихъ патріархахъ. И они дѣлали это настолько аккуратно, что даже духовныя консисторіи не могли отличить книгъ, вышедшихъ изъ нелегальныхъ старообрядческихъ типографій, отъ изданныхъ въ прежнее время въ дозволенныхъ правительствомъ типографіяхъ.

Тѣмъ не менѣе, „раскольническія богослужебныя книги“ строго преслѣдовались; въ нашемъ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій до сихъ поръ находится такая статья: „запрещается печатать и продавать раскольническія богослужебныя книги; но дозволяется пріобрѣтать и продавать печатаемыя въ учрежденной особой типографіи въ Москвѣ богослужебныя книги, сходныя съ старопечатными“ (53 ст.).

Мѣстныя власти строго слѣдили за точнымъ исполненіемъ этого закона; однако, старообрядцы находили тысячу путей и средствъ такъ или иначе обойти эти стѣсненія. И вотъ мы видимъ, что Синодъ то и дѣло жалуется на недостатокъ надзора и энергіи со стороны по-

лиціи въ дѣлѣ преслѣдованія старообрядцевъ за распространяемыя ими книги.

Такъ, въ январѣ 1857 года Синодъ писалъ симбирскому преосвященному: „Уставомъ о пред. и прес. прест. запрещается печатать и продавать раскольничьи богослужебныя книги, а привозимыя изъ-за границы велѣно конфисковать и отсылать въ Св. Синодъ; надзоръ же за непечатаніемъ въ типографіяхъ книгъ и сочиненій, цензурою недозволенныхъ, равно за необращеніемъ ихъ въ продажѣ въ книжныхъ лавкахъ и т. п., возложенъ на полицію. Но, вопреки этому, происходитъ явная торговля на ярмаркахъ и въ лавкахъ раскольничьими иконами и книгами, а особенно на Нижегородской ярмаркѣ, куда пріѣзжаютъ раскольники—одни для продажи, а другіе для покупокъ, и все это, равно и распространеніе между ними рукописныхъ книгъ, происходитъ безъ всякаго преслѣдованія“ *).

Конечно, подобныя сѣтованія не проходили безслѣдно; послѣдствія ихъ обыкновенно сказывались на раскольникахъ самымъ ощутительнымъ образомъ.

*) «Собраніе постановленій по расколу, состоявшихся по вѣдомству Св. Синода». СПб., 1858 г.

VI.

Книжное дѣло въ расколѣ.

Въ 1874 году, въ городѣ Спмбирскѣ, во время ярмарки, полиція произвела обыски въ книжныхъ лавкахъ Вольшакова, старообрядца Перевощикова и Хотькова, при чемъ нашла нѣсколько богослужебныхъ книгъ старообрядческой печати. На этихъ книгахъ значилось указаніе, что онѣ отпечатаны въ типографіи Почаевской лавры, гдѣ въ прошломъ столѣтіи, дѣйствительно, печатались старообрядческія книги.

Симбирская духовная консисторія, куда препровождены были арестованныя книги на разсмотрѣніе, признала ихъ безусловно „раскольничьими“, несмотря на то, что большая часть конфискованныхъ книгъ принадлежала къ числу рѣдкихъ изданій старопечатной литературы, тисненныхъ во времена первыхъ пяти московскихъ патріарховъ. Съ отзывомъ духовной консисторіи согласилась и Почаевская лавра.

Всѣхъ книгъ полиціей арестовано было слишкомъ на 10,000 р. Предварительное слѣдствіе по этому дѣлу тянулось цѣлыя пять лѣтъ. Изъ обвиняемыхъ на судъ явились лишь Большаковъ и Хотьковъ; Перевощиковъ оказался умершимъ. На вопросъ предсѣдателя

суда о виновности подсудимые виновными себя не признали. Хотьковъ объяснилъ, что онъ торговалъ книгами по порученію Большакова и въ сущность книгъ вникалъ очень мало.

Подсудимый Большаковъ (членъ и соревнователь различныхъ историческихъ и археологическихъ обществъ, комиссіонеръ Императорской публичной библіотеки и Румянцевскаго музея) объяснилъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ никакого преступленія не видитъ: онъ торговалъ, какъ торгуетъ и теперь, книгами хотя и безцензурнаго изданія, но все-таки дозволенными, употребляющимися не только въ старообрядческихъ молельняхъ, но и въ единовѣрческихъ церквахъ.

„Дѣло это, — сказалъ далѣе обвиняемый, — возникло по жалобѣ московской единовѣрческой типографіи, которой предоставлена монополія по изданію богослужебныхъ старообрядческихъ книгъ“. Во время обыска и ареста полиція забирала все безъ разбора, и на протестъ подсудимаго, лишившагося въ этомъ случаѣ цѣлой половины своего достоянія, полицейскій чиновникъ Орловскій отвѣчалъ: „Въ консисторіи разберутъ!“

Затѣмъ обвиняемый Большаковъ представилъ въ свое оправданіе то, что въ конфискованныхъ у него книгахъ ничего вреднаго, противозаконнаго нѣтъ, что онѣ состоятъ изъ молитвъ и церковнаго чинослуженія: что полиція, по незнакомству съ дѣломъ, арестовала у него весьма цѣнные экземпляры древнихъ изданій, чѣмъ нанесла ему крупные убытки. Далѣе на вопросы предсѣдателя суда Большаковъ высказалъ, что отобранныя у него книги, дѣй-

ствительно, изданы безъ дозволенія цензуры; онѣ печатались въ разныхъ типографіяхъ и въ разное время, еще до существованія цензуры, возникшей лишь въ прошломъ, XVIII, столѣтіи; во многихъ книгахъ заглавные листы, за давностью времени, утрачены, почему трудно даже опредѣлить время ихъ выхода въ свѣтъ.

Спмбирская духовная консисторія, обозвавъ всѣ книги огуломъ „раскольническими“, впала, по словамъ подсудимаго, въ явную ошибку, такъ какъ въ числѣ конфискованныхъ книгъ было много такихъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ расколу, какъ, напримѣръ, „Уложеніе царя Алексѣя Михайловича“, изданное въ 1649 году, и другія, выпущенныя до цензурнаго времени.

Однако, несмотря на все это, прокуроръ поддержпвалъ обвиненіе и просилъ судъ примѣнить къ подсудимымъ 205-ю статью уложенія о наказаніяхъ, старопечатныя книги, не относящіяся до раскола, въ родѣ „Уложенія царя Алексѣя Михайловича“ и другія, возвратить подсудимымъ, а богослужебныя книги, употребляющіяся въ раскольническихъ молельняхъ, передать въ мѣстную консисторію.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія окружный судъ вынесъ слѣдующую резолюцію: виновныхъ въ распространеніи раскольническихъ богослужебныхъ книгъ — московскаго купца Большакова подвергнуть, на основаніи 205-й ст. улож. о наказ., денежному взысканію въ размѣрѣ 200 рублей, а въ случаѣ несостоятельности—тюремному заключенію на два мѣсяца; крестьянина Хотькова подвергнуть денежному взысканію въ 15 рублей или аресту на три дня.

Само собою понятно, что подсудимые никакъ не могли остаться довольны подобнымъ приговоромъ, и, главнымъ образомъ, потому, что судъ въ своемъ рѣшеніи совершенно игнорировалъ вопросъ о возвращеніи Большакову конфискованныхъ у него въ складѣ, вмѣстѣ съ мимо-раскольничьими книгами, другихъ весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій.

Большаковъ обжаловалъ приговоръ симбирскаго суда и перенесъ дѣло въ казанскую судебную палату. Но и палата ограничилась лишь примѣненіемъ къ Большакову наказанія за распространеніе, посредствомъ продажи, раскольническихъ книгъ; что же касается просьбы обвиняемаго возвратить ему неправильно конфискованныя у него изданія, то палата также не постановила точнаго опредѣленія по этому пункту.

Тогда Большаковъ обратился со всеподданнѣйшею просьбою къ государю императору. По Высочайшему повелѣнію, жалоба его передана была на разсмотрѣніе Св. Синода, которымъ опредѣлено: возвратить Большакову неправильно арестованныя у него книги; о чемъ и было предписано симбирской духовной консисторіи.

Не слѣдуетъ думать, что дѣло Большакова является исключительнымъ; напротивъ, подобнаго рода дѣла и по настоящее время то и дѣло возникаютъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Такъ, въ 1883 году газетами было передано слѣдующее извѣстіе изъ города Ростова, Ярославской губерніи: „На-дняхъ здѣшняя ярмарочная полиція произвела осмотръ книжной лавки П. В. Просвирина, изъ Иваново-Вознесенска, и нашла у него бого-

служебныя книги, напечатанныя въ тайныхъ старообрядческихъ типографіяхъ. Весь книжный товаръ у Просвирина конфискованъ“ (*Русскія Вѣдомости*, 1883 г., № 76).

Затѣмъ вскорѣ въ газетахъ появились слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія по поводу этого происшествія. Книгопродавецъ Просвиринъ ежегодно посѣщалъ Ростовскую ярмарку и торговалъ все однѣми и тѣми же книгами, исключительно духовнаго содержанія и преимущественно богослужебными — старопечатными и новѣйшаго тисненія. Въ нынѣшнемъ году, едва только Просвринъ разобрался съ своимъ книжнымъ товаромъ, къ нему немедленно нагрянула полиція и арестовала книги, которыя свезены были въ полицейское управленіе.

Соборный священникъ, приглашенный разсмотрѣть конфискованныя книги, по незнакомству съ старопечатными изданіями, изготовляющимися въ московской единовѣрческой типографіи, далъ заключеніе, что эти книги раскольническія. Тогда былъ составленъ актъ и дѣло передано судебному слѣдователю. Къ счастію Просвирина, прокурорскій надзоръ, усмотрѣвъ неосновательность привлеченія Просвирина къ слѣдствію, предписалъ дѣло прекратить. Однако, „конфискованныя книги препровождены въ ярославскую духовную консисторію, и Просвринъ лишенъ почти всего достоянія“ (*Русскія Вѣдомости*, 1883 г., № 81).

Нужно ли добавлять, что подобныя мѣры нимало не достигаютъ своей цѣли? Изъ слѣдующей главы мы увидимъ, какое широкое распространеніе получила въ народѣ такъ называемая „раскольническая литература“.

VII.

Раскольническая литература.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ антропологической выставки, бывшей въ Москвѣ въ 1879 году, былъ отдѣлъ поморскихъ старообрядческихъ народныхъ школъ. Здѣсь будетъ кстати привести описаніе этого отдѣла, сдѣланное въ свое время газетою *Голосъ*.

„Врядъ ли гдѣ-нибудь еще, кромѣ выставки, можно встрѣтить такое богатое собраніе старообрядческихъ рукописей поморскаго толка, распространеннаго среди раскольниковъ-безпоповцевъ, населяющихъ Архангельскую и Олонецкую губерніи. Между книгами, которыя, замѣтьте, всѣ рукописныя, есть вполнѣ замѣчательныя какъ по содержанію, такъ и по превосходному выполненію „заставицъ“, оригинальный рисунокъ которыхъ, своимъ изяществомъ и тонкостью отдѣлки, можетъ поспорить съ печатными книжными орнаментами нашего времени. Отчетливость письма-печати изумительна; она, случается, до того мелка, что ее можно сравнить съ самымъ мелкимъ петитомъ. Надо при этомъ имѣть въ виду, что поморскіе писатели—воспитанники своихъ на-

родныхъ (старообрядческихъ) школъ, и что все здѣсь собранное есть произведеніе конца XVII и XVIII вѣковъ.

„Поморская раскольничья литература представлена тутъ, между прочимъ, слѣдующими экземплярами *списка. Поморскіе отвѣты на вопросы монаха Пеофита*,—книга, какъ и многія другія, писанная Андреемъ Денисовымъ, портретъ котораго можно тутъ же встрѣтить въ числѣ поморянъ. Потомъ замѣчательны по миніатюрному письму: *Мечъ духовный*, *Поморскіе святцы*, съ біографіями многихъ святыхъ, о которыхъ не упоминается въ четьихъ миней и которые, слѣдовательно, признаются святыми только у поморянъ. Таковы, напримѣръ, Левкій на Рузѣ, память котораго празднуется 17 іюля, Варлаамъ Керецкій, Варнава Ветлужскій, Анна, кашинская княжна, и другіе,—всѣхъ до пятнадцати. Затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе: поморская *Риторика съ образцами краснорѣчія*, собраніе привѣтствій, поздравленій и проч.,—книга, составленная разными настоятелями поморскихъ обителей и писанная въ женскомъ монастырѣ въ Лексѣ. Тутъ же можно встрѣтить нѣсколько свитковъ, по 60 аршинъ длины въ каждомъ; въ этихъ рукописныхъ свиткахъ, большею частью, изображены различныя сказанія объ антихристѣ, о перстосложеніи и проч. Между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе и коллекція рисунковъ духовнаго содержанія, черченныхъ рукою поморскихъ мастеровъ, затѣмъ изображеніе поморскихъ скитовъ: Лексинскаго и Выгорѣцкаго. По нимъ легко ознакомиться съ планами и характеромъ построекъ XVII вѣка. Далѣе идетъ *Родословное дерево* зна-

менитаго у поморцевъ Андрея Денисова; дерево указываетъ, что этотъ краснорѣчивый проповѣдникъ и знаменитый поморскій толковникъ былъ потомокъ князей Мышецкихъ. Изъ портретовъ поморянъ очень недуренъ и весьма интересенъ акварельный портретъ Павла Любопытнаго“ (*Голосъ*, 1879 г., № 126).

Среди сельскаго населенія Владимирской губерніи, въ разныхъ уѣздахъ, можно встрѣтить цѣлую массу старообрядцевъ, держащихся различныхъ согласій и толковъ. „Особенно густо населены старообрядцы въ мѣстности, извѣстной подъ собирательнымъ именемъ „Патріаршины“, граничащей съ Богородскимъ уѣздомъ, Московской губерніи. Преобладающимъ здѣсь является безпоповщинское ученіе, распространенное еще съ давняго времени. Изъ всѣхъ старообрядческихъ согласій безпоповщинское (по увѣренію корреспондента *Порядка*) отличается наибольшею развитостью: наставники ихъ и руководители обладаютъ громадною начитанностью. Рукописная безпоповщинская литература заслуживаетъ особеннаго вниманія. Исключая вопросовъ о церковной іерархіи, отвергаемой безпоповцами, во всемъ остальномъ они держатся самыхъ здравыхъ христіанскихъ понятій и замѣтно прогрессируютъ“ (*Порядокъ*, 1881 г., № 220).

„Замѣчательнымъ явленіемъ въ здѣшней глуши,—писали изъ Покровскаго уѣзда, Владим. губ.,—служитъ рукописная раскольническая литература, которая процвѣтаетъ здѣсь издавна. Каждый безпоповщинскій начетчикъ и книжникъ непремѣнно что-нибудь напишетъ въ теченіе своей жизни. Въ настоящее время

по рукамъ старообрядцевъ ходитъ новѣйшее сочиненіе начетчика Зыкова (изъ деревни Кабановой) о разногласіяхъ между старообрядчествомъ и православною Церковію, написанное по поводу разглагольствія съ извѣстнымъ миссіонеромъ, о. Павломъ Прусскимъ" (*Русскій Курьеръ*, 1880 г., № 159).

Сочиненіе Зыкова, судя по другому сообщенію той же газеты, возбудило большіе толки среди мѣстнаго безпоповщинскаго населенія. „Вышедшій предъ этимъ большой рукописный томъ сочиненій того же Зыкова разошелся очень быстро, несмотря на дороговизну — 25 рублей за экземпляръ. Настоящій трудъ Зыкова, копированный во множествѣ экземпляровъ превосходнымъ, весьма отчетливымъ полууставомъ, объемомъ своимъ значительно менѣе перваго сочиненія. Зато это послѣднее сочиненіе отличается, по отзывамъ старообрядческихъ начетчиковъ, другими достоинствами, доказывающими громадную начитанность автора, тщательно, какъ видно изъ самой рукописи, изучившаго старообрядческую литературу".

„Я имѣлъ случай познакомиться, — писалъ два года назадъ корреспондентъ газеты *Порядокъ*, — съ сочиненіемъ здѣшняго старообрядческаго писателя П. П. Зыкова, который выпустилъ уже два обширные тома и готовитъ въ настоящее время третій. Нужно замѣтить, что рукописныя сочиненія Зыкова, имѣющія преимущественно полемическій характеръ, отличаются яснымъ, толковымъ изложеніемъ и доказываютъ обширную начитанность автора, писаніями котораго руководствуются и по-

учаются не только мѣстные старообрядцы, но и жители другихъ, дальнихъ мѣстностей“ (*Порядокъ*, 1881 г., № 220).

Умершій въ 1881 году московскій старообрядческій архіерей Антоній оставилъ послѣ себя обширную библіотеку, которая, согласно предсмертной волѣ покойнаго, была переведена изъ архіерейской резиденціи на Рогожское кладбище, гдѣ она должна быть открыта для всеобщаго пользованія старообрядцевъ. Книгохранилище Антонія, собранное имъ въ теченіе своего 30-лѣтняго архіерейства, состоитъ преимущественно изъ дорогихъ старопечатныхъ изданій, составляющихъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость; между ними есть не мало замѣчательныхъ древнихъ рукописей, для пріобрѣтенія которыхъ покойный не жалѣлъ никакихъ средствъ. Для изслѣдователей старопечатной церковной литературы книжное собраніе Антонія незамѣнимо (*Русскія Вѣдомости*, 1883 г., № 125). Попечители Рогожскаго кладбища, З. А. Зеленовъ и К. А. Царскій, согласно мысли, высказанной Т. С. Морозовымъ, предполагаютъ приспособить для библіотеки особое удобное помѣщеніе, сдѣлать книжное собраніе Антонія общедоступнымъ для всѣхъ старообрядцевъ, особенно для лицъ, занимающихся изысканіями въ старопечатной литературѣ.

Изъ города Боровска, Калужской губерніи, недавно сообщалось *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что „при тамошнемъ архіерейскомъ старообрядческомъ домѣ открыта небольшая библіотека, состоящая преимущественно изъ старопечатныхъ изданій и рукописей, равно какъ и нап-

болѣе важныхъ сочиненій, относящихся къ исторіи церкви. Старообрядческій епископъ Ѳеодосій весьма охотно даетъ объясненія посѣтителямъ, являющимся за книжными справками".

Послѣ смерти умершаго недавно старообрядческаго писателя, автора *Окружнаго Посланія*, И. Е. Ксенова, также осталась обширная библіотека, состоящая преимущественно изъ цѣнныхъ старопечатныхъ изданій и древнихъ рукописей. Библіотека эта въ настоящее время разобрана старообрядческимъ епископомъ Сильвестромъ стародубскимъ. Часть этихъ книгъ поступитъ въ пользу Предтеченскаго старообрядческаго монастыря, находящагося близъ Клинцовъ, гдѣ похороненъ покойный, а остальныя поступятъ въ продажу. Многіе изъ почитателей покойнаго прислали свои предложенія, желая пріобрѣсти оставшіеся экземпляры изъ его книжнаго собранія (*Русскія Вѣдомости*, 1883 г., № 99).

Кромѣ библіотеки, Ксеновъ оставилъ послѣ себя не мало разнаго рода сочиненій въ рукописяхъ. „Болѣе замѣчательныя произведенія автора *Окружнаго Посланія* старообрядцы желали бы видѣть въ печати, но, при настоящихъ цензурныхъ условіяхъ, желаніе это не можетъ быть удовлетворено, судя по тому, что даже портретъ покойнаго съ его факсимиле не разрѣшенъ къ выпуску" (*Русскій Курьеръ* 1883 г., № 14).

Такимъ образомъ, старообрядческая литература до сихъ поръ принуждена обходиться безъ помощи печатнаго станка, до сихъ поръ по необходимости принуждена довольствоваться

рукописью. Почти всѣ попытки старообрядцевъ провести тѣ или другія свои изданія въ печать терпѣли полную неудачу. Читатели, вѣроятно, еще не забыли, какъ два года тому назадъ цензурный комитетъ, согласно опредѣленію Св. Синода, запретилъ къ обращенію отпечатанную въ Москвѣ книгу В. М. К—скаго *Историческія изслѣдованія, служащія къ оправданію старообрядцевъ*.

Въ послѣднее время среди старообрядцевъ начали все чаще и чаще встрѣчаться разнаго рода литографированныя произведенія. Очевидно, раскольники успѣли обзавестись своими литографіями. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній превосходно изданы, на великолѣпной бумагѣ: таково, напримѣръ, сочиненіе: *Апологія христіанъ-старообрядцевъ или разсмотрѣніе и опроверженіе обвиненій, возводимыхъ на старообрядчество духовно-господствующею литературой*. Сочиненіе это, написанное, кстати сказать, прекраснымъ литературнымъ языкомъ, заключаетъ въ себѣ обстоятельную, безпощадную и мѣстами весьма рѣзкую критику извѣстной брошюры г. Н. Субботина *О сущности и значеніи раскола въ Россіи*. „Апологія“ эта принадлежитъ перу одного изъ самыхъ видныхъ и образованныхъ старообрядческихъ дѣятелей; она начинается словами: „Не пора ли и безправному старообрядчеству выступить со своею защитою отъ направленныхъ противъ него обвиненій?“

Что касается отношенія раскольниковъ къ свѣтской, „гражданской“ печати, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что предубѣжденіе, существовавшее у нихъ въ прежнее время къ литературѣ, какъ къ „новшеству“, нынѣ съ

каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезаетъ. По этому поводу одинъ изъ офиціальныхъ изслѣдователей экономическаго быта крестьянъ Покровскаго уѣзда, Владимир. губ., между прочимъ, пишетъ: „Многіе изъ раскольниковъ чутко слѣдятъ за событіями современной жизни, выписываютъ газеты, среди которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать, на ряду съ распространенными здѣсь *Русскими Вѣдомостями* и *Современными Извѣстіями*, и австріійскаго *Старообрядца*, и *Голосъ*, и *Страну*“ *).

*) „Промыслы Владимирской губ.“. Выпускъ IV. Москва, 1882 г. стр. 63.

VIII.

Газеты.

По нѣкоторымъ даннымъ слѣдуетъ думать, что мысль о необходимости имѣть свой собственный органъ печати давно уже живетъ въ передовой части русскаго старообрядчества. Профессоръ Н. Я. Аристовъ сообщаетъ по этому поводу весьма интересный эпизодъ изъ петербургской жизни своего друга Аѳанасія Прокопьевича Щапова, извѣстнаго изслѣдователя раскола.

Въ 1863 году, рижскіе купцы, „раскольники поморскаго согласія“, отправили въ Петербургъ одного уполномоченнаго изъ своей среды, чтобы хлопотать о признаніи гражданскихъ браковъ. Этотъ уполномоченный счелъ своимъ долгомъ посѣтить Щапова, который жилъ въ это время въ Петербургѣ. „Долго и задушевно бесѣдовали они между собою о положеніи русскихъ раскольниковъ“. Затѣмъ купецъ „завелъ рѣчь о газетѣ раскольничьей, которой имъ не позволяютъ издавать въ Россіи“; при этомъ онъ сообщилъ, что теперь старообрядцы рѣшили издавать свою газету за границей, и тутъ же предложилъ Щапову: „не желаетъ ли онъ быть ея редакторомъ“, за что обѣщалъ

ему „полное обезпеченіе“. Щаповъ отказался, п
дѣло съ газетою заглохло *).

(Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ австрій-
ской Буковинѣ, въ Коломыи, началъ выходить
Старообрядецъ, русская „газета церковно-научно-
нравственная и экономическая“.) Отвѣтствен-
нымъ редакторомъ состоитъ нѣкто Левъ Стад-
ничченко, а издателемъ и вмѣстѣ фактическимъ
редакторомъ – „инокъ Никола Чернышевъ“.
Газета выходитъ два раза въ мѣсяцъ — 1 и
15 числа. Подписная цѣна на полученіе га-
зеты, съ почтовою пересылкою на годъ въ
Австріи—4 гульдена, на полгода 2 гульдена и
50 крейцеровъ австрійской валюты; въ Рос-
сіи—5 рублей за годъ и 3 рубля за полгода.
Каждый нумеръ *Старообрядца* снабженъ эпигра-
фомъ: „Аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о
злѣ; аще ли добрѣ, что мя біеши?“ (Еванг.
отъ Іоанна).

Газета поставила себѣ цѣлью служить инте-
ресамъ русскаго старообрядчества, при чемъ
подробно выяснила свою программу въ двухъ
первыхъ нумерахъ, въ особой статьѣ, подъ
заглавіемъ: „Причины появленія сей газеты и
программа“. При этомъ редакція заявляла, что
она главнымъ образомъ ставитъ себѣ задачею
„защищать правоту своей религіи“ посред-
ствомъ „неоспоримыхъ историческихъ доказа-
тельствъ“ и ратовать о томъ, что „нѣсколько
милліоновъ старообрядцевъ не имѣютъ сво-
боды исповѣдывать свою религію въ ихъ оте-
чествѣ, Россіи“. (Не слѣдуетъ упускать изъ

*) „Аѳанасій Прокопьевичъ Щаповъ“, соч. проф. Н. Я. Аристова. СПб., 1883 г., стр. 104.

вида, что газета начала выходить задолго до закона 3 мая 1883 года.) На эти темы помѣщено въ газетѣ множество статей, представляющихъ огромный интересъ для всѣхъ, кого сколько-нибудь занимаетъ вопросъ о современномъ состояніи русскаго раскола.

Въ числѣ главныхъ цѣлей, которыя поставила себѣ редакція, видное мѣсто занимаетъ вопросъ объ образованіи старообрядчества. „Какъ не можетъ человѣкъ жить безъ хлѣба и воды, такъ не можно жить и безъ школъ общественныхъ, такихъ, въ которыхъ могъ бы научиться и сиротка, бѣдной вдовы сынокъ и дочка, не платя учителю ни гроша, божественному чтенію и писанію". Каждый разъ, какъ только касается газета вопроса о школахъ, она всегда называетъ ихъ „самыми полезнѣйшими, самыми необходимѣйшими для жизни человѣка заведеніями" и постоянно настаиваетъ на томъ, чтобы школы непремѣнно заводились „въ каждомъ старообрядческомъ обществѣ".

Кромѣ школъ, газета рекомендуетъ старообрядцамъ заводить „общественные банки", которые выдавали бы ссуды бѣднымъ людямъ за маленькіе проценты. Въ доказательство необходимости такихъ банковъ приводятся многочисленные факты экономической эксплуатаціи, которой подвергаются старообрядцы въ австрійскихъ странахъ со стороны евреевъ.

Другой вопросъ, занимающій редакцію, это— именно объединеніе всѣхъ разнообразныхъ развѣтвленій старообрядчества. „Такъ какъ старообрядцы,—говорится въ одной изъ передовыхъ статей, - раздѣлились на нѣсколько частей между собою, то мы будемъ предста-

влять имъ здѣсь это великое зло, вкоренившееся у нихъ. И будемъ совѣтовать, чтобы общими силами, по силѣ возможности, искоренять его, ибо оно—страшный грѣхъ предъ Богомъ и людьми". Въ другой разъ газета замѣчаетъ: „Въ настоящее время всѣ народы Европы группируются между собою въ общества большія или малыя для учрежденія какого-нибудь полезнаго заведенія, такъ какъ, говоритъ пословица: „одинъ въ полѣ не воинъ", —отчего они и счастливы и живутъ спокойно и богато". Пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, газета постоянно дѣлаетъ призывы о томъ, чтобы всѣмъ „старообрядцамъ, имѣющимъ архіерейство, безпоповцамъ, „тульскимъ" и прочимъ отдѣламъ соединиться въ одну вѣру, въ одну церковь и въ одно общество, такъ какъ намъ можно легко это сдѣлать, имѣя одни книги, одни обряды, одни причины, раздѣляющія насъ отъ господствующей въ Россіи Церкви".

Старообрядецъ, какъ видно, внимательно слѣдитъ за русской періодической печатью и отмѣчаетъ все, что появляется въ ней по вопросу о расколѣ. Относясь съ сочувствіемъ ко всякому правдивому, безпристрастному изслѣдованію, газета, въ то же время, вступаетъ въ горячую полемику съ тѣми изъ органовъ печати, которые, подобно, напримѣръ, *Московскимъ Вѣдомостямъ*, „высказываютъ и утверждаютъ всѣмъ очевидную ложь относительно того, что старообрядцы, будто бы, во всемъ свободны".

Въ старообрядческой газетѣ можно встрѣтить корреспонденціи изъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ Россіи, Австріи, Молдавіи и проч.

Въ первыхъ №№, напримѣръ, были помѣщены корреспонденціи: „съ Дона“, изъ Москвы, изъ Суздаля, изъ Ясс, изъ Богородскаго уѣзда, Московской губ., изъ Казани, изъ Галаца (Молдавіи), изъ Измаила, Бессарабской обл., „Изъ Уральскихъ хребтовъ“, изъ Тирасполь-скаго уѣзда, Херсонской губ., „изъ провинціи“, за подписью „крестьянинъ“, и проч.

Русская печать, въ огромномъ большинствѣ своихъ органовъ, отнеслась съ полнымъ сочувствіемъ къ своему новому и оригинальному собрату и по достоинству оцѣнила его значеніе. Вотъ, напримѣръ, что писалъ *Церковно-Общественный Вѣстникъ* по поводу первыхъ №№ *Старообрядца:* „Подобнаго рода изданіе составляетъ насущную потребность не только для самаго старообрядчества, но и для его пзслѣдователей и для органовъ администраціи церковной и гражданской и для общества. Для старообрядчества оно составляетъ центральный пунктъ, въ которомъ сосредоточиваются его міровоззрѣнія и защищаются его нравственные и матеріальные интересы, и, въ то же время, оно служитъ объединяющимъ факторомъ, приводящимъ къ единству все разнообразіе старообрядческой мысли и жизни... Для администраціи это — необходимый источникъ для узнанія истинныхъ потребностей старообрядчества, цѣлей, которыхъ оно домогается въ государственной и общественной средѣ, и средствъ, какими оно думаетъ достигнуть искомыхъ имъ цѣлей. Нужно, наконецъ, подобное изданіе и для общества: изъ него общество узнаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, какіе жизненные интересы преслѣдуютъ представи-

тели старообрядчества... Вотъ почему появленіе старообрядческой газеты не должно остаться незамѣченнымъ, и мы съ своей стороны встрѣчаемъ ее съ искреннимъ радушіемъ“ (*Церковно-Общественный Вѣстникъ*, 1879 г., № 15).

Какъ же отнеслись къ появленію газеты сами старообрядцы? Извѣстная, наименѣе развитая часть русскихъ старовѣровъ отнеслась довольно индифферентно къ этому предпріятію. „Молился бы лучше Богу“, писали эти люди иноку-издателю.

Но зато болѣе развитая и образованная часть старообрядчества съ большимъ сочувствіемъ встрѣтила новый печатный органъ. Такъ, изъ Покровскаго уѣзда (Владим. губ.) сообщали, что безпоповцы селеній Кабанова, Іопова, Зуева и др. весьма сочувственно отнеслись къ появленію раскольнической газеты *Старообрядецъ*, несмотря на то, что она издается лицомъ вовсе не ихняго согласія. Такъ какъ издатель этой газеты, г. Чернышевъ—человѣкъ вовсе безъ средствъ, то безпоповцами собрана была довольно значительная сумма и отослана въ Коломыю, въ Австріійской Галиціи, гдѣ выходитъ помянутое изданіе (*Русскія Вѣдомости*, 1880 г., № 140).

Этотъ фактъ подтверждалъ также и корреспондентъ *Русскаго Курьера* изъ Покровскаго уѣзда. „Здѣшніе старообрядцы,– писалъ онъ,– весьма сочувственно отнеслись къ появленію раскольнической газеты *Старообрядецъ*, которая получается здѣсь многими изъ безпоповцевъ. Въ недавнее время между старообрядцами состоялась даже подписка въ пользу издателя помянутой газеты, и собранная сумма отослана

по принадлежности“ (*Русскій Курьеръ*, 1880 г., № 159).

Въ самомъ *Старообрядцѣ* было помѣщено много писемъ и заявленій отъ раскольниковъ, которые выражали свое сочувствіе дѣятельности издателя газеты и изъявляли готовность оказать ему полное содѣйствіе. Приводимъ здѣсь маленькое извлеченіе изъ одного подобнаго письма, полученнаго г. Чернышевымъ изъ Херсонской губерніи: „Честнѣйшій въ иноцехъ, отецъ Никола! Первымъ долгомъ чувствительнѣйше имѣю честь поздравить васъ на поприщѣ богодухновенной, для всѣхъ старообрядцевъ утѣшительной газеты, которой начало и основаніе положилъ самъ Параклитъ святый. Она — защита и утѣшеніе русскаго народа, безвинно угнетеннаго и безмолвно молчащаго и понынѣ многотерпѣливо переносящаго несчастную свою долю, — всѣ невзгоды, обиды, насмѣшки, клеветы и порицаніе „раскольникъ“, нами не заслуженное. Дерзай, великій народолюбче! не унывай, мы всѣ готовы помогать, только скажи въ чемъ, мы не пожалѣемъ тлѣнныхъ денегъ, только не оставляй своего неоцѣненнаго для насъ труда“ и т. д.

Въ заключеніе приведемъ написанные русскимъ старообрядцемъ къ издателю газеты и помѣщенные въ одномъ изъ № *Старообрядца* стихи, въ которыхъ также выражается сочувствіе направленію газеты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлается призывъ ко всѣмъ старообрядцамъ, чтобы они оставили, наконецъ, свой „постыдный разладъ“ и сомкнулись бы въ одну дружную, сплоченную семью.

„Богъ въ помощь Вамъ, благодѣтелю нашъ,
Труды Ваши сіи вельми пользуютъ насъ.
Звукъ Вашего голоса извнѣ
Поставляетъ и насъ со всѣми наравнѣ.
Первый тамъ раздался онъ,
Страждущихъ защищаетъ онъ.
Радостно на душѣ стало,
Что такое времечко настало.
Вамъ сила Вышняго вдохнула благодать
Къ оборонѣ своего народа стать.
Кто жъ поднять былъ долженъ примиренья и свободы гласъ,
Какъ не старшій братъ у насъ?
. . . . . .
Поспѣшимте, братья старообрядцы,—
Вѣдь между собою мы всѣ братцы,—
Сбросить постыдный нашъ разладъ,
Чему изъ насъ, сдается, каждый будетъ радъ.
. . . . . .
Стыдно, стыдно, братцы, цѣль имѣть одну,
А расходиться въ разныя стороны по одиному.
Совокупно и въ совѣтѣ нужно быть,
Если хочемъ нашу цѣль осуществить!“

IX.

„Братства“.

Настоящій очеркъ былъ бы не полонъ, если бъ мы ничего не сказали о тѣхъ кружкахъ или „братствахъ“, которыя возникаютъ въ послѣднее время въ средѣ старообрядцевъ и которые ставятъ себѣ цѣлью обсужденіе и выясненіе не только священнаго писанія, но и всякаго рода вопросовъ, относящихся до церкви, религіи и общественнаго положенія старообрядцевъ. Подобное „братство“, лѣтъ 6 тому назадъ, возникло, между прочимъ, въ Москвѣ, подъ руководствомъ старообрядческаго священника Прокопія Лапшина.

Чаще всего въ собраніяхъ этого „братства“ идутъ разсужденія и даже читаются цѣлые *рефераты* о различныхъ нуждахъ современнаго старообрядчества или же обсуждаются вопросы, касающіеся исторіи раскола, толкуется объ изданіи тѣхъ или другихъ матеріаловъ, относящихся до исторіи старовѣрія, разбираются выходящія вновь книги по расколу и т. д. Наконецъ, на этихъ собраніяхъ все чаще и чаще начинаютъ раздаваться рѣчи о необходимости „возрожденія старообрядчества и нравственнаго обновленія его“.

На одномъ изъ подобныхъ собраній московскихъ старообрядческихъ дѣятелей, недавно, разсуждали, между прочимъ, относительно обнародованія манускриптовъ Павла Великодворскаго, оставшихся послѣ учрежденія австрійско-бѣлокриницкой митрополіи и находящихся въ настоящее время въ рукахъ одного изъ членовъ „братства“. Присутствовавшій въ собраніи старообрядецъ Д—въ высказалъ, что нѣкоторые изъ миссіонеровъ господствующей Церкви настоятельно требуютъ рукописи Великодворскаго для напечатанія въ видахъ разъясненія истины. Но удовлетворить это требованіе, по мнѣнію Д—ва, никакъ невозможно, по той причинѣ, что все то, что говорится въ нихъ въ пользу старообрядческой іерархіи, будетъ искажено.

Другой изъ членовъ собранія, А—нъ, высказалъ, что „всѣ важнѣйшіе документы, хранившіеся въ архивѣ бѣлокриницкой митрополіи, и такъ уже похищены; при помощи ихъ изданы цѣлые томы и безчисленное множество брошюръ, направленныхъ противъ старообрядчества, но *правдиваго во всѣхъ этихъ изданіяхъ очень мало*. Поэтому, по мнѣнію А—на, предоставлять въ распоряженіе тѣснителей старообрядчества послѣднія важнѣйшія рукописи было бы крайне опрометчиво. „Когда поослабнутъ, со временемъ, цензурныя стѣсненія, -сказалъ въ заключеніе А—нъ,—мы и сами постараемся ознакомить съ ними всѣхъ интересующихся“ (*Русск. Вѣдом.*).

Въ другой разъ въ засѣданіи „братства“ представлена была собранію только что вышедшая тогда книга извѣстнаго богослова Т. И. Филиппова: *Современные церковные вопросы*,

при чемъ были прочитаны изъ нея наиболѣе выдающіяся мѣста о несправедливомъ отношеніи господствующей Церкви къ старообрядчеству. Собраніе признало полезнымъ рекомендовать трудъ г. Филиппова провинціальнымъ старообрядческимъ дѣятелямъ. Въ тотъ же разъ собраніе постановило: собрать всѣ матеріалы, относящіеся къ исторіи старообрядческой іерархіи, и поручить разработку ихъ старообрядческимъ писателямъ.

Но особенный интересъ представляетъ отчетъ о засѣданіи „братства“, происходившемъ 13 декабря 1881 года. Впачалѣ членъ „братства“ П. Я—въ прочелъ свой рефератъ „о гоненіяхъ на старообрядцевъ въ царствованіе Петра I и Николая I“. Заимствовавъ изъ обнародованныхъ архивныхъ матеріаловъ прискорбные факты различныхъ стѣсненій, которымъ подвергались старообрядцы, Я—въ сгруппировалъ собранныя имъ печальныя страницы исторіи русскаго старообрядчества въ небольшомъ сжатомъ очеркѣ. Нѣкоторые изъ фактовъ, приведенныхъ въ рефератѣ, казались даже невѣроятными, и трудно было бы вѣрить, если бъ не имѣлись на это неоспоримыя доказательства.

Въ заключеніе Я—въ, указавъ на обширную коллекцію представленныхъ имъ въ собраніе такъ называемыхъ „противораскольническихъ сочиненій“, которыми такъ богата наша духовная литература, — старался доказать, что „этими имѣнно пристрастными писаніями, наложенными далеко не въ христіанскомъ духѣ, а въ духѣ злобы и ненависти къ старообрядчеству, и распространенъ расколъ на Руси“.

Другой членъ „братства“ П. А—нъ говорилъ по вопросу о возвращеніи въ Россію заграничныхъ старообрядцевъ. Стѣсненія, направленныя противъ старообрядцевъ, привели къ тому, что многіе изъ ревнителей старины вынуждены были оставить родную землю и переселиться въ басурманскія государства, гдѣ нашли нѣкоторое покровительство. „Для насъ утѣшительно то, по крайней мѣрѣ,—сказалъ, между прочимъ, А—нъ,—что наши братья и за предѣлами земли русской не утратили ни языка, ни обычаевъ, ни вообще русской самобытности“. Затѣмъ А—нъ прочелъ въ собраніи нѣсколько писемъ заграничныхъ старообрядцевъ, въ которыхъ ясно высказывается ихъ стремленіе на родину, тоска по родной землѣ. По словамъ А—на, „если бъ не было препятствій относительно религіозной свободы, то эмигранты-старообрядцы давно бы оставили чужбину и вернулись бы домой“.

Заявленіе это вполнѣ подтвердилъ другой членъ братства, П—въ, который, между прочимъ, сообщилъ, что единичныя переселенія старообрядцевъ изъ-за границы въ Россію стали повторяться съ 60-хъ годовъ, какъ только у насъ начала обнаруживаться нѣкоторая вѣротерпимость по отношенію къ расколу. „Правительство,—сказалъ П—въ,—однимъ словомъ могло бы вернуть эмигрантовъ на родину, обезпечивъ лишь имъ, а вмѣстѣ съ ними и намъ, свободное отправленіе богослуженія и уравненіе нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ“.

Затѣмъ въ собраніи выступилъ съ рѣчью г. Д—въ, указавшій на то, что, „въ видахъ возрожденія старообрядчества и нравственнаго

обновленія“, архіерейскія старообрядческія каѳедры слѣдуетъ замѣщать наболѣе просвѣщенными іерархами, которые бы являлись всюду представителями старообрядчества, христіанскими пастырями въ полномъ смыслѣ слова, которые бы въ извѣстныхъ случаяхъ ходатайствовали за старообрядцевъ, защищали ихъ отъ полицейскихъ стѣсненій. „Пусть они будутъ достойными представителями 15-милліоннаго старообрядческаго міра, — сказалъ Д—въ,—а съ безграмотными пастырями мы далеко не уйдемъ“.

Въ концѣ засѣданія членъ „братства“ Е—въ обратилъ вниманіе собранія на переписку съ провинціальными старообрядческими дѣятелями, находя обмѣнъ мыслей и взглядовъ вообще полезнымъ, особенно въ виду разрозненности, господствующей среди старообрядцевъ. При этомъ были прочтены представленные Е—вымъ собранію письма старообрядческихъ начетчиковъ изъ Казани, Оренбурга, Саратова, Кіева, Клинцовъ и другихъ мѣстъ (*Русскія Вѣдомости*, 1881 г., декабрь).

Въ заключеніе замѣтимъ, что кружки, сходные съ только что описаннымъ „братствомъ“, кромѣ Москвы, можно встрѣтить въ Казани, Хвалынскѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Въ Казани, при одномъ изъ такихъ кружковъ, существуетъ даже весьма порядочная библіотечка, постоянно пополняющаяся всѣми изданіями и статьями, которыя имѣютъ хотя отдаленную связь съ вопросомъ о расколѣ.

Да не подумаетъ читатель, что подборомъ фактовъ въ извѣстномъ направленіи мы же-

лаемъ, во что бы то ни стало, „разрисовать“ старообрядчество, представить его исключительно прогрессивнымъ элементомъ въ русской народно-общественной средѣ. Совсѣмъ нѣтъ: мы далеки отъ подобнаго желанія, ибо прекрасно сознаемъ, что если средній раскольникъ дѣйствительно нѣсколько выше по развитію средняго мужика православнаго, то все-таки эта „высота“ составляетъ еще черезчуръ ничтожную ступеньку въ лѣстницѣ общечеловѣческаго развитія, чтобы можно было, основываясь на ней, выставлять старообрядчество какимъ-то свѣточемъ прогресса и образованія. Мы хотѣли лишь обратить вниманіе на тѣ запросы и проявленія умственной жизни въ расколѣ, которые въ послѣднее время, несомнѣнно, сказываются въ немъ все сильнѣе, опредѣленнѣе, настойчивѣе и которые поэтому настоятельно нуждаются въ скорѣйшемъ, по возможности, удовлетвореніи.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ сдѣлано было нѣсколько попытокъ, клонившихся къ облегченію тяжелаго положенія русскаго старообрядчества. Въ числѣ этихъ попытокъ первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, закону 3 мая 1883 года, „даровавшему раскольникамъ нѣкоторыя права гражданскія и по отправленію духовныхъ требъ“. Но, къ сожалѣнію, и этотъ законъ проходитъ совершеннымъ молчаніемъ вопросъ объ удовлетвореніи давно и вполнѣ назрѣвшихъ потребностей умственной жизни раскола.

Старообрядческіе архіереи въ суздальской крѣпости.

Старообрядческіе архіереи въ суздальской крѣпости.

Очеркъ изъ исторіи раскола по архивнымъ даннымъ.

I.

„Мнимодуховныя лица".

21-го октября 1854 года въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь, находящійся въ городѣ Суздалѣ, Владимірской губерніи, два жандарма привезли изъ Москвы секретнаго арестанта вмѣстѣ съ письмомъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, графа А. А. Закревскаго, на имя настоятеля монастыря, архимандрита Іоакима.

Въ письмѣ этомъ графъ Закревскій писалъ: „Государь императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: взятыхъ въ турецкихъ владѣніяхъ и содержимыхъ теперь въ Москвѣ мнимодуховныхъ раскольническихъ лицъ — лжеархіепископа Аркадія и лжеепископа Аллиніи заключить въ монастырь подъ строжайшій надзоръ, съ прекращеніемъ средствъ сообщаться съ раскольниками и вообще съ посторонними людьми, а г. оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, генералъ-адъютантъ графъ Протасовъ, сообщилъ г. министру внутреннихъ дѣлъ, что во исполненіе Высочайшей воли Святѣйшій

Синодъ постановилъ заключить ихъ въ суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь, впредь до возможности помѣстить ихъ въ разные монастыри; при чемъ вмѣнено преосвященному владимирскому въ обязанность, чтобы означенные люди, по доставленіи ихъ гражданскимъ начальствомъ, были приняты въ арестантское отдѣленіе помянутаго монастыря и помѣщены каждый въ отдѣльную келлію подъ строжайшій надзоръ епархіальнаго и монастырскаго начальствъ, съ прекращеніемъ имъ возможности имѣть какія-либо сношенія какъ между собою, такъ и съ посторонними лицами.

„Во исполненіе таковой Высочайшей воли имѣю честь препроводить къ вашему высокопреподобію, подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, лжеархіепископа Аркадія, присовокупляя, что лжеепископъ Аѳиній будетъ отправленъ вслѣдъ за симъ черезъ сутки.

„При семъ прилагаются принадлежащіе означеннымъ раскольническимъ лицамъ 65 полуимперіаловъ, одинъ рубль 95 копеекъ серебр. и червонцевъ: австрійскихъ 50 и турецкихъ 20, въ полученіи коихъ не оставьте меня, ваше высокопреподобіе, увѣдомить, съ выдачею жандарму квитанціи въ исправномъ доставленіи арестанта“.

Кромѣ того, къ письму графа Закревскаго былъ приложенъ „списокъ вещей, принадлежащихъ помянутому Аркадію“.

По заведенному въ монастырѣ порядку, архимандритъ тотчасъ же по прибытіи арестанта приказываетъ составить подробную опись вещамъ и деньгамъ, которыя окажутся при немъ, затѣмъ всѣ найденныя деньги и

большую часть вещей оставляетъ у себя, а арестанту выдастъ лишь необходимое количество бѣлья и платья. Опись эту даютъ подписать владѣльцу-узнику, послѣ чего онъ немедленно же отводится въ арестантское отдѣленіе монастыря, или крѣпость, и тамъ запирается въ одиночную камеру, или „келлію". Жандармамъ, которые привезли арестанта, выдается архимандритомъ особая квитанція въ исправномъ полученіи отъ нихъ арестанта.

Судя по описи, имущество архіепископа Аркадія состояло изъ нѣсколькихъ узловъ и „кожанаго коробка" съ платьемъ, бѣльемъ и разными вещами. Полагаемъ, что здѣсь будетъ небезынтересно перечислить его гардеробъ и другого рода имущество, оказавшееся у него при заключеніи его въ монастырь, такъ какъ все это до извѣстной степени характеризуетъ, конечно, его потребности, привычки, а отчасти даже и степень его интеллектуальнаго развитія.

Въ узлахъ архіепископа Аркадія оказались слѣдующія вещи: шерстяное синее одѣяло, полукафтанье чернаго сукна на овчинномъ мѣху, полукафтанье синяго сукна на ватѣ и китайчатой синей подкладкѣ, старая, синяя китайчатая рубаха, кожаная подушка, двѣ плисовыя съ бараньимъ околышемъ шапки на ватѣ, черное холстинное полотенце, мѣшокъ синяго холста, деревянная чашка съ крышкою, бутыль синяго стекла.

Въ кожаномъ коробкѣ находились: черное шерстяное полукафтанье на бумажной подкладкѣ, черная шерстяная шелеринка, такая же атласная, китайчатая синяя рубаха, китайча-

тыя синія шаровары, два бумажныхъ клѣтчатыхъ носовыхъ платка, холстинная ночная занавѣска, хрустальная кружка, костяной гребень, складной образокъ, кожаныя четки, двѣ славянскія книги, священническая камышевая трость и квитанція кіевскаго комитета на имя архіепископа Аркадія въ принятіи отъ него 70 полуимперіаловъ.

Въ концѣ описи значилось: „сверхъ сего, отобрано отъ того неизвѣстнаго 12 золотыхъ россійскихъ полуимперіаловъ, одинъ червонецъ въ 3 рубля серебр., 1 рубль 20 копеекъ серебр., карманные золотые часы безъ цѣпочки, четки, ремень, подушечка, шейный простой платокъ, два кошелька". Кромѣ того, былъ еще одинъ узелъ, состоявшій изъ мѣшка, „запечатаннаго двумя казенными печатями, съ неизвѣстными вещами".

На другой день, рано утромъ, или, вѣрнѣе говоря, въ ночь на 22-е октября, привезенъ былъ въ монастырь епископъ Аѳимій при письмѣ графа Закревскаго отъ 20-го октября. „Въ дополненіе къ отношенію отъ 19-го октября, — писалъ генералъ-губернаторъ, — препровождаю при семъ къ вашему высокопреподобію подъ конвоемъ двухъ жандармовъ лжеепископа Аѳимія, съ принадлежащими ему поименованными въ прилагаемой у сего описи вещами и деньгами". Далѣе онъ напоминалъ о порядкѣ содержанія въ монастырѣ Аѳимія и просилъ выдать жандарму, сопровождавшему лжеепископа, установленную квитанцію въ исправномъ доставленіи арестанта.

Разумѣется, архимандритъ не замедлилъ выдать требовавшуюся отъ него квитанцію.

которую мы и воспроизводимъ здѣсь цѣликомъ, такъ какъ она не лишена извѣстной характерности:

„Квитанція.

„При секретномъ отношеніи его сіятельства г. московскаго военнаго генералъ-губернатора, графа Закревскаго, отъ 20-го октября сего 1854 года за № 00, доставленъ во ввѣренный управленію моему суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь къ содержанію въ крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи взятый въ турецкихъ владѣніяхъ арестантъ, раскольникъ епископъ Алимпій, отъ сопровождавшаго его московскаго жандармскаго дивизіона унтеръ-офицера Савостина въ три часа утра 22-го октября сего года мною принятъ, въ чемъ ему, унтеръ-офицеру Савостину, за подписомъ моимъ, съ приложеніемъ монастырской казенной печати, и дана сія квитанція. 22-го октября 1854 г. № 213“.

Независимо отъ этой квитанціи архимандритъ, немедленно по прибытіи арестанта въ монастырь, доноситъ объ этомъ генералъ-губернатору, приславшему арестанта, а также своему непосредственному начальнику, владимирскому епархіальному архіерею, и, наконецъ, сообщаетъ объ этомъ, конечно „секретно“, начальнику суздальской инвалидной команды, съ просьбою „повелѣть военному карауду имѣть за арестантомъ особый, строжайшій надзоръ“.

Чтобы познакомить читателей, въ чемъ состояло имущество старообрядческаго епископа Алимпія, которое онъ привезъ съ собою въ монастырь, мы приведемъ здѣсь „опись вещамъ,

принадлежащимъ арестанту подъ № 2-мъ". Вотъ она: „Три образа въ мѣдныхъ окладахъ, крестъ кипарисный, на шнуркѣ, съ ладонкой, лѣстовокъ кожаныхъ 2, псалтырь, книга „Апологія", картузъ суконный, шапка плисовая, теплая, съ чернымъ курпячетымъ околышемъ, ермолка плисовая, черная, въ родѣ полерпокъ, шерстяныхъ, черныхъ, съ мѣдной у каждой пуговицей—2, платковъ клѣтчатыхъ холстинковыхъ—2, ситцевыхъ—2, полотенецъ холщевыхъ—2, рубахъ синихъ китайчатыхъ—2, порты холщевыя—1, исподницъ бѣлыхъ бумажныхъ—2, тулупъ, крытый нанкой—1, кафтанъ суконный синій, на синей нанковой подкладкѣ, съ 5-ю мѣдными пуговицами, кафтанъ суконный сѣрый, халатъ синій китайчатый, очки въ футлярѣ, бѣлый костяной гребень, наперстокъ, замокъ, набалдашникъ бѣлый костяной отъ трости, коверъ, подушка, ремень кожаный, кошель, плетеный изъ лыкъ".

Подъ этой описью находится собственноручная расписка Алимпія такого содержанія: „Означенныя вещи все исполна получилъ епископъ Алимпій". Расписка эта написана очень крупнымъ почеркомъ, обличающимъ непривычку писавшаго владѣть перомъ.

Вслѣдъ за Алимпіемъ былъ привезенъ въ монастырь третій секретный арестантъ, старообрядческій священникъ Ѳедоръ Семеновъ.

Спустя два-три дня послѣ того, какъ старообрядческіе архіереи были привезены въ монастырь, архимандритъ Амвросій *) получилъ

*) Въ отношеніи графа Закревскаго архимандритъ, вѣроятно, по ошибкѣ названъ Іоакимомъ.

отъ епископа владимірскаго, Іустина, подробную инструкцію относительно содержанія въ монастырѣ „мнимодуховныхъ лицъ“. „По Высочайшему повелѣнію,— писалъ епископъ, –указомъ Святѣйшаго Синода предписано мнѣ взятыхъ въ турецкихъ владѣніяхъ лжеархіепископа Аркадія, лжеепископа Алимпія и лжесвященника Ѳеодора Семенова заключить въ суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь, почему на основаніи означеннаго указа предписываю вамъ:

„1. По доставленіи вамъ черезъ гражданское правительство означенныхъ лицъ, заключить ихъ при арестантскомъ отдѣленіи въ особыя для каждаго комнаты и о времени доставленія ихъ къ вамъ и заключенія донести мнѣ.

„2. Имѣть за ними строжайшій надзоръ, съ прекращеніемъ имъ всякой возможности сношенія между собою и съ раскольниками и вообще съ кѣмъ-либо изъ постороннихъ лицъ, и съ принятіемъ со стороны вашей всѣхъ мѣръ духовнаго вразумленія къ разсѣянію ихъ заблужденій и къ склоненію ихъ къ открытію всего имъ извѣстнаго касательно заграничныхъ лжекаѳедръ и сношеній съ нашими раскольниками.

„3. О послѣдствіяхъ вашего вразумленія и надзора доносить мнѣ по прошествіи каждаго мѣсяца или ранѣе, какъ скоро представится въ томъ надобность.

„4. Именъ ихъ и мнимыхъ званій никому не объявлять, а называть ихъ и писать въ бумагахъ просто арестантами подъ №№ 1, 2 и 3, по порядку, въ какомъ они написаны въ указѣ Святѣйшаго Синода, именно: Аркадія–

подъ № 1, Алимпій подъ № 2-мъ и Семенова—подъ № 3-мъ".

При этой инструкціи епископъ Іустинъ счелъ нужнымъ приложить копію съ указа Святѣйшаго Синода отъ 13-го октября 1854 года, относительно заключенія въ суздальскую монастырскую тюрьму Аркадія, Алимпія и Семенова. Въ виду того, что указъ этотъ имѣетъ несомнѣнный историческій интересъ и значеніе, мы приводимъ его здѣсь почти безъ всякихъ измѣненій. Вверху указа стоятъ подчеркнутыя слова: „особенно секретно".

„Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали два предложенія г. оберъ-прокурора, графа Николая Алексѣевича Протасова, изъ коихъ, при первомъ, онъ предлагаетъ списокъ съ отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ слѣдующаго содержанія: „По Высочайшему его императорскаго величества повелѣнію доставлены въ Москву взятые въ турецкихъ владѣніяхъ мнимодуховныя лица: лжеархіепископъ Аркадій, лжеепископъ Алимпій и лжесвященникъ Ѳедоръ Семеновъ. При снятіи допросовъ они показали о себѣ:

„1) Аркадій, что онъ родомъ изъ села Куничнаго, Бессарабской области, въ молодости ушелъ за границу, жилъ въ разныхъ раскольническихъ поселеніяхъ за Прутомъ и Дунаемъ: греческимъ митрополитомъ Амвросіемъ въ раскольническомъ Бѣлокриницкомъ монастырѣ рукоположенъ въ епископа села Славы, что близъ Бабигада.

„2) Алимпій, родомъ калужскій мѣщанинъ, долго проживалъ въ бывшемъ раскольническомъ Лаврентьевомъ монастырѣ, Могилевской

губерніи, потомъ ушелъ за границу, въ Молдавію, и, наконецъ, за Дунай, гдѣ епископъ Аркадій посвятилъ его прежде во священника, а послѣ, вмѣстѣ съ прибывшимъ изъ Буковины епископомъ Онуфріемъ, во епископа города Тульчи.

„3) Ѳедоръ Семеновъ — потомокъ перешедшихъ въ давнемъ времени въ Молдавію раскольниковъ, родился въ селеніи Ворщъ, близъ Браилова; въ священника рукоположенъ Алимпіемъ.

„Нынѣ государь императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: снестись съ вашимъ сіятельствомъ (съ графомъ Протасовымъ) о заключеніи Аркадія, Алимпія и Ѳедора Семенова въ разные монастыри подъ строжайшій надзоръ епархіальнаго и монастырскаго начальства, съ прекращеніемъ всякихъ средствъ къ сношенію ихъ съ раскольниками и съ тѣмъ, чтобы преосвященные и начальники монастырей приняли всѣ мѣры духовнаго вразумленія къ разсѣянію ихъ заблужденій и склоняли бы ихъ къ открытію всего имъ извѣстнаго касательно заграничныхъ лжекаѳедръ и сношеній съ нашими раскольниками. Сообщая о семъ вашему сіятельству, обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою почтить меня увѣдомленіемъ, въ какіе монастыри должны быть доставлены во исполненіе вышеизложенной Высочайшей воли означенные люди".

„При второмъ же предложеніи препровождаетъ онъ, г. оберъ-прокуроръ, секретную и конфиденціальную переписку его съ господиномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, изъ которой видно, что г. министръ, по изъясненнымъ въ оной причинамъ, не находитъ препятствія

къ помѣщенію означенныхъ лицъ въ суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь, впредь до возможности помѣстить ихъ въ разные монастыри. Приказали: во исполненіе вышеизложеннаго Высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія и въ соотвѣтствіе отзыву, полученному нынѣ отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, взятыхъ въ турецкихъ владѣніяхъ мнимодуховныхъ раскольническихъ лицъ: лжеархіепископа Аркадія, лжеепископа Алимпія и лжесвященника Ѳедора Семенова, заключить впредь до усмотрѣнія въ суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь, поручивъ вашему преосвященству (то-есть владимирскому архіерею) сдѣлать непосредственно отъ себя зависящее распоряженіе, чтобы лица сіи, по доставленіи ихъ гражданскимъ начальствомъ, были приняты въ арестантское отдѣленіе упомянутаго монастыря и помѣщены каждый въ отдѣльную келью подъ строжайшій надзоръ"... Далѣе излагались условія содержанія арестантовъ въ тюрьмѣ, о воспрещеніи имъ всякихъ сношеній какъ между собою, такъ и съ посторонними лицами и проч.

II.

Архіепископъ Аркадій и епископъ Алимпій.

Читалъ и перечитывалъ архимандритъ отношеніе графа Закревскаго, при которомъ былъ присланъ въ монастырь лжеархіепископъ Аркадій, но того, что его особенно сильно интересовало, онъ не находилъ. Въ „отношеніи“ ничего не было сказано: какъ и на какія средства содержать „лжеархіепископа“, чѣмъ его продовольствовать. Архимандритъ входитъ съ представленіемъ по этому поводу къ владимирскому губернатору, при чемъ сообщаетъ о полученномъ имъ отношеніи графа Закревскаго, о присылкѣ и заключеніи въ крѣпость арестанта лжеархіепископа Аркадія, „но, продолжаетъ о. архимандритъ, — на какомъ коштѣ онаго лжеархіепископа Аркадія содержать, въ отношеніи его сіятельства ничего не упомянуто“. Въ виду этого, „донося о семъ“, онъ проситъ губернатора войти въ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ объ ассигнованіи средствъ на содержаніе въ монастырской тюрьмѣ Аркадія. Съ тѣмъ же самымъ ходатайствомъ обратился онъ и къ владимирскому преосвященному, который, въ свою очередь, отнесся по этому поводу въ Синодъ.

Святѣйшій Синодъ немедленно сдѣлалъ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ относительно отпуска денегъ на содержаніе въ монастырской тюрьмѣ „мнимодуховныхъ лицъ“ Аркадія, Алимпія и Семенова по 44 рубля 50 коп. въ годъ на каждаго. Чѣмъ собственно, какимъ расчетомъ руководствовался Святѣйшій Синодъ при опредѣленіи размѣра содержанія лицъ старообрядческой іерархіи, заключенныхъ въ монастырь, намъ, къ сожалѣнію, не извѣстно. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать назначенной на содержаніе епископовъ суммы слишкомъ недостаточной.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что потребности и привычки „мнимодуховныхъ лицъ“, сидѣвшихъ въ суздальской тюрьмѣ, были болѣе чѣмъ скромныя. Въ этомъ можно было убѣдиться уже изъ описей ихъ имущества, которыя мы приводили выше. Еще больше убѣждаютъ въ этомъ тѣ расходныя тетради, въ которыя записывались всѣ деньги, выдававшіяся имъ на ихъ нужды. Вотъ, напримѣръ, расходная тетрадь архіепископа Аркадія. Она начинается съ декабря мѣсяца 1854 года. За этотъ мѣсяцъ произведенъ былъ только одинъ расходъ: „куплены въ мѣдной оправѣ очки для архіепископа Аркадія, заплачено 30 коп. серебр.“.

Въ теченіе слѣдующаго 1855 года Аркадіемъ произведены слѣдующія траты: куплено 2 аршина пестряди. шнурковъ. бронзовыхъ пуговицъ, иглокъ, иголокъ, льну, чайникъ, меду— всего на 1 рубль 40 коп. Затѣмъ было куплено: самоваръ, одинъ пудъ пшеничной второго сорта муки, наперстокъ, 10 фунтовъ меду, стеклянная банка и 18 аршинъ пестряди, всего на сумму

9 рублей. Въ теченіе 1856 года Аркадію отъ времени до времени выдается „на собственныя его потребности“ по 1 и по 2 руб., рѣдко по 3 и по 4 рубля. То же самое видимъ мы и въ послѣдующіе годы.

Расходная тетрадь епископа Алпмпія носитъ тотъ же самый характеръ, указывая на спартанскія привычки и наклонности старообрядческаго іерарха. Производимые имъ расходы обыкновенно не превышаютъ рубля, двухъ, трехъ, очень рѣдко встрѣчаются расходы въ 6 и 8 рублей, и только одинъ разъ за все время его заключенія расходъ достигъ 10 рублей.

При тѣхъ скромныхъ потребностяхъ и невзыскательныхъ привычкахъ, какими, несомнѣнно, отличались заключенные епископы, можно думать, что, сидя въ монастырской тюрьмѣ, они не испытывали особенныхъ лишеній по части питанія и продовольствія, тѣмъ болѣе, что недостатки арестантскаго стола они могли пополнять, расходуя на это имѣвшіяся при нихъ деньги. Но совершенно иначе обстояло дѣло по части помѣщенія. И хотя въ архивныхъ дѣлахъ, послужившихъ намъ матеріаломъ для настоящаго очерка, нѣтъ описаній тѣхъ „келлій“ или казематовъ, въ которыя были помѣщены узники, тѣмъ не менѣе въ нашихъ рукахъ имѣется много данныхъ, указывающихъ на то, что сидѣвшіе въ нихъ узники сильно страдали и отъ холода и отъ сырости. Но, какъ большинство простыхъ русскихъ людей, они страдали молча, не протестуя и даже не выказывая своего недовольства.

Однообразно и печально потекли въ монастырской тюрьмѣ дни, недѣли, мѣсяцы и годы

заключенныхъ. Особенно удручающимъ образомъ дѣйствовало на узниковъ то полное одиночество, на которое они были обречены, и которое примѣнялось къ нимъ съ необыкновенною строгостью, особенно въ первые годы заточенія. Кромѣ монастырскаго служителя, состоявшаго при „арестантскомъ отдѣленіи“ и обязаннаго подавать заключеннымъ пищу и выносить изъ ихъ казематовъ „парашу“, они не видѣли человѣческаго лица, не слышали человѣческаго голоса.

Единственнымъ развлеченіемъ для нихъ являлись посѣщенія отца настоятеля, который на первыхъ порахъ частенько приходилъ къ нимъ, надѣясь убѣдить ихъ оставить свои заблужденія, покаяться въ нихъ и въ то же время разсчитывая выѣдать отъ нихъ все то, что касалось ихъ прежней жизни и дѣятельности, а также, что было извѣстно имъ относительно организаціи старообрядчества вообще и въ частности раскольнической іерархіи.

О. настоятель дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, конечно, на основаніи данной ему инструкціи, въ которой, какъ мы видѣли, предписывалось ему „принять со своей стороны всѣ мѣры духовнаго вразумленія къ развѣнчію заблужденій“ заключенныхъ, а также „къ склоненію ихъ къ открытію всего имъ извѣстнаго касательно заграничныхъ лжекаѳедръ и сношеній съ нашими раскольниками“.

„Мнимодуховныя лица“, повидимому, не находили нужнымъ скрывать все то, что касалось собственно ихъ лично. На разспросы о. архимандрита они дали болѣе или менѣе подробныя показанія относительно своей прошлой

жизни и дѣятельности. Привожу здѣсь эти показанія почти въ томъ самомъ видѣ, какъ они записаны настоятелемъ монастыря. Начинаю съ „показаніи арестанта подъ № 1-мъ“, то-есть архіепископа Аркадія.

Уроженецъ изъ простыхъ поселянъ селенія Куничи, Бѣлицкаго уѣзда (или Сороки, Кишиневской губ.). Ныиѣ ему 45 лѣтъ. Прежде именовался Андреемъ. На пятнадцатомъ году отъ рожденія оставилъ онъ свое село и перешелъ въ г. Ясы, гдѣ около $2^1/_2$ лѣтъ жилъ въ качествѣ прислуги у ясскихъ купцовъ Ивана Ант—рова и Михаила Антонова. Отсюда отправился въ скитъ Мануиловку, въ Молдавію, гдѣ находился послушникомъ въ теченіе двухъ лѣтъ, а затѣмъ опять возвратился въ Ясы. Пробывъ здѣсь два мѣсяца, онъ взялъ себѣ русскій паспортъ, съ которымъ и прибылъ въ старообрядческій Лаврентьевскій монастырь Могилевской губерніи. Во время пребыванія его въ этомъ монастырѣ въ 1829 году, онъ былъ постриженъ въ монашество. Въ слѣдующемъ же 1830 году, будучи монахомъ, опять возвратился въ Мануиловскій скитъ, въ которомъ пробылъ четыре года, а затѣмъ перешелъ въ турецкія владѣнія, въ Славскій скитъ, что близъ Бабидага. Изъ этого скита онъ предпринялъ путешествіе въ Царьградъ, въ которомъ пробылъ мѣсяцъ, а затѣмъ отправился далѣе, къ некрасовцамъ, въ селеніе и скитъ Майносъ, гдѣ пробывши двѣ недѣли, возвратился обратно въ Царьградъ, а изъ него немедленно пошелъ въ Азіатскую Турцію. Дойдя до рѣки Захарна и до лимана оной, на которомъ лежитъ островъ, имѣющій Некрасовскій раскольническій скитъ,

именуемый Бѣлый Камень, онъ прожилъ тутъ болѣе полугода. „Изъ онаго же скита вступилъ въ Анатолію, въ некрасовское гнѣздо раскольнъ, въ селеніе Мельча, отстоящее отъ г. Термо въ 5 верстахъ“, гдѣ пробылъ около года, а затѣмъ возвратился въ Славскій скитъ.

Прожившій въ этомъ скиту два года, Аркадій „вторичное возымѣлъ странствованіе въ Царьградъ, селеніе Майносъ, чрезъ города Силистрію и Туртукай, въ скитъ Каменный Мостъ, отстоящій отъ г. Туртукая въ 5 верстахъ“. Прожившій въ этомъ скиту около двухъ лѣтъ, онъ снова возвратился въ Славскій скитъ „на всегдашнее жительство“. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого, въ 1847 году онъ отправился въ Бѣлокриницкій скитъ, въ Австрію, гдѣ бѣглымъ греческимъ митрополитомъ Амвросіемъ былъ поставленъ въ лжеіеромонаха, а затѣмъ чрезъ 8 дней и въ лжеепископа села Славы.

По прошествіи двухъ лѣтъ, въ 1849 году, въ г. Тульчѣ Аркадій былъ произведенъ въ санъ архіепископа двумя старообрядческими епископами Онуфріемъ и Алимпіемъ.

Вотъ тотъ краткій „формуляръ“, который можно составить, основываясь на показаніяхъ лжеархіепископа Аркадія, данныхъ имъ отцу архимандриту. Вообще, знакомясь съ этими показаніями, нельзя не замѣтить, что, насколько охотно и откровенно разсказывалъ онъ о себѣ, главнымъ образомъ о своихъ путешествіяхъ и кочевкахъ, настолько же былъ сдержанъ въ тѣхъ показаніяхъ, которыя касались другихъ лицъ, особенно же изъ числа живущихъ въ Россіи. Если онъ и разсказывалъ кое-что о. архимандриту о своихъ посвященіяхъ въ попы

и монахи разныхъ лицъ, то обыкновенно эти разсказы носили такой общій, неопредѣленный характеръ, что едва ли изъ нихъ могъ гдѣмъ-нибудь воспользоваться даже самый опытный полицейскій сыщикъ.

Всѣ старанія о. архимандрита узнать отъ Аркадія фамиліи лицъ, которыя поддерживаютъ старообрядчество своими пожертвованіями,—не привели ни къ чему. „При всеусильномъ моемъ убѣжденіи, -пишетъ настоятель монастыря архіерею, -объ открытіи имъ мнѣ пожертвователей или ходатаевъ къ пожертвованіямъ и сношеніи между таковыми лицами, живущими въ Россіи, онъ, № 1-й, упорно отвѣтствовалъ однимъ словомъ: „не знаю", при чемъ относилъ всѣ эти пожертвованія къ ходатайству умершаго въ Славскомъ скиту московскаго купца Волкова, о смерти коего онъ женѣ покойнаго послалъ письмо въ Москву".

Относительно своей собственной дѣятельности архіепископъ Аркадій, на вопросъ архимандрита, высказалъ, что онъ, Аркадій, „можетъ произвести для заграничныхъ дикокаедръ столько епископовъ, сколько ему заблагоразсудится".

Тотъ же самый характеръ носятъ показанія арестанта № 2-й, то-есть епископа Алимпія, который также охотно сообщилъ свѣдѣнія, касавшіяся лично его, и совершенно уклонился отъ показаній относительно другихъ лицъ, причастныхъ его дѣятельности по расколу. По его словамъ, онъ происходитъ изъ мѣщанъ г. Калуги, отъ роду имѣетъ 60 лѣтъ; прежде въ мірѣ назывался Антоніемъ. Въ 1814 году поступилъ въ старообрядческій Лаврентьевскій

монастырь, находящійся въ Бѣлицкомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, гдѣ и былъ постриженъ въ монашество въ 1817 году. Прожившій въ этомъ монастырѣ въ качествѣ монаха до 1840 года, Алимпій перешелъ затѣмъ въ турецкія владѣнія и поселился въ Славскомъ скиту, въ которомъ пробылъ три года, послѣ чего былъ поставленъ нумеромъ первымъ (то-есть Аркадіемъ) во лжеіеромонаха. По прошествіи еще трехъ лѣтъ Алимпій былъ рукоположенъ 26-го сентября 1847 года тѣмъ же нумеромъ первымъ во лжеепископа для г. Тульчи.

Что касается показаній „арестанта № 3-й", т.-е. лжесвященника Ѳедора Семенова, то они не представляютъ интереса, а потому мы и не приводимъ ихъ здѣсь.

По прошествіи мѣсяца со дня заключенія въ монастырь „мнимодуховныхъ лицъ", архимандритъ, исполняя требованіе инструкціи, спѣшитъ донести епархіальному начальству о результатахъ, какъ „духовнаго вразумленія", такъ и своихъ разспросовъ относительно свѣдѣній, касающихся положенія дѣлъ въ старообрядчествѣ. „Присланные въ арестантское отдѣленіе секретные арестанты подъ №№ 1, 2 и 3, — пишетъ о. архимандритъ, — были убѣждаемы мною всѣми мѣрами къ разсѣянію ихъ заблужденій и къ склоненію ихъ открыть всѣ имъ извѣстное относительно заграничныхъ лжекаѳедръ и сношеній съ нашими раскольниками, но совершеннаго успѣха на всѣ дѣлаемые мною имъ надлежащіе вопросы не получилъ, кромѣ сихъ отвѣтовъ, которые при семъ вашему преосвященству на архипастыр-

ское благоразсмотрѣніе покорнѣйше честь имѣю представить". Отвѣты эти состояли изъ тѣхъ именно показаній, которыя мы только что привели.

Изъ трехъ узниковъ только одинъ „арестантъ подъ № 3", т.-е. лжесвященникъ Ѳедоръ Семеновъ, на убѣжденія о. архимандрита „оставить прежнія свои заблужденія и обратиться къ православной Церкви" изъявилъ согласіе на это и „выразилъ желаніе ходить въ церковь, но онъ, архимандритъ, безъ разрѣшенія его преосвященства, не осмѣливается дозволить ему ходить въ церковь". Разумѣется, разрѣшеніе послѣдовало, и Семеновъ вскорѣ получилъ право посѣщать тюремную церковь.

Въ своихъ дальнѣйшихъ донесеніяхъ о настроеніи заключенныхъ о. архимандритъ сообщалъ, что Семеновъ „вразумленія о правости нашей святой Церкви выслушиваетъ и въ церковь къ божественнымъ службамъ усердно ходитъ". Послѣ шести-семи лѣтъ заключенія Семеновъ совсѣмъ отрекся отъ своихъ „заблужденій", которыя привели его въ монастырскую тюрьму, и, наконецъ, былъ присоединенъ къ православію. Однако, и послѣ этого онъ оставался нѣкоторое время въ тюрьмѣ „на испытаніи", такъ какъ начальство, очевидно, не довѣряло искренности его раскаянія.

Совершенно иначе держались Аркадій и Алимпій: тяжелыя условія многолѣтняго заключенія, казалось, нимало не вліяли на ихъ волю,—они оставались непоколебимо вѣрными тѣмъ религіознымъ взглядамъ и убѣжденіямъ, за которые имъ пришлось такъ жестоко пострадать, — хотя монастырское заточеніе не

могло, разумѣется, не отразиться на состояніи ихъ здоровья. Особенно тяжело отразилось это заточеніе на шестидесятилѣтнемъ старикѣ Алимпіи: онъ началъ хворать, хирѣть, здоровье его съ каждымъ годомъ становилось все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, 25-го августа 1859 года онъ „по продолжительной болѣзни волею Божіею померъ“. Такимъ образомъ, ему пришлось провести въ одиночномъ заключеніи около пяти лѣтъ. Однако, несмотря на суровость заточенія, несмотря на болѣзнь и физическія страданія, онъ умеръ, не только не раскаявшись въ своихъ „заблужденіяхъ“, но, наоборотъ, какъ нельзя болѣе убѣжденный въ полной справедливости и святости старообрядчества.

Умершихъ арестантовъ большею частью хоронятъ въ монастырскомъ саду, въ той его части, которая непосредственно прилегаетъ къ крѣпостной стѣнѣ. Но на этотъ разъ почему-то монастырское начальство нашло нужнымъ схоронить лжеепископа Алимпія внѣ монастыря. Отецъ архимандритъ обратился въ суздальскую „градскую полицію“ съ такимъ отношеніемъ: „Содержащійся въ крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи ввѣреннаго мнѣ монастыря подъ надзоромъ арестантъ, раскольникъ поповщинской секты, мнимодуховное лицо подъ № 2-мъ, Алимпій, бывши двѣ недѣли боленъ, 25 августа, въ 9 часу утра, волею Божіею померъ. О чемъ суздальской градской полиціи объявляя, покорнѣйше прошу оную для указанія мѣста на вырытіе могилы и для нахожденія при погребеніи умершаго

Алимшія командировать съ своей стороны чиновника".

Полиція указала мѣсто для погребенія Алимпія близъ городского кладбища, а для присутствованія при его похоронахъ назначила квартальнаго надзирателя Розанова. Тотчасъ же послѣ похоронъ о. архимандритъ пишетъ донесеніе владимирскому губернатору и „рапортъ" преосвященному о смерти секретнаго арестанта № 2-й и о „погребеніи его въ присутствіи квартальнаго надзирателя Розанова". Вмѣстѣ съ этимъ доносится архіерею, что „оставшіяся у Алимшія деньги 47 руб. 20 коп. и одиннадцать турецкихъ червонцевъ до разрѣшенія вашего преосвященства хранятся въ монастырской ризницѣ".

Въ то же время о смерти Алимшія сообщается въ суздальское уѣздное казначейство, съ возвращеніемъ денегъ, оставшихся неизрасходованными на его содержаніе. Вскорѣ послѣ этого отъ архіерея Іустина получается приказаніе—передать деньги и червонцы, оставшіеся послѣ смерти Алимпія, „въ суздальскую градскую полицію съ тѣмъ, чтобы она касательно оныхъ сдѣлала со своей стороны законное распоряженіе, и по передачѣ донести мнѣ". Приказаніе это было, разумѣется, исполнено, деньги и червонцы Алимпія переданы въ полицію, отъ которой вскорѣ и послѣдовало увѣдомленіе о томъ, что деньги и червонцы получены и записаны на приходъ *).

*) При посѣщеніи нами Суздаля лѣтомъ 1902 года намъ удалось разыскать могилу Алимпія; она находится на Златоустовскомъ городскомъ кладбищѣ, въ лѣвомъ дальнемъ углу отъ входа, около самаго рва, которымъ окопано кладбище. По словамъ старожиловъ, въ этомъ

Смерть Алимпія не могла, разумѣется, не отозваться болѣзненно въ сердцѣ его сотоварища по несчастію, Аркадія, тѣмъ не менѣе, однако, онъ попрежнему остается твердымъ и „непреклоннымъ“. Въ 1861 году о. архимандритъ доносилъ архіерею, что содержащійся въ крѣпостномъ отдѣленіи монастыря арестантъ № 1-й, лжеархіепископъ Аркадій, „былъ имъ вразумляемъ къ оставленію своихъ раскольническихъ заблужденій, но по выслушаніи увѣщаній, какъ и прежде, остался непреклоннымъ и объявилъ, что величайшимъ грѣхомъ считаетъ перемѣнить обряды содержимой имъ вѣры и оставить принятый имъ санъ“. Что же касается открытія и сообщенія свѣдѣній „касательно заграничныхъ лжекаѳедръ и сношеній съ русскими раскольниками, то какъ Аркадій, такъ и Семеновъ, сверхъ прежде данныхъ ими отвѣтовъ, и нынѣ ничего не показали“.

Подобныя донесенія повторялись о. архимандритомъ ежемѣсячно, почти изъ слова въ слово одно и то же въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Наконецъ, въ 1864 году Святѣйшій Синодъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы объ успѣхѣ увѣщаній лжеепископа Аркадія архіерей доносилъ „по истеченіи года“.

мѣстѣ въ былое время хоронили умершихъ отъ холеры. На могилѣ—каменная высокая плита съ надписью: „Подъ симъ камнемъ погребено тѣло инока Алимпія, скончавшагося 25 августа 1860 года“. По сторонамъ плиты также были сдѣланы надписи, но теперь изъ нихъ можно разобрать только одну: „Егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавши, оживутъ“; остальныя же почти совсѣмъ стерлись отъ времени. Число и мѣсяцъ смерти Алимпія на плитѣ обозначены вѣрно, но въ годѣ вкралась ошибка: онъ умеръ не въ 60-мъ, а въ 59-мъ году. Что же касается того, что покойный названъ здѣсь инокомъ, а не епископомъ, то, безъ сомнѣнія, это слѣдуетъ объяснить соображеніями цензурнаго характера.

II.

Епископъ Кононъ.

Прошло около четырехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были „пойманы“ въ турецкихъ владѣніяхъ и заключены въ монастырь „мнимодуховныя лица“: архіепископъ Аркадій, епископъ Алимній и священникъ Ѳедоръ Семеновъ. За этотъ небольшой, сравнительно, срокъ произошли на Руси большія и важныя событія, оказавшія огромное вліяніе на весь ходъ внутренней жизни Россіи, на настроеніе русскаго общества и народа. Среди Крымскаго погрома, со сцены сошелъ императоръ Николай Павловичъ, унося съ собою строгій режимъ, убѣжденнымъ сторонникомъ котораго онъ всегда являлся. Отъ молодого, только что воцарившагося императора Александра II всѣ ожидали совершенно иной политики, построенной на другихъ началахъ и принципахъ и прежде всего на довѣріи къ народу и культурному классу общества. Ожидались серьезныя реформы, которыя вскорѣ должны были послѣдовать, и которыя имѣли цѣлью обновить государственный механизмъ.

Послѣдовавшія вскорѣ реформы не коснулись цѣлой области народно-общественной жизни—области вѣры и религіозныхъ убѣжде-

ній русскихъ людей. Благодаря этому, тѣ крайне тяжелыя общественныя условія, среди которыхъ приходилось жить многимъ милліонамъ нашихъ старообрядцовъ и сектантовъ, очень мало измѣнились къ лучшему, такъ какъ попрежнему имъ постоянно приходилось испытывать разнаго рода стѣсненія и преслѣдованія. И хотя эти преслѣдованія не носили уже того ожесточеннаго и систематическаго характера, какимъ они отличались въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, но, тѣмъ не менѣе, и теперь продолжали практиковаться такія мѣры, какъ „ловля" старообрядческихъ епископовъ, священниковъ и наставниковъ, ихъ аресты и заточеніе въ монастыри и т. п.

Такъ, въ самомъ концѣ 1858 года вдругъ прошелъ слухъ, что „пойманъ" еще одинъ старообрядческій епископъ Кононъ, на этотъ разъ уже не въ турецкихъ владѣніяхъ, а въ одной изъ русскихъ губерній: въ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Разумѣется, тотчасъ же началось дѣло, началась секретная и конфиденціальная переписка.

Результатомъ этого дѣла, этой переписки явился Высочайшій указъ: государь императоръ Александръ II въ 30 день января 1859 года повелѣть изволилъ: „отослать Конона въ одинъ изъ православныхъ монастырей, по назначенію Святѣйшаго Синода, съ тѣмъ, чтобы ему тамъ были дѣлаемы *кроткія* увѣщанія объ оставленіи его заблужденій и присоединеніи къ святой Церкви".

Такимъ образомъ, гуманизмъ новаго царствованія въ данномъ случаѣ сказался лишь въ томъ, чтобы тѣ увѣщанія, которыя дѣла-

ются сидящимъ въ монастырскихъ тюрьмахъ, были непремѣнно „кроткія“. Въ прежнее же время настоятелямъ монастырей, въ которые посылались старообрядцы и сектанты, обыкновенно предписывалось производить „увѣщанія“, но, какъ, какимъ образомъ—ничего не говорилось. Но приведенной оговоркой и ограничивается данъ вновь наступившей либеральной эпохѣ, всѣ же остальныя условія монастырскаго заточенія остаются прежнія, безъ всякихъ измѣненій и послабленій.

Святѣйшій Синодъ рѣшилъ отправить епископа Конона въ суздальскій Спасо-Евфиміевскій монастырь „подъ особенный надзоръ епархіальнаго и монастырскаго начальства“. Владимирскій епископъ Іустинъ, получивъ указъ Святѣйшаго Синода по этому поводу, положилъ на немъ такую резолюцію: „помѣстить въ отдѣльной комнатѣ при арестантскомъ отдѣленіи“.

7 апрѣля 1859 года, въ 7 часовъ утра, жандармы привезли Конона въ Спасо-Евфиміевскій монастырь. Сдавъ арестанта архимандриту Амвросію, они получили отъ него такую квитанцію: „Доставленный во вѣренный управленію моему суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, къ содержанію въ крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи, поіманный въ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, раскольническій лжеепископъ Кононъ отъ сопровождавшихъ его владимирской жандармской команды унтеръ-офицера Черненко и рядового Чеснокова, въ означенномъ монастырѣ сего 1859 года, апрѣля 7-го дня, въ семь часовъ утра, мною благополучно принятъ, въ чемъ имъ, жандарм-

скимъ унтеръ-офицеру Черненко и рядовому Чеснокову, за подписомъ моимъ, съ приложеніемъ монастырской казенной печати сія квитанція и дана".

На другой день, 8 апрѣля, архимандритъ Амвросій пишетъ „секретно" начальнику суздальской инвалидной команды майору Иголкину: „Честь имѣю увѣдомить ваше высокоблагородіе, что вновь присланный во ввѣренное моему управленію крѣпостное арестантское отдѣленіе при секретномъ отношеніи г. начальника Владимирской губерніи, отъ 6 февраля, за № 93, по Высочайшему повелѣнію, арестантъ Кононъ подъ строжайшій надзоръ, каковой мною принятъ и помѣщенъ въ отдѣльной камерѣ при арестантскомъ отдѣленіи, почему благоволите повелѣть военному караулу имѣть за нимъ особый строжайшій надзоръ".

При Кононѣ „оказались" деньги 186 руб. Деньги эти, по заведенному порядку, были отобраны отъ него и взяты на храненіе архимандритомъ Амвросіемъ, который затѣмъ, по мѣрѣ надобности, выдавалъ Конону маленькими частями: по 6, по 10 рублей. На содержаніе Конона въ монастырской тюрьмѣ казной было назначено по 46 руб. въ годъ.

Такъ какъ въ секретномъ указѣ владимирской духовной консисторіи по дѣлу о заключеніи въ монастырь Конона было предписано архимандриту „О лжеписконѣ Кононѣ рапортовать пополугодно", то поэтому, по протествіи шести мѣсяцевъ со дня заточенія старообрядческаго архіерея, настоятель монастыря спѣшитъ донести владимирскому архіерею о поведеніи Конона и о результатѣ „дѣлаемыхъ

ему кроткихъ увѣщаній". Въ октябрѣ 1859 г. архимандритъ писалъ: „Находящійся подъ строгимъ надзоромъ въ крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи ввѣреннаго управленію моему суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря раскольническій лжеепископъ Кононъ въ теченіе истекшаго полугода съ 7-го апрѣля по 7-е октября дѣланемымъ ему мною при посѣщеніяхъ кроткимъ увѣщаніямъ объ оставленіи раскольническихъ заблужденій не внималъ и къ присоединенію къ православной Церкви совершенно отказывался: свой лжеепископскій санъ, принятый имъ за границей, считаетъ законнымъ и даже выражается съ сожалѣніемъ, что не уѣхалъ за границу". Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству архимандрита, Кононъ, „велъ себя въ теченіе полугодичнаго сего времени смирно".

До чего соблюдалась тайна, которою облечено было содержаніе въ монастырѣ старообрядческихъ епископовъ, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай. Въ 1873 г. войсковой штабъ войска Донского обратился черезъ суздальское полицейское управленіе къ настоятелю Спасо-Евѳиміева монастыря съ просьбою сообщить: „Не содержится ли въ крѣпости при ввѣренномъ ему монастырѣ казакъ Козьма Смирновъ и если содержится, то за что и когда заключенъ и не имѣется ли рѣшенія о его ссылкѣ и заключеніи, съ какового рѣшенія, если таковое есть, прислать копію".

Архимандритъ Досноѳій отлично зналъ, что „казакъ Козьма Смирновъ" не кто иной, какъ содержащійся у него въ крѣпости арестантъ подъ № 1-мъ; но онъ не забылъ, разумѣется, строжайшихъ инструкцій и предписаній о той

тайнѣ, которая должна облекать все, что только касается арестантовъ, значащихся подъ №№ 1, 2 и 3. И вотъ, очевидно, съ совершенно покойной душой, онъ пишетъ въ суздальское полицейское управленіе, что „въ арестантскомъ отдѣленіи ввѣреннаго ему монастыря казака Козьмы Смирнова нѣтъ“. При этомъ онъ считаетъ нужнымъ прибавить, что „если бы и находилось въ означенномъ крѣпостномъ отдѣленіи прописанное лицо, то и въ семъ случаѣ онъ тогда только могъ бы выдать копію съ начальническаго распоряженія, когда получилъ бы на это предписаніе отъ своего епархіальнаго начальства“.

Объ этомъ случаѣ архимандритъ Досиѳей считаетъ долгомъ донести владимирскому архіерею. Изложивъ подробно обращенный къ нему запросъ войскового штаба, относительно казака Козьмы Смирнова и свой отвѣтъ на этотъ запросъ, онъ тутъ же прибавляетъ: „Но между тѣмъ, почитаю нужнымъ доложить вашему высокопреосвященству, что казакъ Козьма Смирновъ, какъ мнѣ положительно извѣстно, есть тотъ самый раскольничій лжеепископъ Кононъ, который въ настоящее время въ арестантскомъ отдѣленіи содержится“.

Долго пришлось ждать о. Досиѳею отвѣта на это донесеніе. Отсюда можно думать, что владимирскій преосвященный, прежде чѣмъ отвѣтить настоятелю монастыря по этому поводу, счелъ нужнымъ снестись съ высшимъ начальствомъ. Только 9-го марта 1876 г. владимирская духовная консисторія отправила Досиѳею указъ, въ которомъ предписывала ему „взять объясненіе отъ лжеепископа Ко-

нона: дѣйствительно ли онъ былъ казакъ Козьма Смирновъ до принятія монашества".

Въ отобранномъ отъ него объясненіи Кононъ подтвердилъ, что „до принятія имъ монашескаго и епископскаго сана онъ. дѣйствительно. былъ казакъ Козьма Смирновъ и принадлежалъ къ Есауловской станицѣ войска Донского. Монашеское же званіе онъ принялъ, по обѣщанію, въ Бѣлой Криницѣ, Австрійской имперіи, какъ помнится, въ 50-хъ годахъ, но въ какомъ именно году—не упомнитъ, а также и во епископа посвященъ тамъ же, но года также не упомнитъ". Послѣ этого владимирская духовная консисторія увѣдомила архимандрита Досиѳея, что „требованіе войскового штаба войска Донского относительно казака Козьмы Смирнова епархіальнымъ начальствомъ ему, архимандриту, разрѣшено исполнить".

Такимъ образомъ, о. настоятелю предстояла печальная необходимость сознаться, что первое его сообщеніе въ войсковой штабъ было, выражаясь мягко, не вѣрно.

Но, какъ ни строго, казалось, было обставлено содержаніе въ суздальской монастырской тюрьмѣ старообрядческихъ епископовъ, тѣмъ не менѣе отъ времени до времени возникали разные инциденты, которые вызывали тревогу среди представителей высшей власти и заставляли ихъ требовать и настаивать на усиленіи надзора за арестантами, числившимися подъ номерами: 1, 2 и 3-мъ.

Такъ, въ 1872 году министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ увѣдомилъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, что

„въ впду происковъ коноводовъ раскола къ удержанію содержащагося въ суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ лжеепископа Конона въ расколѣ, къ которому онъ (будто бы) начинаетъ охладѣвать, необходимо, по мнѣнію его, Тимашева, усилить надзоръ за означеннымъ арестантомъ". Въ свою очередь, оберъ-прокуроръ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ по этому поводу г. министра внутреннихъ дѣлъ, немедленно же обратился къ владимирскому епископу съ просьбою сдѣлать „зависящія со стороны его преосвященства на сей предметъ распоряженія". Конечно, владимирской духовной консисторіей тотчасъ же посылается строжайшій указъ на имя настоятеля Спасо-Евфиміева монастыря объ усиленіи надзора за лжеепископомъ Конономъ.

Эта тревога, какъ можно видѣть изъ указа Святѣйшаго Синода отъ 26-го мая того же 1872 года за № 1024, возникла вслѣдствіе того, что въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ было перехвачено отъ какой-то неизвѣстной женщины свидѣтельство за № 147 за подписомъ лжеепископа Іова; въ этомъ свидѣтельствѣ заключалось воззваніе къ лжеепископу Конону,—воззваніе, которое имѣло цѣлью побудить его оставаться вѣрнымъ старообрядчеству.

Обстоятельство это и дало поводъ начальству полагать, что епископъ Кононъ поколебался въ своихъ взглядахъ на старообрядчество. Однако, предположеніе это не находитъ себѣ рѣшительно никакихъ подтвержденій. Наоборотъ, есть полное основаніе думать, что ни „кроткія увѣщанія" настоятеля ни долгіе годы монастырскаго заточенія нимало не по-

колебали убѣжденіи Конона. Лучшимъ доказательствомъ этого являются тѣ донесенія и аттестаціи, которыя дѣлалъ о немъ и объ его поведеніи о. архимандритъ.

Такъ, напримѣръ, въ 1861 году архимандритъ Досиѳеи писалъ владимирскому преосвященному: „Находящійся подъ строгимъ надзоромъ въ крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи ввѣреннаго управленію моему Спасо-Евѳиміева монастыря раскольническій лжеепископъ Кононъ въ теченіе истекшаго полугодія съ 7-го апрѣля по 7-е октября дѣлаемымъ ему, какъ предшественникомъ моимъ, такъ и мною при посѣщеніяхъ кроткимъ увѣщаніямъ объ оставленіи раскольническихъ заблужденій не внималъ и отъ присоединенія къ православной Церкви совершенно отказывался, считая законнымъ, какъ свои заблужденія, такъ и лжеепископскій санъ“. Но при этомъ архимандритъ спѣшитъ прибавить, что за отчетное время Кононъ „велъ себя кротко“.

За 1862 годъ черновикъ или, какъ говорятъ въ канцеляріяхъ, „отпускъ“ аттестаціи былъ написанъ точно такъ же, какъ и предыдущій, но затѣмъ въ немъ сдѣланы были слѣдующія измѣненія; вмѣсто словъ „не внималъ“ — поставлено „нѣсколько внималъ“. Затѣмъ изъ фразы: „отъ присоединенія къ православной Церкви совершенно отказывался“, слово „совершенно“ зачеркнуто. А въ самомъ концѣ добавлено: „усердно занимался чтеніемъ православныхъ книгъ“.

Подобныя аттестаціи съ самыми незначительными варіаціями отправлялись о. архимандритомъ правильнымъ образомъ два раза

въ годъ. Такъ, за 1865 годъ, вмѣсто словъ „не внималъ кроткимъ увѣщаніямъ“ поставлено: „мало внималъ“ и т. д. Въ концѣ донесенія стоитъ: „усердно занимался чтеніемъ православныхъ книгъ и направленныхъ противу раскольническихъ заблужденій“. При этомъ слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что „усердное чтеніе православныхъ книгъ“ тѣмъ или другимъ изъ монастырскихъ арестантовъ отнюдь еще нельзя разсматривать, какъ признакъ, указывающій на возможность близкаго перехода этого лица въ православіе. Монотонное, удручающе-томительное однообразіе, на которое обречены монастырскіе узники, заставляетъ ихъ, конечно, интересоваться всякой книгой, которая только проникнетъ въ ихъ одинокую тюрьму. А вѣдь никакихъ другихъ, кромѣ что православныхъ и „противораскольническихъ“, въ монастырскую тюрьму не попадаетъ.

Бывали случаи, когда сектанты, сидѣвшіе въ суздальской тюрьмѣ, набрасывались на книги, которыя имъ предлагалъ о. архимандритъ, но затѣмъ, ознакомившись съ содержаніемъ этихъ книгъ, они обыкновенно довольно быстро охладѣвали къ нимъ. Такъ было, между прочимъ, и со старообрядческими епископами. Относительно Аркадія, напримѣръ, настоятель монастыря въ 1865 году доносилъ владимирскому преосвященному: „права онъ кроткаго, но нынѣ сталъ гнушаться чтеніемъ нашихъ церковныхъ и нравоучительныхъ книгъ“.

IV.

Епископъ Геннадій.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1863 года число старообрядческихъ архіереевъ, сидѣвшихъ въ суздальской тюрьмѣ, увеличилось еще однимъ. 2-го іюля этого года былъ привезенъ въ монастырь „для увѣщанія“ пермскій старообрядческій епископъ Геннадій. О причинахъ и обстоятельствахъ, вызвавшихъ эту ссылку, намъ удалось извлечь довольно подробныя свѣдѣнія изъ нѣкоторыхъ архивовъ Пермскаго края. Этими свѣдѣніями мы и подѣлимся здѣсь съ своими читателями.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1861 года епископъ уфимскій увѣдомилъ оренбургскаго военнаго губернатора, что черезъ Златоустовскій и Міасскій заводы тайно проѣзжалъ „раскольническій епископъ Геннадій“ и совершалъ богослуженіе въ скитѣ, находящемся въ лѣсахъ, на восточной сторонѣ Уральскаго хребта, между деревнями Тургоякской и Куштумгинской. Въ этомъ скитѣ, какъ дознало духовное начальство, Геннадій освящалъ старообрядческую походную церковь и посвятилъ во священники живописца крестьянина Ксенофонта Вяхирева, проживавшаго въ Катавъ-Ивановскомъ заводѣ.

Въ виду этого уфимскій епископъ настоятельно просилъ губернатора немедленно же принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ поимкѣ Геннадія. При этомъ онъ сообщалъ, что лжеепископъ Геннадіи не имѣетъ постояннаго пребыванія ни въ Міасскомъ ни въ другихъ Златоустовскихъ заводахъ, но что онъ большею частію находится въ Екатеринбургѣ и Тюмени и въ разъѣздахъ по Оренбургской, Пермской и Тобольской губерніямъ, завѣдуя, по назначенію своихъ сообщниковъ, тайною раскольническою сибирскою епархіей".

Такое же точно „сообщеніе" отправлено было уфимскимъ епископомъ и главному начальнику горныхъ заводовъ Уральскаго хребта генералу Фелькнеру.

И вотъ закипѣло дѣло. Нужно замѣтить, что мѣстныя власти на Уралѣ давно уже знали о существованіи лжеепископа Геннадія, давно уже до нихъ доходили смутные, неясные слухи, что по заводамъ и селамъ уральскимъ тайно разъѣзжаетъ раскольническій епископъ, который ставитъ поповъ и монаховъ, исполняетъ требы, освящаетъ церкви, совершаетъ богослуженія и т. д. Давно уже отданъ былъ приказъ о поимкѣ Геннадія, давно уже полиція старалась напасть на слѣды лжеепископа, но до сихъ поръ онъ необыкновенно ловко и искусно увертывался отъ рукъ властей.

Поэтому, какъ только оренбургскій губернаторъ получилъ сообщеніе уфимскаго епископа о появленіи Геннадія въ Златоустовскихъ заводахъ, онъ тотчасъ же поспѣшилъ снестись объ этомъ съ пермскимъ и тобольскимъ губернаторами, а тѣ, въ свою очередь, немедля

снеслись съ главнымъ начальникомъ горныхъ заводовъ.

Въ то же время ко всѣмъ исправникамъ полетѣли „секретныя“ предписанія о поимкѣ раскольническаго епископа, а отъ исправниковъ такія же точно предписанія „съ нарочными“ понеслись къ становымъ приставамъ. И вотъ снова повсюду начались рьяные, энергическіе поиски „лжеепископа“.

Исправники вели особыя „памятныя записки“ или дневники, въ которые они заносили всѣ свои наблюденія за дѣйствіями Геннадія. Они обязаны были строго слѣдить за тѣми изъ мѣстныхъ старообрядцевъ, у которыхъ происходили частыя собранія, богомоленія и т. п. Въ то время не существовало еще урядниковъ, поэтому въ селахъ и деревняхъ поимка Геннадія была возложена исправниками на „особо-избранныхъ людей“, главнымъ образомъ, на волостныхъ и сельскихъ писарей, которые обязаны были зорко слѣдить за всѣми пріѣзжими и вновь появляющимися лицами.

Однако, время шло, а Геннадій не попадался. Исправники аккуратно доносили, что, „несмотря на всевозможныя мѣры, принятыя ими къ поимкѣ раскольническаго лжеепископа Геннадія, такового во ввѣренномъ имъ уѣздѣ не оказалось“. Такъ прошло полгода, прежде чѣмъ полиціи снова удалось напасть на слѣды лжеепископа.

Въ концѣ мая 1862 г. черезъ село Бѣлоярское (Екатеринбургскаго уѣзда) проѣзжалъ какой-то неизвѣстный человѣкъ. Такъ какъ онъ проѣзжалъ „на сдаточныхъ лошадяхъ въ подрывъ вольной почтѣ“, то станціонный смотри-

тель Бѣлоярской станціи, Пилецкій, остановилъ его и потребовалъ отъ него видъ, по которому тотъ проѣзжалъ. У „неизвѣстнаго человѣка“ не оказалось ни вида ни паспорта. Это возбудило подозрѣніе въ Пилецкомъ; онъ наотрѣзъ отказалъ незнакомцу въ лошадяхъ и грозилъ донести о немъ по начальству.

Положеніе проѣзжаго незнакомца было весьма критическое, тѣмъ не менѣе онъ нимало не потерялся. Неизвѣстно какимъ образомъ, о происшествіи на станціи узнастъ одинъ изъ мѣстныхъ раскольниковъ, крестьянинъ Бѣлоярской волости Тимоѳей Чуваковъ и немедленно является къ Пилецкому. И вотъ, благодаря „содѣйствію Чувакова“, смотритель Пилецкій соглашается отпустить таинственнаго незнакомца, за что и получаетъ тридцать рублей денегъ. А незнакомецъ получаетъ лошадей и ѣдетъ далѣе, но уже не одинъ, а въ сопровожденіи „раскольника“ Чувакова.

Объ этомъ узнаетъ волостной писарь Бѣлоярской волости Ѳедотовскій, принадлежавшій къ числу тѣхъ „особо-избранныхъ“ людей, на обязанности которыхъ лежало способствовать поимкѣ Геннадія. Услыхавъ о происшествіи на станціи и сообразивъ, что „тутъ дѣло не ладно“, Ѳедотовскій немедленно же отправился въ погоню за „неизвѣстнымъ человѣкомъ“.

Однако, всѣ его поиски не привели ни къ чему: таинственный путешественникъ исчезъ безслѣдно, словно въ воду канулъ. „Вѣроятно, Чуваковъ,—догадывался впослѣдствіи писарь,—замѣтивъ за собою преслѣдованіе и пользуясь темнотою ночи, успѣлъ скрыть неизвѣстнаго человѣка“. При всемъ этомъ писарь былъ со-

вершенно убѣжденъ, что скрывшійся неизвѣстный человѣкъ былъ не кто другой, какъ именно раскольничій епископъ Геннадій.

Это же самое убѣжденіе раздѣлялъ и екатеринбургскій земскій исправникъ, который 29-го мая получилъ подробное донесеніе по этому поводу отъ мѣстнаго станового пристава. „Надобно полагать, что это былъ Геннадій“, пишетъ исправникъ въ рапортѣ своему губернатору. И вотъ онъ поручаетъ становому приставу „произвести строжайшее формальное слѣдствіе надъ станціоннымъ смотрителемъ Пилецкимъ и государственнымъ крестьяниномъ Чуваковымъ, при участіи депутатовъ, какъ со стороны почтоваго вѣдомства, такъ и управленія государственными имуществами“.

При слѣдствіи, смотритель Пилецкій и раскольникъ Чуваковъ „сплились доказать“, что проѣзжій былъ кунгурскій мѣщанинъ Ѳедоръ Григорьевъ, фамиліи котораго они не знаютъ. Но эти увѣренія никого не убѣдили, и исправникъ попрежнему остался при мнѣніи, что скрывшійся незнакомецъ „непремѣнно долженъ быть лжеепископъ Геннадій“. Онъ сожалѣлъ, что поздно узналъ о проѣздѣ подозрительной личности и потому не могъ принять личнаго участія въ преслѣдованіи.

Въ рапортѣ своемъ губернатору исправникъ, сообщая, что Геннадій часто ѣздитъ по вольной почтѣ, жалуется на станціонныхъ смотрителей, которые свободно даютъ лошадей всякому проѣзжему; по его словамъ, это дастъ полную возможность разнымъ подозрительнымъ личностямъ ускользать отъ преслѣдованій полиціи. Онъ проситъ губернатора снестись съ

губернской почтовой конторой и при ея содѣйствіи обязать всѣхъ станціонныхъ смотрителей—въ случаѣ проѣзда Геннадія, немедленно задержать его. Но распоряженіе это, заботливо прибавляетъ исправникъ, станціонные смотрителя должны держать въ строжайшемъ секретѣ.

Убѣжденный этими доводами, губернаторъ сносится съ губернскою почтовою конторой, которая и обязываетъ станціонныхъ смотрителей слѣдить за появленіемъ подозрительныхъ лицъ и, въ случаѣ проѣзда „лжеепископа Геннадія“, немедленно задержать его.

V.

Арестъ.

Проходитъ еще полгода, а о Геннадіи, какъ говорится, ни слуху ни духу. Какъ вдругъ, 7-го декабря 1862 года, въ Перми получается такая телеграмма: „Пермь. Военному губернатору.—Въ Екатеринбургѣ взятъ мною лжеепископъ Геннадій. Екатеринбургскій полицеймейстеръ Пестеревъ".

По полученіи телеграммы, губернаторъ тотчасъ же телеграфируетъ объ арестѣ Геннадія министру внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ отправляется телеграмма Пестереву такого содержанія: „Екатеринбургъ. Полицеймейстеру.—Душевно благодарю, Геннадія обыщите, посадите подъ строжайшій карауль, чтобы не ушелъ. Возьмите его грамоту. О послѣдующемъ увѣдомьте.—Лошкаревъ".

Это тотъ самый г. Лошкаревъ, который недавно получилъ такую громкую и въ то же время такую печальную извѣстность въ качествѣ главнаго участника и покровителя разныхъ болѣе чѣмъ некрасивыхъ дѣяній бывшаго минскаго губернатора г. Токарева. Занимая въ послѣднее время должность члена совѣта Министерства Внутреннихъ дѣлъ, генералъ-лей-

тенантъ Лошкаревъ, какъ воочію доказалъ недавній процессъ, оказывалъ огромное содѣйствіе своимъ вліяніемъ успѣху разныхъ затѣй г. Токарева. Нашъ очеркъ застаетъ г. Лошкарева на посту пермскаго военнаго губернатора.

Вслѣдъ за телеграммой было получено отъ полицеймейстера Пестерева донесеніе, сообщавшее подробности ареста Геннадія. Въ началѣ донесенія полицеймейстеръ упоминаетъ о своихъ трудахъ, понесенныхъ имъ въ дѣлѣ поисковъ и выслѣживаніи за Геннадіемъ. „Мною,—пишетъ онъ,—были приняты всевозможныя мѣры и способы къ поимкѣ лжеепископа Геннадія, но всѣ они долгое время оставались безъ успѣха. Наконецъ, 5-го декабря Геннадій пойманъ въ домѣ проживающаго въ Екатеринбургѣ колыванскаго купца Чувакова. Вмѣстѣ съ нимъ взятъ временно-обязанный крестьянинъ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, Владимирской губерніи, Вязниковскаго уѣзда, деревни Сергѣевой, Ксенофонтъ Макаровъ Вяхиревъ, показавшій себя священникомъ“.

При обыскѣ у Геннадія найдена была ставленная грамота, данная на имя „Геннадія, епископа пермскаго“, за подписью „Антонія, архіепископа владимирскаго и всея Россіи“; кромѣ того, на немъ оказались: наплечная мантія, камилавка и на шеѣ кипарисный крестъ на шнуркѣ, вмѣстѣ съ особымъ бархатнымъ значкомъ, на которомъ шелками и золотомъ вышито изображеніе креста. При Вяхиревѣ взята вмѣстѣ съ паспортомъ ставленная грамота, за подписомъ епископа Геннадія, на чинъ священника Ксенофонта.

Домъ Чувакова былъ подвергнутъ самому тщательному обыску и осмотру; но при этомъ найдено было лишь нѣсколько книгъ и напрестольная пелена, другихъ же вещей, относящихся до богослуженія, не оказалось. Уже послѣ ареста Геннадія, на улицѣ, неподалеку отъ дома Чувакова, найденъ былъ узелъ и въ немъ оказалась „шелковая соборная архіерейская мантія, которую Геннадіи признанъ за принадлежащую ему“.

Что касается наружности или, какъ выражается донесеніе, „примѣтъ“ лжеепископа, то полицеймейстеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ его: „Геннадію 38 лѣтъ отъ роду, росту онъ 2 арш. 4 верш., лицо имѣетъ чистое, мускуловатое, сухощавъ, глаза сѣрые, впалые, носъ небольшой, волосы темнорусые, усы и борода рыжеватые“.

„Примѣты эти, — прибавляетъ Пестеревъ,— вполнѣ подходятъ подъ описаніе наружности Геннадія“, и вслѣдъ затѣмъ онъ заканчиваетъ свой рапортъ словами: „обо всемъ вышеизложенномъ произвожу строгое изслѣдованіе“.

Здѣсь будетъ кстати сообщить разсказъ сына Пестерева, студента Казанскаго университета, съ которымъ намъ пришлось встрѣтиться прошлымъ лѣтомъ во время поѣздки на Уралъ, разсказъ о подробностяхъ, сопровождавшихъ арестъ Геннадія. По его словамъ, дѣло происходило такимъ образомъ:

6-го декабря 1862 года, отецъ разсказчика, екатеринбургскій полицеймейстеръ Пестеревъ, встрѣтилъ на улицѣ неизвѣстнаго ему человѣка, который, остановившись, сказалъ ему:

— Если вы хотите захватить Геннадія, то ступайте въ домъ купца Чувакова,—онъ отправляетъ тамъ богослуженіе... Подойдите къ двери и постучитесь, а когда васъ спросятъ, кто такой, то отвѣчайте такъ: „Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ. Свои“. Тогда вамъ отворятъ.

Г. Пестеревъ такъ и сдѣлалъ. Подходя къ дому Чувакова, онъ замѣтилъ, что на углу стоитъ караульный, который поглядываетъ по сторонамъ, нѣтъ ли опасности. Полицеймейстеръ неожиданно бросился на него, но онъ рванулся и пустился было бѣжать; однако, г. Пестеревъ схватилъ его и остановилъ. Караульный закричалъ:

— Только пикни, — сказалъ полицеймейстеръ,—я тебѣ всѣ кишки выпущу!

Оставивъ караульнаго солдатамъ, которые слѣдовали за нимъ, г. Пестеревъ отправился въ домъ. Постучался. „Кто такой?“ спрашиваютъ изнутри, не отворяя дверей. Полицеймейстеръ прочелъ „Господи Іисусе“ и прибавилъ „свои“. Тогда дверь полуотворилась, но затѣмъ тотчасъ же снова была захлопнута. Дѣло въ томъ, что г. Пестеревъ забылъ перемѣнить форменную фуражку, поэтому раскольники, какъ только увидали его кокарду, тотчасъ же быстро захлопнули дверь. Разумѣется, это ни къ чему не повело,—полиція силой вломилась въ домъ.

Арестованный вмѣстѣ съ Геннадіемъ въ домѣ Чувакова „лжесвященникъ“ Ксенофонтъ Вяхиревъ показалъ, что онъ долгое время проживалъ въ Катавъ-Ивановскомъ заводѣ, Уфимскаго уѣзда, въ домѣ временно-обязаннаго крестьянина Павла Киселева. Здѣсь „общество

единомышленниковъ“ сдѣлало ему предложеніе быть у нихъ священникомъ, и онъ изъявилъ на это свое согласіе.

Тогда епископъ Геннадій, въ февралѣ 1861 года, рукоположилъ его сначала въ діаконы, а потомъ и во священники. Обрядъ посвященія былъ совершонъ въ келліи, находящейся въ лѣсахъ, близъ горы Юрмы, около Златоустовскаго завода. Съ этого времени Ксенофонтъ Вяхиревъ носитъ санъ священника, на который ему выдана ставленная грамота за подписью епископа Геннадія. По праву священника, онъ постоянно совершаетъ у своихъ прихожанъ всѣ требы: креститъ, „кастъ“, хоронитъ и т. п. Въ Екатеринбургъ онъ прибылъ вслѣдствіе вызова епископа Геннадія, который прислалъ къ нему письмо съ предложеніемъ явиться въ Екатеринбургъ, но вскорѣ по прибытіи его туда онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Геннадіемъ.

Кромѣ Вяхирева, въ домѣ Чувакова, вмѣстѣ съ Геннадіемъ, былъ арестованъ еще „лженподіаконъ“ Василій Ивановъ Кульковъ. Будучи призванъ къ допросу, Кульковъ объяснилъ, что онъ—старообрядецъ, сынъ уволеннаго отъ обязательной службы мастерового Міасскаго завода. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ прибылъ въ Екатеринбургъ съ цѣлью пріисканія мѣста и вступленія въ бракъ съ „избранною невѣстой“. 11-го ноября, въ домѣ купца Михаила Ушкова, онъ былъ „свѣнчанъ“ по обряду старообрядческому съ „работническою дочерью“ Авдотьею Черепановой. Обрядъ бракосочетанія совершалъ епископъ Геннадій; по окончаніи „свѣнчанія“ Кульковъ былъ поставленъ Геннадіемъ въ „иподіаконы“.

VI.

Секретный совѣщательный комитетъ.

Едва успѣлъ совершиться арестъ Геннадія, какъ по Екатеринбургу начали ходить слухи, которые набрасывали невыгодную тѣнь на дѣйствія лицъ, производившихъ этотъ арестъ. Городская молва указывала на какія-то злоупотребленія, будто бы, допущенныя при арестѣ лжеепископа; произносилось страшное слово взятка; въ довершеніе всего выражалась твердая увѣренность, что Геннадій непремѣнно уйдетъ изъ-подъ ареста.

Слухи эти скоро перешли въ Пермь; здѣсь они не могли, разумѣется, не встревожить мѣстнаго начальства и, главнымъ образомъ, членовъ секретнаго совѣщательнаго комитета по дѣламъ о расколѣ. Такіе комитеты, какъ извѣстно, существовали въ то время во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ расколъ успѣлъ развиться съ особенною силой. Постоянными членами этихъ комитетовъ были: губернаторъ, архіерей, начальникъ губернскаго жандармскаго управленія и нѣкоторыя другія лица изъ числа высшей губернской бюрократіи.

14-го декабря пермскій секретный совѣщательный комитетъ собрался въ особое засѣда-

ніе, чтобы обсудить частныя свѣдѣнія, полученныя нѣкоторыми изъ членовъ комитета относительно обстоятельствъ, сопровождавшихъ арестъ Геннадія. По этимъ свѣдѣніямъ оказывалось, что „при поимкѣ Геннадія полиція вступила въ домъ купца Чувакова не тотчасъ, а по истеченіи нѣкотораго времени, вслѣдствіе чего Геннадій, совершавшій служеніе, получилъ возможность переодѣться и такимъ образомъ не былъ накрытъ на мѣстѣ преступленія".

Далѣе выяснилось, что поимкѣ Геннадія главнымъ образомъ содѣйствовала враждебная геннадіевской „пафнутіевская партія раскольниковъ, слѣдующая другому лжеепископу, Пафнутію, присланному будто изъ Москвы на смѣну Геннадію". Такимъ образомъ, въ перспективѣ всплывало новое дѣло—о новомъ лжеепископѣ Пафнутіи.

Съ цѣлью охарактеризовать отношеніе членовъ совѣщательнаго комитета къ дѣлу, привожу съ буквальною точностью постановленіе, состоявшееся по этому поводу въ комитетѣ 14-го декабря: „Секретный совѣщательный комитетъ, принимая во вниманіе: первое, что найденная при Геннадіи ставленная грамота отъ Антонія, называющаго себя архіепископомъ владимирскимъ и всея Россіи, указываетъ на связь съ другими губерніями, чрезъ что, при надлежащемъ развитіи, дѣло это можетъ получить государственную важность, и второе, что слѣдствію по этому дѣлу должно дать возможно полное развитіе и быстрый ходъ, причемъ, преградивъ виновнымъ всякую возможность уклониться отъ законной отвѣтственности, отвратить всѣ могущія возникнуть попытки къ подлогамъ и извращенію истинной силы

обстоятельствъ дѣла, возможныя въ дѣлахъ сего рода,—опредѣляетъ:

„Просить г. жандармскаго штабъ-офицера, подполковника Комарова, безотлагательно отправиться въ Екатеринбургъ и, принявъ во вниманіе вышеизложенныя соображенія комитета, удостовѣриться, не было ли при поимкѣ Геннадія сдѣлано какихъ-либо упущеній, правильно ли во всѣхъ отношеніяхъ производится слѣдствіе и не слѣдуетъ ли по важности онаго назначить особую слѣдственную комиссію при участіи его, полковника Комарова".

Вмѣстѣ съ этимъ, комитетъ обязалъ Комарова войти въ личныя сношенія съ главнымъ начальникомъ горныхъ заводовъ и вообще употребить съ своей стороны всѣ усилія къ тому, чтобы „настоящему дѣлу дано было полное развитіе, котораго важность онаго требуетъ". Въ особенности же онъ долженъ былъ принять мѣры къ непремѣнному отвращенію всякой возможности виновнымъ уклониться отъ заслуженнаго ими наказанія. Наконецъ, Комаровъ обязанъ былъ выяснить дѣло о новомъ „лжеепископѣ Пафнутіи".

Копіи съ этого постановленія были представлены комитетомъ въ Синодъ и министру внутреннихъ дѣлъ; затѣмъ такая же копія препровождена подполковнику Комарову „для исполненія". По полученіи ея, Комаровъ тотчасъ же входитъ съ представленіемъ къ губернатору объ отпускѣ ему 87 руб. на поѣздку въ Екатеринбургъ, а губернаторъ пишетъ объ этомъ въ казенную палату, которая немедленно же дѣлаетъ распоряженіе о выдачѣ Комарову „просимой суммы".

Комаровъ уѣзжаетъ въ Екатеринбургъ, а 18-го декабря отъ него уже получается телеграмма на имя губернатора такого содержанія: „У Геннадія взято письмо московскаго раскольническаго комитета, подписанное всѣми членами. Грамоты Фелькнеръ отправилъ въ Петербургъ. Необходимо Геннадія вывезти (отсюда), — онъ уже разъ былъ подмѣненъ въ кунгурскомъ острогѣ. Онъ — мастеровой Лысвинскаго завода. Дѣло очень важное. Жду приказанія.—Комаровъ“.

Въ отвѣтъ на это 22-го декабря ему была отправлена такая телеграмма: „Екатеринбургъ. Полковнику Комарову. Ежели, по окончаніи порученія, выѣдете, примите мѣры осторожности при отправкѣ арестанта, если министръ его потребуетъ.—Лошкаревъ“.

Не получивъ отвѣта на эту телеграмму, губернаторъ на другой же день, 23-го декабря, снова телеграфируетъ Комарову, на имя полицеймейстера Пестерева: „Передайте Комарову ожидать моего приказанія. Если онъ выѣхалъ, то увѣдомьте, представлено ли дѣло о Геннадіи въ судъ“.

Въ отвѣтъ на это летитъ телеграмма: „Комаровъ выѣхалъ. Слѣдствіе о Геннадіи оканчивается.—Полицеймейстеръ Пестеревъ“.

Но все это, какъ видно, весьма мало успокоивало губернатора. Мысль о возможности побѣга со стороны Геннадія сильно смущала г. Лошкарева и безпокойство это еще болѣе усиливалось въ немъ, благодаря тому обстоятельству, что онъ, повидимому, не питалъ особеннаго довѣрія къ лицамъ, заправлявшимъ слѣдствіемъ.

Какъ на бѣду, въ это самое время отъ главнаго начальника горныхъ заводовъ, Фелькнера, получается отношеніе, которое неминуемо должно было еще болѣе усилить тревогу губернатора: „Этотъ человѣкъ, — писалъ Фелькнеръ о Геннадіи,—прежде сего дважды уже былъ пойманъ—сначала въ Оренбургской, а потомъ въ Пермской губерніяхъ, а въ 1855 году онъ содержался въ пермскихъ арестантскихъ ротахъ, но всегда успѣвалъ бѣжать. Самое укрывательство его среди раскольниковъ было облечено такой тайной, что было трудно проникнуть ее, а при одномъ изъ побѣговъ, послѣ поимки его въ Кнауфскомъ заводѣ, Геннадій былъ даже подмѣненъ другимъ арестантомъ“.

Въ виду подобныхъ прецедентовъ, Фелькнеръ настаивалъ на необходимости „принятія особыхъ мѣръ, чтобы Геннадій снова не скрылся“. Между прочимъ, онъ предлагалъ, „по окончаніи слѣдствія надъ Геннадіемъ, содержать его въ особомъ мѣстѣ заключенія, какъ, напримѣръ, въ монастырѣ, куда было бы безопаснѣе отправить его съ жандармами. Такимъ образомъ, Фелькнеръ первый какъ бы предрѣшилъ дальнѣйшую судьбу лжеепископа.

Получивъ такое посланіе, губернаторъ начинаетъ волноваться больше прежняго, и результатомъ этого настроенія является новая телеграмма на имя полицеймейстера Пестерева (отъ 26-го декабря): „Окончивъ слѣдствіе, передайте скорѣе дѣло Геннадія въ уѣздный судъ, и какъ только онъ суду не будетъ нуженъ, привезите его въ Пермь подъ строгимъ карауломъ.—Лошкаревъ“.

Слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла, мы уже не встрѣчаемся болѣе съ дѣятельностію секретнаго совѣщательнаго комитета; зато тѣмъ чаще встрѣчаются распоряженія, идущія прямо и непосредственно отъ начальника губерніи, г. Лошкарева.

Въ одномъ изъ своихъ представленій въ Петербургъ губернаторъ, между прочимъ, писалъ: „Геннадій не отвергаетъ званія епископа, напротивъ, показываетъ, что такихъ епископовъ, какъ онъ, въ Россіи двѣнадцать и что имъ, Геннадіемъ, поставлено въ разное время 23 священника. Это указываетъ, что онъ составляетъ звено правильно устроеннаго общества, дѣйствующаго во многихъ губерніяхъ, центромъ коего—г. Москва, и что общество это чувствовало себя уже въ такой степени самостоятельнымъ, что Геннадій не счелъ нужнымъ скрывать объ его существованіи. А потому, чтобы слѣдствіе не осталось при исключительно мѣстномъ значеніи, я бы полагалъ полезнымъ вызвать его въ Петербургъ для дальнѣйшихъ разслѣдованій по его указаніямъ".

Помимо этого, вызовъ Геннадія въ Петербургъ, по мнѣнію губернатора, желателенъ еще потому, что вмѣстѣ съ нимъ въ значительной степени устранилась бы возможность побѣга или подмѣны Геннадія другимъ лицомъ; оставлять же Геннадія въ предѣлахъ Пермской губерніи особенно опасно въ виду явной „приверженности къ нему мѣстнаго раскольническаго населенія". Г. Лошкаревъ напоминаетъ при этомъ, что Геннадій уже три раза бѣгалъ изъ-подъ стражи и укрывался отъ заслуженнаго имъ наказанія.

VII.

„Лжепопы“ и „лжемонахи“.

Въ числѣ лицъ, которыя относились къ дѣлу Геннадія съ особеннымъ рвеніемъ, стараясь, какъ говорится „раздуть“ его и выискать возможно большее количество уликъ противъ Геннадія и его „сообщниковъ“, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ главному начальнику горныхъ заводовъ Уральскаго хребта генералу Фолькнеру. Съ самаго начала слѣдствія онъ принималъ дѣятельное, горячее участіе во всемъ, что только такъ или иначе относилось къ дѣлу.

Недовѣряя мѣстнымъ властямъ, Фолькнеръ поспѣшилъ отправить въ Петербургъ, къ министру финансовъ, грамоты, которыя были найдены у Геннадія при арестѣ его и которыя указывали на существованіе въ Россіи цѣлой правильно организованной духовной старообрядческой іерархіи. Фолькнеръ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобъ открыть и дознать, изъ кого именно состоитъ эта таинственная іерархія, повсюду разсѣявшая своихъ агентовъ, и кто тѣ лица, которыя играютъ въ этой іерархіи роль епископовъ, священниковъ, монаховъ.

Обо всемъ, что только выяснялось слѣдствіемъ по вопросу объ этой „противозаконной іерархіи“, Фелькнеръ тотчасъ же сообщалъ пермскому губернатору и настойчиво просилъ его распоряженіи о розыскѣ и поимкѣ всѣхъ тѣхъ лицъ, на которыхъ падало подозрѣніе, что они такъ или иначе участвовали въ этой „самозванной іерархіи“. Послѣ первыхъ допросовъ, которымъ былъ подвергнутъ арестованный епископъ, Фелькнеръ писалъ Лошкареву: „Геннадій при допросахъ сдѣлалъ указаніе на пребываніе въ разныхъ мѣстахъ и уѣздахъ Пермской губерніи мнимодуховныхъ лицъ, поставленныхъ имъ во священники, съ выдачею ставленныхъ грамотъ. Изъ какого именно званія происходятъ эти лица, Геннадій отозвался незнаніемъ, объяснивъ только, что нѣкоторые изъ нихъ въ означенныхъ мѣстахъ проживаютъ въ своихъ собственныхъ домахъ“. При этомъ Фелькнеръ приводитъ именной списокъ, указанныхъ Геннадіемъ лицъ.

Далѣе, по словамъ Фелькнера, Геннадій высказалъ на допросѣ, что въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ въ Екатеринбургѣ проѣздомъ въ Сибирь епископъ Пафнутій, отправлявшійся для учрежденія сибирской раскольнической іерархіи *). По указанію Геннадія, Пафнутій выбылъ изъ Екатеринбурга, но куда именно-неизвѣстно. Лжеепископъ Пафнутій, судя по разсказамъ Геннадія, имѣетъ около пятидесяти лѣтъ отъ роду и большую окладистую бороду съ просѣдью. Въ заключеніе, Фелькнеръ на-

*) Свиданія Геннадія съ Пафнутіемъ происходили на заводѣ купца Ушакова и въ домѣ купчихи Анны Блохиной, близъ Екатеринбурга.

становится на необходимости немедленно же принять мѣры къ розыску и поимкѣ какъ Пафнутія, такъ и другихъ лицъ, указанныхъ Геннадіемъ.

Съ своей стороны губернаторъ также не щадилъ никакихъ усилій для того, чтобы дознать, изъ кого именно состоитъ и кѣмъ направляется эта неуловимая, прочно установившаяся организація, извѣстная подъ именемъ старообрядческой іерархіи. Его усилія въ этомъ направленіи не остались безъ результатовъ, и вскорѣ ему удалось открыть имена лицъ, занимавшихъ высшія ступени старообрядческой іерархіи. Жандармскій полковникъ Комаровъ, на запросъ губернатора по этому поводу, доставилъ ему слѣдующій списокъ старообрядческихъ епископовъ:

1) Архіепископъ владимирскій и всея Россіи Антоніи.
2) Епископъ Онуфріи—предсѣдатель духовнаго совѣта въ Москвѣ.
3) „ симбирскій - Софроніи. (Всѣ трое поставлены митрополитомъ Кирилломъ).
4) „ саратовскій—Аѳанасій.
5) „ казанскій—Пафнутій.
6) „ кавказскій—Іовъ.
7) „ Варлаамъ, безъ епархіи.
8) „ коломенскій—Пафнутій (запрещенный).
9) „ Израиль } обабезъепархіи.
10) „ Константинъ }
11) „ уральскій—Виталіи.
12) „ пермскій—Геннадіи.

Въ свою очередь, Фелькнеръ доставилъ губернатору подробный списокъ всѣхъ тѣхъ „мнимодуховныхъ" лицъ (помимо епископовъ), о которыхъ упоминалось въ показаніяхъ Геннадія.

Вотъ этотъ списокъ:

„Лжеиноки" и „лжеіеромонахи":

Ананій (пойманъ и содержится въ г. Сарапулѣ), Аввакумъ, Константинъ, Іона, Паисій, Іовъ и Савватій.

„Лжеіереи": Виновій, Аристархъ и Іоаннъ—всѣ трое сарапульскіе. Евгеній екатеринбургскій. Сафоній — сылвинскій, Иларіонъ, Іоаннъ и Александръ оханскіе, Іоаннъ и Макарій—ялуторовскіе. Ксенофонтъ Катавскаго завода (пойманъ въ Екатеринбургѣ вмѣстѣ съ Геннадіемъ), Алексѣй—Златоустовскаго округа, Александръ—шадринскій, Семенъ и Филиппъ—сибирскіе.

„Лжеіеродіаконы": Коментарій (пойманъ въ Екатеринбургѣ). Корнилій и Максимъ.

И, наконецъ, „лжедіаконъ" Романъ, „лжеподіаконъ" Василій (пойманъ въ Екатеринбургѣ вмѣстѣ съ Геннадіемъ) и „священнописецъ" Германъ Златоустовскаго завода.

Препровождая эти списки губернатору, Фелькнеръ снова повторяетъ просьбу о розыскѣ и поимкѣ, какъ Пафнутія, такъ и всѣхъ другихъ „мнимодуховныхъ" лицъ, значащихся въ спискахъ. Характерна резолюція, положенная Лошкаревымъ на бумагѣ Фелькнера: „Сообщить секретно полиціи, чтобы непремѣнно были пойманы". Коротко и внушительно!

И вотъ снова летятъ секретныя предписанія „ко всѣмъ гражданскимъ и земскимъ полиціямъ

Пермской губерніи“ о розыскѣ и поимкѣ лжеиоповъ, лжемонаховъ, лжеепископовъ. Въ то же время сообщается генералъ губернатору Западной Сибири о розыскѣ лжеепископа Пафнутія. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, губернаторъ доноситъ о нихъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Не трудно себѣ представить тѣ ближайшія послѣдствія, какія должны были вызвать эти энергическія распоряженія и предписанія. Исправники и становые, имѣя передъ собою столь категорическое требованіе начальства о непремѣнной поимкѣ „мнимодуховныхъ лицъ“, не гнушались никакими способами, никакими средствами, чтобы выслѣдить и захватить этихъ лицъ. Обыски, аресты, облавы и т. п. „мѣры“ практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Но всѣ эти мѣры вели лишь къ тому, что населеніе губерніи, состоящее почти наполовину изъ старообрядцевъ разныхъ толковъ, еще болѣе замкнулось въ себѣ, еще болѣе стало таиться отъ власти, еще крѣпче стало беречь и хоронить своихъ поповъ и монаховъ. Въ концѣ-концовъ, исправники, несмотря на все свое рвеніе выполнить волю начальства, потерпѣли полное фіаско и принуждены были рапортовать, что, „несмотря на всевозможныя мѣры, принятыя ими къ поимкѣ мнимодуховныхъ лицъ, таковыхъ во вѣренныхъ имъ уѣздахъ не оказалось“.

Счастливѣе другихъ въ этомъ отношеніи былъ оханскій исправникъ. Въ уѣздѣ его по списку значилось трое лжесвященниковъ: Александръ, Іоаннъ и Иларіонъ. Исправнику

удалось „дознать, что священникъ Александръ есть не кто другой, какъ временно-обязанный крестьянинъ графини Строгановой Александръ Михайловъ Путинъ, священникъ Іоаннъ—государственный крестьянинъ деревни Старниковой Иванъ Ивановъ Чечкинъ и, наконецъ, священникъ Иларіонъ—не кто другой, какъ временно-обязанный крестьянинъ деревни Пьянковой Иларіонъ Семеновъ Пьянковъ.

Далѣе исправникъ „дознался", что Путинъ, Чечкинъ и Пьянковъ, дѣйствительно, выдаютъ себя за священниковъ, что они вѣнчаютъ браки, отправляютъ разныя требы и т. п. „Узнавъ объ этомъ, пишетъ исправникъ,—я немедленно же отправился въ деревню Старникову и произвелъ обыскъ въ домѣ крестьянина Чечкина". При этомъ обыскѣ найдено подъ поломъ множество образовъ и книгъ религіознаго содержанія. Все это было отобрано, описано и отправлено въ Пермь къ губернатору.

Просматривая описи отобранныхъ при обыскѣ вещей, вы встрѣчаете тамъ: лѣстовки, поясъ изъ бѣлой парчи съ шелковыми завязками изъ красныхъ лентъ, кресты, двѣ тетради, писанныя полууставомъ, изъ которыхъ одна начинается словами: „Прекрасная мати пустыня", на 9 листахъ, а другая безъ начала и конца, на 17 листахъ, печатныя книги въ кожаныхъ доскахъ; одна изъ такихъ книгъ называется „Символомъ". Но особенно много было найдено и отобрано деревянныхъ иконъ и мѣдныхъ складней.

Чечкинъ былъ немедленно арестованъ. Затѣмъ становымъ приставамъ было предписано исправникомъ произвести обыски у остальныхъ

заподозрѣнныхъ лицъ, т.-е. у Путина и Пьянкова, и также арестовать ихъ. Когда все это было исполнено, исправникъ вошелъ къ губернатору съ вопросомъ, что ему дѣлать съ арестованными „лжепопами“ и не отправить ли ихъ въ Пермь.

Но такъ какъ и самъ губернаторъ не зналъ хорошенько, какое именно направленіе приметъ возбужденное дѣло, то и не могъ разрѣшить недоумѣнія исправника. Послѣднему было дано знать только, чтобъ онъ „учредилъ строжайшій надзоръ за арестованными лжепопами и оставилъ бы ихъ въ Оханскѣ впредь до особаго распоряженія“.

VIII.

Неудавшаяся попытка.

Вѣсть объ арестѣ Геннадія быстро разнеслась по Екатеринбургу и его окрестностямъ. Больше всего этому способствовали старообрядцы, присутствовавшіе при богослуженіи въ домѣ Чувакова въ день ареста лжеепископа (6-го декабря). Всего на этомъ богослуженіи присутствовало семьдесятъ человѣкъ; всѣ они были опрошены полиціймейстеромъ Пестеревымъ и затѣмъ отпущены по домамъ.

Въ числѣ этихъ лицъ находился, между прочимъ, крестьянинъ деревни Пепляковъ, Уржинской волости, Владиміръ Кондратьевъ Першинъ, горячій приверженецъ Геннадія. Незадолго до происшествія 6-го декабря, Першинъ прибылъ въ Екатеринбургъ съ тѣмъ, чтобы принять священство отъ Геннадія, но внезапный арестъ лжеепископа помѣшалъ этому.

Есть много основаній полагать, что Геннадій пользовался большимъ уваженіемъ среди мѣстнаго старообрядческаго населенія; понятно, поэтому, что арестъ его не могъ не произвести между ними сильнаго впечатлѣнія. Послѣдователи Геннадія рѣшили хлопотать объ его освобожденіи, думая для этого пустить въ ходъ подкупъ. Предполагалось, въ случаѣ успѣха,

переправить Геннадія за границу. Съ этою цѣлью Перинъ добился свиданія съ арестованнымъ епископомъ, который содержался въ это время при екатеринбургскомъ полицейскомъ управленіи, куда онъ былъ препровожденъ тотчасъ же послѣ ареста. Какимъ образомъ устроилось это свиданіе, изъ дѣлъ не видно; но, судя по многимъ данным, можно заключить, что Геннадія содержали въ Екатеринбургѣ совсѣмъ не подъ такимъ „строжайшимъ карауломъ“, о какомъ писалъ губернаторъ Лошкаревъ.

При свиданіи Геннадій просилъ Перина отправиться въ Москву вмѣстѣ съ другимъ старообрядцемъ, екатеринбургскимъ мѣщанином, фамилія котораго не была обнаружена слѣдствіемъ. Въ Москвѣ Перинъ и его товарищъ, прежде всего, должны были подать прошеніе „тамошнему лжепатріарху и архіепископу Антонію“ съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Затѣмъ, на ихъ обязанность было возложено „сдѣлать гласнымъ арестъ Геннадія среди общества московскихъ купцовъ-старообрядцевъ“, со стороны которыхъ ожидалось активное и вѣское содѣйствіе въ дѣлѣ освобожденія Геннадія изъ-подъ стражи.

Прошеніе на имя архіепископа Антонія было написано одною „екатеринбургскою купеческою дѣвицею“, фамилія которой также не была открыта. Получивъ прошеніе и всѣ нужныя наставленія, Перинъ, въ сопровожденіи товарища своего, екатеринбургскаго мѣщанина-старообрядца, двинулся въ путь, но прежде заѣхалъ къ себѣ домой въ свою деревню, чтобы „выправить паспортъ“.

Здѣсь сотоварищъ его „за старостью и болѣзнью“ отказался ѣхать въ Москву и просилъ Першина, чтобъ онъ одинъ отправился къ Антонію, при чемъ передалъ ему деньги на расходы, а самъ вернулся обратно въ Екатеринбургъ. Тогда Перинъ пригласилъ ѣхать съ собою въ Москву брата своего, Тита Кондратьева Перина.

Братья пришли въ волость и заявили о выдачѣ имъ паспортовъ на отлучку.

— Зачѣмъ вамъ паспорты? Куда вы ѣдете? спрашивали ихъ въ волости.

— Ѣдемъ въ Пермь хлопотать о переселеніи въ Томскую губернію,—отвѣчали Перины.

Получивъ паспорты, Перины 17-го декабря выѣхали изъ дома по направленію къ Перми, разсчитывая тамъ взять билетъ конторы вольныхъ почтъ. Но едва они успѣли сдѣлать нѣсколько станцій, какъ вслѣдъ за ними отправляется погоня: оказалось, что замыслы ихъ были открыты полиціей.

Першихъ выдалъ мастеровой Тисовскаго завода, Красноуфимскаго уѣзда, Николай Ивановъ Васильевъ, который находился въ это время въ Урмахъ, занимаясь шитьемъ платья. Васильевъ ходилъ изъ дома въ домъ, „обшивая крестьянъ“. Въ то время, какъ Владиміръ Першинъ пріѣхалъ изъ Екатеринбурга, Васильевъ былъ у нихъ въ домѣ; такимъ образомъ, ему пришлось присутствовать при сборахъ братьевъ въ Москву съ цѣлью освободить Геннадія и слышать тѣ разговоры, какіе велись по этому поводу.

Слѣдуетъ замѣтить, что Урминская волость считается однимъ изъ главныхъ центровъ

раскола въ Пермской губерніи; почти все населеніе этой волости сплошь состоитъ изъ раскольниковъ. Этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что Перинъ, явившись туда, совсѣмъ, повидимому, не считалъ нужнымъ (за исключеніемъ волости) скрывать о цѣли своего путешествія.

Разговоры о необходимости освободить Геннадія велись открыто, безъ всякихъ конспиративныхъ пріемовъ и уловокъ. Васильевъ дѣлалъ видъ, что вполнѣ раздѣляетъ взгляды Периныхъ и сочувствуетъ ихъ замыслу; мало этого, онъ даже оказывалъ имъ услуги въ ихъ приготовленіяхъ. Такъ, когда Перинъ вложилъ въ пакетъ прошеніе на имя Антонія, то Васильевъ написалъ адресъ на этомъ пакетѣ и запечаталъ его.

Проводивъ Периныхъ въ путь, Васильевъ ѣдетъ въ Кунгуръ и доноситъ обо всемъ исправнику; исправникъ, памятуя губернаторскія предписанія о необыкновенной важности дѣла Геннадія, тотчасъ же садится въ сани и несется преслѣдовать Периныхъ. Онъ гонится за ними вплоть до Каяновской станціи, но не могъ нагнать и принужденъ былъ вернуться обратно.

Вслѣдъ за этимъ исправникъ шлетъ губернатору рапортъ, въ которомъ подробно излагаетъ все, что удалось ему узнать отъ Васильева относительно замысла братьевъ Периныхъ. Далѣе, онъ сообщаетъ №№, за которыми выданы Перинымъ паспорты, и описываетъ ихъ наружность или примѣты. По описанію исправника, Владиміръ Перинъ имѣетъ 31 годъ отъ роду, ростомъ 2 арш. $2^{7}/_{8}$ вершк., „волосы

и брови нѣсколько темнорусые, глаза сѣрые. носъ и ротъ обыкновенные, подбородокъ круглый, лицо чистое, знаетъ грамоту, женатъ своднымъ бракомъ, особыхъ примѣтъ не имѣетъ".

Вѣроятно, братья Перины были очень схожи между собою по внѣшности, такъ какъ примѣты другого брата Тита, по описанію исправника, совершенно совпадаютъ съ примѣтами Владимира: тѣ же сѣрые глаза, то же „чистое лицо", „круглый подбородокъ", волосы и брови „нѣсколько темнорусые", „носъ и ротъ обыкновенные" и т. д. Подобное шаблонное описаніе едва ли могло сколько-нибудь облегчить поиски полиціи. Гораздо существеннѣе въ этомъ отношеніи было указаніе на № билета, взятаго Перинымъ изъ кунгурской конторы вольныхъ почтъ.

Въ рапортѣ своемъ исправникъ напоминаетъ, что Геннадіи есть не кто иной, какъ арестантъ Иларіонъ Старцевъ, бѣжавшій въ 1859 году при пересылкѣ его отъ исправника Юговскихъ заводовъ къ приставу 3-го стана Кунгурскаго уѣзда. Подмѣненный крестьяниномъ Курдюковымъ, Иларіонъ Старцевъ (Геннадіи то жъ) скрылся тогда неизвѣстно куда. Курдюковъ же послѣ этого долгое время содержался въ кунгурскомъ тюремномъ замкѣ. Въ то же самое время и въ томъ же самомъ острогѣ содержался и мастеровой Васильевъ. За что именно и по какому дѣлу содержался въ тюрьмѣ Васильевъ, изъ рапорта исправника не видно; извѣстно только, что „не за вѣру".

Изъ дѣлъ, бывшихъ въ нашемъ разсмотрѣніи, не видно, что имѣло было предпринято по поводу рапорта кунгурскаго исправника, а

также не видно, были ли поїманы Перины, или же они благополучно достигли Москвы. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, слѣдуетъ предполагать, что имъ удалось избѣжать преслѣдованій, но были ли они въ Москвѣ и если были, то что именно удалось имъ сдѣлать въ пользу задуманной цѣли, намъ не извѣстно. Какъ бы то ни было, но очевидно, что попытка ихъ добиться освобожденія Геннадія при помощи московскаго общества старообрядцевъ потерпѣла полное фіаско.

Слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла о Геннадіи, мы еще разъ встрѣчаемся съ именемъ Владимира Перина. Оказывается, что, потерявъ надежду на помощь со стороны московскаго общества старообрядцевъ, онъ рѣшился обратиться съ ходатайствомъ объ освобожденіи Геннадія къ высшей власти.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года статсъ-секретарь у принятія прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, препроводилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйшее прошеніе проживающихъ въ Екатеринбургѣ крестьянъ Николая Журавлева и Владимира Перина объ освобожденіи изъ-подъ стражи раскольническаго епископа Геннадія, священника Вяхирева и иподіакона Кулькова.

Въ свою очередь, министръ внутреннихъ дѣлъ съ предложеніемъ отъ 15-го мая обратился къ пермскому губернатору и поручилъ ему объявить просителямъ, что такъ какъ „дѣло о лжеепископѣ Геннадіи, Вяхиревѣ и Кульковѣ находится въ производствѣ въ судебномъ мѣстѣ, то дальнѣйшее разрѣшеніе ихъ участи будетъ зависѣть отъ этого мѣста“...

IX.

Подъ стражею.

Мы уже упоминали, съ какимъ безпокойствомъ и тревогою слѣдилъ пермскій губернаторъ за производствомъ слѣдствія по дѣлу о Геннадіи. Ему все казалось, что мѣстныя власти недостаточно строго относятся къ Геннадію, недостаточно зорко слѣдятъ за нимъ, что онѣ не могутъ проникнуться сознаніемъ огромной „государственной важности“ этого дѣла. Его пугаетъ и страшитъ мысль о томъ, что Геннадій, того гляди, уйдетъ изъ-подъ ареста. И вотъ онъ шлетъ въ Екатеринбургъ телеграмму за телеграммой о болѣе строгомъ карауле и надзорѣ за лжеепископомъ.

Вскорѣ обнаружилось, что безпокойство губернатора имѣло свои основанія. 5-го января 1863 года въ Перми получилась на имя губернатора бумага министра внутреннихъ дѣлъ, Валуева, такого содержанія: „Въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ получены свѣдѣнія, что задержанный въ г. Екатеринбургѣ лжеепископъ Геннадій содержится подъ присмотромъ въ полицейскомъ домѣ, гдѣ свободно навѣщаютъ его раскольники и особенно жены ихъ, между которыми есть много весьма богатыхъ. Они

относится къ нему съ уваженіемъ и, какъ слышно, стараются освободить его изъ-подъ ареста, для чего и собрали довольно значительную сумму денегъ".

Далѣе въ бумагѣ высказывалось, что „отобранное у Геннадія письмо показываетъ, что и въ Москвѣ заботятся объ освобожденіи его для отправленія въ болѣе безопасное мѣсто за границу. Въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у Геннадія, есть также письмо къ нему изъ Москвы отъ собора лжеепископовъ. Такъ какъ Геннадій уже два раза былъ ловимъ, но каждый разъ находилъ случай уйти, то содержаніе его при полиціи не безопасно".

Въ виду этого, министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ губернатору „принять мѣры къ устраненію изложенныхъ опасеній, сдѣлавъ распоряженіе о переводѣ лжеепископа Геннадія въ болѣе надежное мѣсто и о строжайшемъ тамъ за нимъ надзорѣ, съ прекращеніемъ ему возможности входить въ сношенія съ раскольниками".

Въ концѣ этой бумаги министромъ, статсъ-секретаремъ Валуевымъ, сдѣлана собственноручная приписка такого рода: „объ исполненіи же меня увѣдомить, съ присовокупленіемъ, когда присутствіе Геннадія на мѣстѣ будетъ не нужно для производящагося изслѣдованія".

Получивъ эту бумагу, губернаторъ кладетъ на ней резолюцію: „Сейчасъ же спросить по телеграфу полицеймейстера, передано ли дѣло въ уѣздный судъ, и ежели Геннадій не нуженъ, то чтобъ ускорить доставленіе его въ Пермь".

Спустя нѣсколько дней, полицеймейстеръ Пестеревъ доноситъ губернатору телеграммой, что „дѣло Геннадія 21-го января будетъ передано главному начальнику горныхъ заводовъ, а 23-го въ судъ“.

Тогда губернаторъ спѣшитъ дать наставленіе суду: „По важности обстоятельствъ, заключающихся въ слѣдственномъ дѣлѣ о поіманномъ въ Екатеринбургѣ лжеепископѣ Геннадіи, пишетъ г. Лошкаревъ, — предлагаю уѣздному суду:

„1) безотлагательно приступить къ разсмотрѣнію сего дѣла и

„2) тотчасъ по минованіи надобности въ личности Геннадія увѣдомить о семъ екатеринбургскаго полицеймейстера, для отправленія его, Геннадія, согласно особому распоряженію“.

Одновременно съ этимъ, губернаторъ пишетъ полицеймейстеру Пестереву, чтобы онъ „немедленно по окончаніи дѣла лично самъ привезъ Геннадія въ Пермь подъ строгимъ карауломъ“. Не успѣлъ, вѣроятно, Пестеревъ получить эту бумагу, какъ телеграфъ приноситъ ему новое подтвержденіе губернатора: „Телеграфируйте: скоро ли окончится дѣло о Геннадіи и онъ будетъ доставленъ въ Пермь?“

Наконецъ, 27-го января, полицеймейстеръ Пестеревъ, „подъ прикрытіемъ одиннадцати человѣкъ конвойныхъ, благополучно привезъ лжеепископа въ Пермь“ *). На рапортъ, который по этому поводу былъ представленъ по-

*) На „доставку„ Геннадія въ Пермь полицеймейстеромъ Пестеревымъ было израсходовано 198 руб. 81 коп. казенныхъ денегъ.

лицеймейстеромъ губернатору, послѣдній положилъ резолюцію: „Заключить въ тюремный замокъ и донести г. министру внутреннихъ дѣлъ, присовокупивъ, что дѣло передано въ екатеринбургскій уѣздный судъ, и что онъ (Геннадій) здѣсь болѣе не нуженъ“.

Въ тотъ же день, пермскій полицеймейстеръ рапортовалъ губернатору, что лжеепископъ Геннадій принятъ имъ и „заключенъ въ мѣстный тюремный замокъ подъ личный надзоръ тюремнаго смотрителя“. При этомъ Геннадій былъ снова обысканъ; деньги и разныя „одежныя вещи“, которыя оказались при немъ, были отобраны и переданы на храненіе тюремному смотрителю. Но, кромѣ этого, при Геннадіи были найдены: черная мантія, скуфья, книга подъ заглавіемъ „Богослуженіе русской Церкви до монгольскаго времени“, тетрадка и рукопись, содержащая біографію лжеепископа Геннадія. Все это также было отобрано отъ Геннадія, при чемъ мантія и скуфья переданы были екатеринбургскому полицеймейстеру „для пріобщенія къ дѣлу“, рукописи же и книга препровождены къ архіерею. При этомъ губернаторъ спрашивалъ преосвященнаго: могутъ ли быть возвращены Геннадію найденныя у него рукописи и книга, или же онѣ должны быть подвергнуты разсмотрѣнію въ установленномъ порядкѣ.

Получивъ этотъ запросъ, архіепископъ пермскій Неофитъ передалъ книгу и рукописи Геннадія на разсмотрѣніе духовной консисторіи, которая, по обсужденіи возбужденнаго вопроса, пришла къ слѣдующему заключенію:

1. Книга „Богослуженіе русской Церкви до монгольскаго времени“ есть извѣстное сочиненіе Филарета, епископа рижскаго, изданное Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Хотя во многихъ мѣстахъ этой книги на поляхъ написано „зри“, тѣмъ не менѣе эти мѣста никакъ не могутъ быть истолкованы въ пользу раскола.

2. Найденная при Геннадіи тетрадка, заключаетъ въ себѣ разсказъ обратившагося въ православіе старообрядца о времени пребыванія его въ расколѣ. Ближайшее разсмотрѣніе этой тетрадки убѣдило духовную консисторію, что заключающійся въ ней разсказъ „есть описаніе приключеній и бродяжничества извѣстнаго арестанта Ведерникова“. Тетрадка эта даетъ нѣкоторое понятіе о современномъ состояніи раскола.

3. Біографія лжеепископа Геннадія составляетъ особую записку, адресованную на Высочайшее имя и заключающую въ себѣ описаніе происхожденія и бродяжничества Геннадія. Описывая свои дѣтскіе годы, Геннадій находитъ въ нихъ разные прообразы своего епископства: побѣгъ свой изъ арестантскихъ ротъ объясняетъ особымъ содѣйствіемъ ангела, который явился къ нему съ неба; при этомъ бывшіе на немъ „тридесяти-фунтовыя кандалы“ сами спали съ него. Почувствовавъ, что цѣпи спали, Геннадій оставилъ мѣсто работы и направился черезъ городъ въ лѣса и горы; при этомъ совершилось другое чудо: арестанты, которые работали вмѣстѣ съ нимъ, а также всѣ встрѣчавшіеся съ нимъ въ то время, какъ онъ въ арестантскомъ костюмѣ проходилъ по го-

родскимъ улицамъ,—„всѣ были аки слѣпы“ и не замѣчали его бѣгства.

Побѣгъ же свой изъ Юго-Кнауфскаго завода Геннадій объясняетъ тѣмъ, что самъ заводскій исправникъ, при поимкѣ его въ означенномъ заводѣ, далъ ему совѣтъ скрыть званіе епископа и показать себя какимъ-нибудь обыкновеннымъ старцемъ. Геннадій такъ и сдѣлалъ; затѣмъ за тысячу рублей серебромъ онъ былъ отпущенъ и даже отправленъ на лошадяхъ въ Екатеринбургъ.

Далѣе въ біографіи разсказывается о томъ, какъ Геннадій защищалъ законность австрійской іерархіи и „другіе раскольническія мудрованія“ предъ преосвященнымъ Митрофаномъ, епископомъ екатеринбургскимъ. Вообще, по отзыву духовной консисторіи, вся біографія Геннадія „наполнена раскольническими лжемудрованіями“ и потому никакъ не можетъ быть выдана обратно Геннадію, а должна храниться при библіотекѣ мѣстной духовной семинаріи. Архіепископъ Неофитъ согласился съ отзывомъ духовной консисторіи.

Между тѣмъ, Геннадій, сидя въ тюрьмѣ и ничего не зная о судьбѣ отобранныхъ отъ него вещей, вошелъ съ прошеніемъ къ губернатору, ходатайствуя о возвращеніи ему „келейной мантіи“, которая особенно была необходима ему въ виду того, что безъ нея онъ - епископъ—принужденъ былъ облечься въ арестантскій халатъ. Привожу здѣсь, съ буквальною точностью, не измѣняя ничего, кромѣ знаковъ препинанія, прошеніе Геннадія, написанное имъ по этому поводу:

„Его превосходительству

„Господину пермскому губернатору

„Нижайшее прошеніе.

„Я, нижеподписавшійся, прошу ваше пр—ство въ томъ, что поступилъ изъ Екатеринбурга на 27 число генваря текущаго года и привезенъ въ тюремный пермскій замокъ. При осмотрѣ вещей отобрана (отъ меня) келейная мантія, безъ которой я не могу оставаться, въ крайнемъ нахожусь неуважительномъ положеніи, также и стѣсненіи религіозномъ, насопротивъ комитета, отъ іюня 26 изданнаго, какъ можете видѣть сами въ Сынѣ Отечества 1861 года декабря 1-го № 288. Но эта мантія по обсужденію прежде была отдана мнѣ въ руки, а нынѣ опять отобрали. И такъ, въ ожиданіи вашего превосходительства. Писалъ Божіею милостію смиренный Геннадій, епископъ пермскій древлеправославныхъ христіанъ".

Это, какъ видите, довольно-таки безграмотное прошеніе написано самимъ Геннадіемъ на листѣ сѣрой бумаги крупнымъ, ученическимъ почеркомъ. По этому поводу намъ припоминается газетное извѣстіе, проскользнувшее какъ-то въ печати и рисовавшее Геннадія хорошо образованнымъ человѣкомъ, владѣющимъ, между прочимъ, греческимъ языкомъ. Если судить по приведенному нами прошенію, то извѣстіе это является болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Ссылка же Геннадія на № „Сына Отечества" указываетъ на его наивность и полное незнакомство съ порядками, существующими въ сферѣ официальныхъ дѣлъ и сношеній.

Прошеніе Геннадія не было уважено, и вскорѣ ему было объявлено, что ходатайство его „оставлено безъ послѣдствій, такъ какъ мантія пріобщена къ дѣлу“.

Вообще, заключеніе Геннадія въ пермскомъ тюремномъ замкѣ было обставлено самымъ строгимъ и тщательнымъ надзоромъ. Полицеймейстеръ обязанъ былъ каждую недѣлю подробно рапортовать губернатору обо всемъ, что такъ или иначе относилось до Геннадія. Приведу одинъ изъ этихъ рапортовъ.

„Въ теченіе истекшей недѣли,—пишетъ полицеймейстеръ,—посѣтителей къ лжеепископу Геннадію не было, но въ тюрьму являлись разныя лица и приносили съ собою подаяніе для передачи Геннадію. Такъ, 9-го февраля, кучеръ отъ купца Куприяна Суслова принесъ два французскихъ хлѣба, пирогъ съ рыбою и блины; все это, по надлежащемъ осмотрѣ, передано было лжеепископу. Затѣмъ являлась съ подаяніемъ родственница купца Андрея Матвѣева, Наталья Мокѣева; но такъ какъ она требовала личнаго свиданія съ Геннадіемъ, то поэтому не была допущена“.

X.

Прошлое Геннадія.

Первыя свѣдѣнія о прошломъ Геннадія были сообщены пермскимъ архіепископомъ Неофитомъ. Какъ только сдѣлалось извѣстно объ арестѣ лже-епископа, Неофитъ сообщилъ губернатору слѣдующія данныя о прошлой жизни Геннадія.

Выдающій себя за епископа Геннадія есть не кто другой, какъ бѣглый крестьянинъ Лысвинскаго завода княгини Бутеро, по фамиліи Григорій Васильевъ Бѣляевъ. Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, когда ему было не болѣе 18-ти лѣтъ отъ роду, онъ скрылся изъ мѣста своего жительства и около двадцати лѣтъ находился въ безвѣстной отлучкѣ. На мѣстѣ родины, въ Лысвинскомъ заводѣ, у него осталось три брата: Ѳедоръ, Яковъ и Дмитрій Бѣляевы; семейство это состояло и состоитъ въ расколѣ; раскольникомъ былъ и Григорій. Въ дѣтствѣ онъ учился въ мѣстной школѣ и въ это время, несмотря на свою принадлежность къ расколу, постоянно ходилъ въ православную церковь. „Дѣло о немъ по расколу не возбуждалось; но за побѣгъ онъ былъ судимъ и наказанъ въ стѣнахъ полиціи

плетьми“ (далѣе мы увидимъ, что этотъ послѣдній фактъ не вѣренъ).

Въ другой разъ, преосвященный Неофитъ сообщалъ, что Геннадій есть тотъ же самый человѣкъ, который въ 1859 году, подъ именемъ инока Иларіона Старцева, былъ пойманъ въ Юго-Кнауфскомъ заводѣ, но „снова отпущенъ заводскимъ исправникомъ Брусницынымъ и подмѣненъ другимъ бродягою-раскольникомъ Спиридономъ Курдюковымъ“. Этотъ послѣдній, пишетъ Неофитъ, „конечно (?) за деньги согласился выдать себя за Геннадія въ той мысли, что и безъ того ему не миновать кунгурскаго острога“.

Дѣло о Курдюковѣ рѣшено и, по указу пермской судебной палаты отъ 4-го мая 1862 года, Курдюковъ „подвергнутъ наказанію розгами шестидесятью ударами“ и, кромѣ того, съ него взыскано 50 рублей серебромъ. Такому же точно наказанію были подвергнуты вмѣстѣ съ Курдюковымъ двое другихъ мастеровыхъ—Кудринъ и Умятниковъ: они также были признаны виновными въ устройствѣ побѣга Геннадія.

Что же касается мастерового, назвавшагося при поимкѣ инокомъ Иларіономъ Старцевымъ, то, будучи подмѣненъ Курдюковымъ, онъ скрылся въ кунгурскихъ лѣсахъ, а затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, явился въ Екатеринбургъ, гдѣ „впослѣдствіи объявилъ себя епископомъ Геннадіемъ“. Курдюковъ же, по освобожденіи изъ тюремнаго замка, также отправился въ Екатеринбургъ, чтобы здѣсь принять отъ Геннадія рукоположеніе во священники. Но здѣсь въ декабрѣ оба они были захвачены въ домѣ купца Чувакова.

Откуда узналъ преосвященный Неофитъ объ арестѣ Курдюкова, изъ его переписки не видно; по всей вѣроятности, онъ ошибочно принялъ за Курдюкова священника Ксенофонта Вяхпрева, арестованнаго вмѣстѣ съ Геннадіемъ.

Болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія о прошломъ Геннадія сообщали екатеринбургскій полицеймейстеръ и, особенно, общее присутствіе екатеринбургскаго уѣзднаго суда и мѣстнаго городового магистрата.

Отецъ Геннадія, крѣпостной человѣкъ княгини Бутеро, Василій Бѣляевъ, былъ женатъ на крестьянкѣ Дарьѣ Фроловой; они имѣли свой собственный домъ въ Лысвинскомъ заводѣ. По словамъ Геннадія, отецъ его давно уже умеръ; что же касается матери его, то онъ не знаетъ навѣрное, жива ли она. Изъ сосѣдей, которые жили около нихъ въ заводѣ, Геннадій помнитъ только крестьянъ Вахрушевыхъ, другихъ же никого не помнитъ. 18-ти лѣтъ онъ бросилъ домъ и удалился въ лѣса „для богомолія“. Въ расколѣ онъ не состоитъ, а считаетъ себя христіанпномъ древней православной Церкви. Со времени бѣгства въ лѣса онъ ни разу не былъ въ домѣ своего отца.

Сначала Геннадій жилъ въ лѣсахъ около Кунгура, „въ раскольническомъ скитѣ“, состоящемъ изъ нѣсколькихъ келлій, населенныхъ старообрядцами, искавшими спасенія вдали отъ грѣховнаго міра. Настоятелемъ у нихъ былъ схимникъ Никита. Кто именно были эти люди, откуда и какого они званія, ему, Геннадію, неизвѣстно. Теперь этого скита уже не существуетъ и келліи разорены. Опасаясь погони,

жившіе въ скитѣ отшельники начали ходить съ мѣста на мѣсто. Во время этихъ переходовъ старецъ Никита былъ пойманъ властями и заключенъ въ острогъ въ городѣ Осѣ; отсюда онъ былъ переведенъ въ кунгурскій тюремный замокъ, гдѣ и умеръ.

Послѣ этого, Геннадій оставилъ кунгурскіе лѣса и удалился въ Уральскъ, а оттуда около 1853 года перебрался въ Саратовскую губернію. Здѣсь онъ разыскивалъ старообрядческаго епископа (австрійскаго рукоположенія) Аѳанасія. Наконецъ, благодаря указаніямъ и наведенію мѣстныхъ жителей, ему удалось встрѣтиться съ Аѳанасіемъ въ лѣсахъ Хвалынскаго уѣзда.

Съ этихъ поръ они начали путешествовать вмѣстѣ. Нѣкоторое время они имѣли пріютъ близъ города Хвалынска, въ домѣ купеческой дочери Анны Козьминой, жившей „въ саду“. Здѣсь Геннадій получилъ отъ епископа Аѳанасія иноческое постриженіе и санъ іеродіакона.

Изъ Хвалынскаго уѣзда инокъ Геннадій снова отправился въ путешествіе съ проповѣдью о старой вѣрѣ. На этотъ разъ онъ ударился на востокъ и бродилъ по степямъ и горамъ Оренбургской губерніи. Здѣсь онъ встрѣтился и вскорѣ близко сошелся съ двумя старообрядческими монахами—Серафимомъ и Аарономъ. Они начали было путешествовать всѣ вмѣстѣ, но вскорѣ, а именно въ мартѣ мѣсяцѣ 1854 года, были задержаны въ Белебеевскомъ округѣ исправникомъ Усене-Ивановскаго завода. Они были арестованы и затѣмъ, по допросѣ, отправлены въ мѣста при-

писки: Ааронъ—въ Екатеринбургъ, Геннадіи—въ Пермь, а Серафимъ, какъ мѣстный уроженецъ, оставленъ въ Белебеѣ.

Началось дѣло, во время котораго Геннадій содержался въ пермскомъ тюремномъ замкѣ; но случилось такъ, что слѣдователь не обратилъ вниманія на заявленіе Геннадія о томъ, что онъ носитъ санъ іеродіакона. По рѣшенію „судебнаго мѣста", Геннадій былъ переведенъ въ арестантскія роты, при чемъ онъ долженъ былъ подвергнуться наказанію плетьми; но, вслѣдствіе Высочайшаго манифеста, приговоръ суда относительно наказанія Геннадія плетьми не былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ арестантскихъ ротахъ Геннадій пробылъ до 14-го сентября 1855 года. Въ этотъ день вечеромъ, Геннадій, находясь вмѣстѣ съ другими арестантами на городской работѣ, бѣжалъ и скрылся въ кунгурскихъ лѣсахъ. Здѣсь онъ прожилъ зиму, а лѣтомъ онъ снова ушелъ въ Хвалынскій уѣздъ, къ лжеепископу Аѳанасію, который съ радостію и восторгомъ привѣтствовалъ своего стараго друга, такъ много пострадавшаго за „правую вѣру".

Съ этихъ поръ начинается быстрое возвышеніе Геннадія, какъ человѣка уже испытаннаго. 29-го октября 1856 года, онъ былъ поставленъ епископомъ Аѳанасіемъ въ пресвитеры, а 21-го ноября того же года въ архимандриты. Обрядъ поставленія происходилъ, по словамъ Геннадія, въ домѣ той же купеческой дочери Анны Козьминой, у которой они жили нѣсколько лѣтъ назадъ.

Но этимъ не ограничились „повышенія", выпавшія на долю Геннадія за его испытанную

стойкость въ дѣлѣ исповѣдыванія и распространенія старой вѣры: епископъ Аѳанасій отправилъ своего друга въ Москву къ Антонію, архіепископу владимирскому и всея Россіи, какъ человѣка достойнаго воспринять санъ епископа. Геннадій выѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ священникомъ Пафнутіемъ.

Нужно думать, что Геннадій и Пафнутій, явившись въ Москву, произвели вполнѣ благопріятное впечатлѣніе какъ на архіепископа Антонія, такъ и на духовный старообрядческій совѣтъ. Оба они были признаны достойными епископскаго сана, при чемъ рѣшено было, что обрядъ посвященія будетъ совершонъ въ знаменитыхъ Гуслицахъ.

Къ назначенному дню въ Гуслицы съѣхались члены духовнаго совѣта, архіепископъ Антоній и многіе другіе чины высшей старообрядческой іерархіи. 9-го января 1857 года Геннадій былъ посвященъ въ епископы, а на другой день, 10-го января, тотъ же самый обрядъ совершонъ былъ надъ священникомъ Пафнутіемъ.

Посвященіе это совершено было съ необыкновенною торжественностью; кромѣ архіепископа Антонія, богослуженіе совершали епископы: кавказскій—Іовъ и зыбковскій—Кононъ*). На Геннадія было возложено все архіерейское облаченіе: подрясникъ съ источниками, крестовая епитрахиль, поручи, поясъ съ источниками, набедренникъ, фелонь крестовая, омофоръ, панагія, наперсный крестъ, митра и, наконецъ, ему вручонъ былъ жезлъ. Затѣмъ Геннадію

---

*) Впослѣдствіи епископъ Кононъ, по словамъ Геннадія, былъ арестованъ и умеръ въ тюрьмѣ.

была пожалована походная церковь, въ видѣ особаго рода палатки.

Вслѣдъ за поставленіемъ въ епископы, Геннадію вручена была ставленная грамота на пермскую епархію, та самая, которая впослѣдствіи была отобрана отъ него при арестѣ 6-го декабря. Назначеніемъ Геннадія въ пермскую епархію, которая съ давнихъ поръ считается однимъ изъ главнѣйшихъ очаговъ раскола старообрядчества, духовный совѣтъ какъ бы воздалъ должное за всѣ заслуги, оказанныя этимъ лицомъ дѣлу старовѣрія.

Принявъ посвященіе и получивъ благословеніе Антонія, епископъ Геннадій отправился въ назначенную ему епархію; но онъ не избралъ себѣ постояннаго мѣста для своего жительства, а переѣзжалъ съ одного мѣста на другое, навѣщая также и сосѣднія съ Пермскою губерніи: Оренбургскую, Вятскую и Тобольскую. Городъ Екатеринбургъ былъ центральнымъ пунктомъ того района, который былъ отведенъ для дѣятельности Геннадія. Въ этомъ городѣ у него, по его собственному показанію, было 300 человѣкъ прихожанъ изъ числа мѣстныхъ старообрядцевъ.

За время своего управленія пермскою епархіей Геннадій обнаружилъ необыкновенную дѣятельность на пользу старообрядчества. Безпрестанно разъѣзжая изъ конца въ конецъ по Пермской и сосѣднимъ съ нею губерніямъ, онъ всюду находилъ приверженцевъ „древняго благочестія“, наставлялъ и укрѣплялъ ихъ въ вѣрѣ, отправлялъ богослуженіе, поставлялъ священниковъ и другихъ чиновъ іерархіи. По праву епископа, Геннадій посвятилъ для своей

епархіи архимандрита Зиновія, четырехъ дьяконовъ и 23 священника.

Подобнаго рода дѣятельность не могла, разумѣется, избѣжать огласки. Полиція давно уже и энергически разыскивала „лжеепископа" Геннадія. Въ 1859 году онъ былъ снова задержанъ въ Кнауфскомъ заводѣ, въ домѣ мастерового Осипа Носкова, подъ именемъ инока Иларіона Старцева. Геннадій былъ арестованъ и посаженъ въ арестантскую, а затѣмъ отправленъ по этапу въ кунгурскую тюрьму. Но послѣдователи его не дремали и немедленно же явились къ нему на выручку. Дѣло кончилось тѣмъ, что вмѣсто инока Старцева (Геннадій то жъ) въ кунгурскую тюрьму былъ доставленъ какой-то неизвѣстный никому раскольникъ Спиридонъ Курдюковъ.

Всѣ эти свѣдѣнія о прошломъ Геннадія полиція узнала изъ его собственныхъ показаній, которыя отличались необыкновенною искренностью и почти полною откровенностью. Какъ видно, Геннадій считалъ несогласнымъ съ достоинствомъ убѣжденнаго человѣка таиться въ своихъ завѣтныхъ взглядахъ и вѣрованіяхъ; въ то же время онъ не считалъ нужнымъ скрывать все, что было имъ сдѣлано на пользу дѣла, которому онъ служилъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ него требовались указанія, касавшіяся другихъ лицъ, онъ становился сдержанъ, осторожень и даже скрытенъ. Такъ, когда слѣдователи потребовали, чтобъ онъ указалъ, кто именно были тѣ лица, изъ которыхъ состоялъ его приходъ въ Екатеринбургѣ, то Геннадій категорически отказался исполнить это, заявивъ, что ни фамилій ни именъ ихъ онъ не знаетъ.

XI.

„Въ монастырь на увѣщаніе".

Въ Петербургѣ, какъ мы уже отчасти и видѣли, серьезно взглянули на дѣло Геннадія. Не только въ средѣ свѣтскаго, но и духовнаго начальства обнаружилось замѣтное безпокойство, выразившееся, между прочимъ, въ необычайно обильномъ писаніи всякаго рода предписаній, циркуляровъ, отношеній, указовъ и предложеній по этому поводу.

Святѣйшій Синодъ не разъ напоминалъ то пермскому, то оренбургскому преосвященнымъ объ огромной важности дѣла Геннадія, о необходимости строгихъ мѣръ, которыя бы устранили всякую возможность новаго побѣга со стороны лжеепископа, о доставленіи свѣдѣній, знакомящихъ съ ходомъ слѣдствія и суда по этому дѣлу и т. д.

Съ своей стороны министръ внутреннихъ дѣлъ также не разъ напоминалъ губернатору о „важности дѣла Геннадія" и неоднократно просилъ его наблюсти, чтобы слѣдствіе о лжеепископѣ „привело всѣ обстоятельства дѣла въ надлежащую полноту и ясность"; далѣе, онъ поручалъ г. Лошкареву наблюсти за тѣмъ, „чтобы дѣло это получило законное и соотвѣтственное разрѣшеніе"...

Общее присутствіе екатеринбургскаго уѣзднаго суда и городового магистрата, обсуждая

дѣло Геннадія, пришло къ слѣдующему заключенію: „Такъ какъ преступникъ Бѣляевъ (Геннадій то жъ) бѣжалъ изъ арестантской роты въ то время, когда находился на городской работѣ, подъ военнымъ конвоемъ и, такимъ образомъ, совершилъ преступленіе противъ военной дисциплины и затѣмъ въ теченіе побѣга впалъ въ другія нарушенія закона, то поэтому онъ, Бѣляевъ, на точномъ основаніи 38 п. 761 ст. XV т. 2 ч. и 1011 и 1074 ст. XIV т. Свода законовъ, подлежитъ сужденію военнаго суда".

Губернаторъ въ принципѣ вполнѣ соглашался съ заключеніемъ общаго присутствія относительно преданія Геннадія военному суду, но его останавливало одно соображеніе: у лжеепископа было найдено „письмо отъ духовнаго совѣта", существующаго якобы въ Москвѣ; въ этомъ письмѣ „духовный совѣтъ" приглашалъ Геннадія прибыть въ Москву „для отправленія за границу въ безопасное мѣсто". Такимъ образомъ, кромѣ побѣга изъ арестантскихъ ротъ и другихъ преступленій, противъ Геннадія возникло новое обвиненіе—„въ соучастіи его съ обществомъ московскихъ лжеепископовъ, каковое дѣло еще не обслѣдовано". Въ силу этого соображенія губернаторъ рѣшилъ представить все дѣло на благоусмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Но прежде чѣмъ рапортъ объ этомъ былъ полученъ въ Петербургѣ, судьба Геннадія была уже рѣшена: 8-го апрѣля (1863 года) изъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ на имя пермскаго губернатора была отправлена бумага такого содержанія:

„Государь императоръ, по всеподданнѣйшемъ докладѣ его величеству представленія вашего превосходительства о томъ, что раскольническій епископъ Геннадій, по окончаніи о немъ слѣдствія, переведенъ изъ Екатеринбурга въ Пермь и для дальнѣйшаго хода о немъ дѣла болѣе не нуженъ, въ 5-й день сего апрѣля Высочайше повелѣть соизволилъ: удалить Геннадія изъ мѣста прежней его дѣятельности, помѣстивъ для увѣщанія въ суздальскій Спасо-Евѳиміевскій монастырь владимирской епархіи, въ арестантскомъ отдѣленіи онаго".

Есть основаніе предполагать, что мысль о заключеніи Геннадія въ монастырь впервые явилась у министра внутреннихъ дѣлъ. Еще ранѣе Высочайшаго повелѣнія 5-го апрѣля, г. Валуевъ входилъ въ сношеніе съ Св. Синодомъ по поводу „удаленія Геннадія въ суздальскій монастырь". Синодъ, „раздѣляя мнѣніе г. министра внутреннихъ дѣлъ относительно удаленія лжеепископа Геннадія изъ мѣста бывшей его дѣятельности и содержанія его въ монастырѣ для испытанія надъ нимъ увѣщаній къ оставленію раскольническихъ заблужденій", высказался, что онъ съ своей стороны „не находитъ никакихъ препятствій къ помѣщенію Геннадія въ арестантскомъ отдѣленіи суздальскаго монастыря". Поэтому, какъ только состоялось повелѣніе объ удаленіи Геннадія въ монастырь, Синодъ тотчасъ же далъ предложеніе владимирскому преосвященному „о принятіи Геннадія въ упомянутый монастырь".

Между тѣмъ, пермскій губернаторъ, получивъ бумагу министра отъ 8-го апрѣля, недоумѣвалъ: слѣдуетъ ли выслать Геннадія тот-

часъ же въ монастырь и не будетъ ли онъ нужент при полученіи отвѣта министра на сдѣланное имъ представленіе относительно преданія Геннадія военному суду? Г. Лошкаревъ затруднился въ этомъ, главнымъ образомъ, потому, что въ то время, какъ состоялось распоряженіе о ссылкѣ Геннадія въ монастырь, министерству не было извѣстно, что „онъ есть бѣглый арестантъ". „Затѣмъ,—думалъ губернаторъ,—въ случаѣ если бы послѣдовало распоряженіе судить Геннадія военнымъ судомъ, то какъ тогда быть безъ него? Вѣдь извѣстно, что военный судъ, на точномъ основаніи закона, не можетъ никого судить заочно".

И вотъ губернаторъ Лошкаревъ шлетъ телеграмму на имя министра: „Прикажете ли отправить Геннадія тотчасъ, или ожидать разрѣшенія на представленіе за № 182".

Въ отвѣтъ на это получается телеграмма: „О лжеепископѣ Геннадіи ожидать разрѣшенія министерства. Министръ Валуевъ".

Отсрочка эта была сдѣлана въ виду того, что статсъ-секретарь Валуевъ, по полученіи представленія пермскаго губернатора за № 182, счелъ необходимымъ снестись предварительно съ главнымъ начальникомъ III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и оберъ-прокуроромъ Св. Синода. По полученіи отъ нихъ благопріятныхъ отзывовъ, министръ 18-го мая предписалъ пермскому губернатору „немедленно сдѣлать распоряженіе о приведеніи въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія относительно помѣщенія кр. Григорія Вѣляева, выдающаго себя за епископа Генна-

дія, въ суздальскій монастырь и затѣмъ дальнѣйшее производство о немъ прекратить".

Тогда г. Лошкаревъ спѣшитъ сообщить владимирскому губернатору о Высочайшемъ повелѣніи относительно „помѣщенія въ суздальскій монастырь на увѣщаніе" раскольническаго епископа Геннадія и просить его сдѣлать распоряженіе объ отправленіи лжеепископа изъ Владимира, куда онъ вскорѣ будетъ доставленъ, въ суздальскій монастырь.

Сначала предполагалось отправить Геннадія изъ Перми до Владимира съ „двумя благонадежными жандармами", но затѣмъ рѣшено было поручить это дѣло жандармскому офицеру штабсъ-капитану Латухину.

26-го іюня 1863 года изъ Перми выѣхала по казанскому тракту тройка почтовыхъ лошадей; въ тарантасѣ сидѣли жандармскій офицеръ и рядомъ съ нимъ невысокій, худощавый мужчина съ блѣднымъ, выразительнымъ лицомъ и сѣрыми, глубоко впавшими глазами, въ которыхъ свѣтилась непреклонная, желѣзная воля. Это былъ Геннадій.

Передъ отъѣздомъ изъ Перми Латухину были выданы деньги на путевыя издержки въ количествѣ 211 руб. 65 коп., открытый листъ и особая „инструкція". Въ „открытомъ листѣ" значилось: „Предъявителю сего, пермской жандармской команды штабсъ-капитану Латухину, сопровождающему арестанта Григорія Бѣляева до г. Владимира, обязаны гг. начальники воинскихъ командъ, расположенныхъ по этому тракту, немедленно отряжать благонадежный добавочный караулъ, который и оставлять во все время нахожденія его на мѣстѣ". Этотъ „листъ"

былъ подписанъ пермскимъ военнымъ губернаторомъ, генералъ-маіоромъ Лошкаревымъ.

Приведемъ затѣмъ инструкцію, которою долженъ былъ руководствоваться штабсъ-капитанъ Латухинъ, конвоируя Геннадія:

„Назначая васъ для сопровожденія до гор. Владимира крестьянина Григорія Бѣлаева, я предписываю вамъ теперь же принять его и немедленно отправиться съ нимъ въ г. Владиміръ, наблюдая слѣдующее:

„1. Во время пути до г. Владимира неотлучно находиться при арестантѣ, въ полномъ вооруженіи, не позволяя ему ни съ кѣмъ разговаривать.

„2. Вы должны имѣть осторожность, чтобъ арестантъ не нанесъ себѣ вреда и не бросился бы на имѣющееся у васъ оружіе.

„3. Квартиръ нигдѣ не нанимать, а требовать отъ мѣстныхъ начальниковъ и останавливаться для отдыха въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ есть воинскія команды, отъ коихъ просить, по прилагаемому при семъ открытому листу, караулъ, который оставлять во все время пребыванія вашего на мѣстѣ.

„4. По прибытіи въ городъ Владиміръ, тотчасъ явиться къ тамошнему губернатору, представить прилагаемый конвертъ за № и просить его распоряженія о принятіи отъ васъ арестанта и выдачѣ квитанціи.

„5. Въ случаѣ значительной болѣзни арестанта, вы должны доѣхать до ближайшаго города, отдать его въ вѣдѣніе тамошняго начальства для излѣченія и доставленія, по выздоровленіи, за надлежащимъ присмотромъ въ г. Владиміръ къ тамошнему начальнику губерніи, взявъ въ сдачѣ квитанцію.

„6. Въ заключеніе сего предваряю васъ, что неустройство во время пути, а тѣмъ болѣе упускъ арестанта подвергнутъ васъ строжайшей отвѣтственности по законамъ“. Подписалъ пермскій военный губернаторъ Лошкаревъ.

1-го іюля Геннадій былъ доставленъ во Владимиръ и сданъ губернатору, который тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ отправкѣ его въ суздальскій монастырь. Штабсъ-капитанъ Латухинъ, получивъ квитанцію въ принятіи отъ него Геннадія, вернулся въ Пермь и представилъ квитанцію губернатору. А въ тюремныхъ келліяхъ суздальскаго монастыря въ это самое время прибавилось однимъ новымъ „секретнымъ“ арестантомъ... Но о пребываніи Геннадія въ монастырской тюрьмѣ мы разскажемъ въ слѣдующей главѣ. Теперь же намъ остается сказать нѣсколько словъ о судьбѣ лицъ, которыя были привлечены къ дѣлу о лжеепископѣ Геннадіи. Одинъ изъ этихъ лицъ, лжесвященникъ Ксенофонтъ Вяхиревъ, умеръ во время заключенія въ екатеринбургскомъ тюремномъ замкѣ, не дождавшись рѣшенія своей участи.

Другой изъ заключенныхъ по этому дѣлу, „лжеподіаконъ“ Василій Кульковъ, сидя въ тюрьмѣ, заболѣлъ. Отецъ его, отставной мастеровой Міасскаго казеннаго завода Иванъ Кульковъ, обратился въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ съ прошеніемъ объ освобожденіи изъ тюрьмы больного сына его, Василія, и объ отдачѣ его ему на попеченіе для поправленія здоровья“. Министерство переслало это прошеніе пермскому губернатору для направленія дѣла по подсудности.

Послѣ того, какъ Геннадій былъ отправленъ въ монастырь, губернаторъ Лошкаревъ совершенно не зналъ, что ему предпринять относительно другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ; онъ рѣшилъ было кончить дѣло административнымъ порядкомъ, при чемъ предполагалъ: „Кулькова, какъ уроженца Міасскаго завода, Оренбургской губерніи, водворить въ его мѣстожительство, сообщивъ мѣстному епархіальному начальству о сдѣланіи ему увѣщанія“; колыванскаго же купца Чувакова, допустившаго въ своемъ домѣ торжественное богослуженіе при большомъ стеченіи народа, — поручить надзору мѣстной полиціи, которой вмѣнить въ обязанность строго наблюдать за тѣмъ, чтобы „впредь никакихъ подобныхъ сборищъ въ домѣ Чувакова отнюдь не происходило“. Не рѣшаясь, однако, привести эти мѣры въ исполненіе, г. Лошкаревъ обратился въ Петербургъ съ вопросомъ: какъ ему поступить съ Кульковымъ и Чуваковымъ?

Министръ юстиціи отвѣчалъ на это, что „дѣйствія крестьянина Кулькова и купца Чувакова, на основаніи 585 ст. 2 кн. XV т. и § 13 Высочайше одобреннаго наставленія, должны подлежать разсмотрѣнію въ судебномъ порядкѣ, и потому дѣло о нихъ слѣдуетъ передать въ подлежащее судебное мѣсто, съ тѣмъ, чтобъ оно постановило опредѣленіе на законномъ основаніи только объ отвѣтственности двухъ этихъ лицъ, не касаясь оговоренныхъ преосвященнымъ Геннадіемъ 23 раскольническихъ священниковъ, такъ какъ сіе послѣднее обстоятельство, на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія, не подлежитъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ“.

XII.

Въ крѣпости.

Доставленный изъ Владимира въ монастырь въ сопровожденіи „двухъ благонадежныхъ жандармовъ“, Геннадій былъ помѣщенъ „въ одну изъ комнатъ арестантскаго отдѣленія крѣпости“. Въ Высочайшемъ повелѣніи, при которомъ онъ былъ присланъ, настоятелю монастыря ставилось въ обязанность дѣлать ему „кроткія увѣщанія“. На содержаніе Геннадія въ монастырской тюрьмѣ назначено было казной 46 руб. 80 коп. въ годъ.

Вѣроятно, суздальская тюрьма и условія пребыванія въ ней произвели на Геннадія сильное и въ то же время тяжелое впечатлѣніе, такъ какъ почти тотчасъ же по прибытіи въ монастырь онъ подастъ прошеніе на Высочайшее имя о помилованіи. Послѣ обычной, неизбѣжной въ такихъ случаяхъ переписки, прошеніе Геннадія „оставляется безъ послѣдствій“. Такимъ образомъ, приходилось по необходимости подчиниться неизбѣжной судьбѣ.

Въ 1864 году архимандритъ Иларіонъ, донося владимирскому архіерею о результатѣ „кроткихъ увѣщаній“ по отношенію къ Геннадію, сообщалъ, что послѣдній „по закоренѣ-

лости своей въ расколѣ всегда ставитъ раскольническія свои заблужденія выше обрядовъ православной Церкви, и поспмый имъ незаконно епископскій санъ считаетъ законнымъ". Впрочемъ, прибавлялъ архимандритъ, „съ нѣкотораго времени Геннадій сталъ посѣщать наше богослуженіе и читать православныя книги: нрава онъ кроткаго, покорнаго".

Приблизительно въ томъ же духѣ аттестовался Геннадій и въ слѣдующіе годы; такъ, въ 1866 году о. архимандритъ писалъ: „Въ продолженіе истекшаго полугода надежды къ оставленію раскольническихъ заблужденій нѣсколько подавалъ; дѣлаемымъ ему мною внушеніямъ кротко внималъ; читалъ охотно книги догматическаго и вообще духовнаго содержанія и посѣщалъ богослуженіе".

Въ 1869 году Геннадій снова подастъ прошеніе объ освобожденіи его изъ заключенія, но и на этотъ разъ ходатайство его не имѣло успѣха. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ владимирскому архіерею, что Геннадій, по Высочайшему повелѣнію, заключенъ „за принятіе на себя не принадлежащаго ему высшаго духовнаго сана и за побѣгъ изъ арестантской роты", и что въ виду этого „всеподданнѣйшее прошеніе его удовлетворено быть не можетъ".

Затѣмъ, въ концѣ того же 1869 года, Геннадій неожиданно подастъ заявленіе о желаніи его присоединиться къ единовѣрію. Заявленіе это произведетъ, конечно, большую сенсацію. Настоятель московскаго единовѣрческаго монастыря іеромонахъ Павелъ „съ радостію" выражаетъ полную готовность принять Геннадія

въ свой монастырь. Но тутъ возникаетъ очень щекотливый въ церковномъ отношеніи вопросъ о томъ, какимъ именно чиномъ слѣдуетъ принять епископа Геннадія въ единовѣрческій монастырь. По этому поводу возникаетъ большая конфиденціальная переписка, закончившаяся только къ осени слѣдующаго 1870 года. 3-го августа этого года состоялось Высочайшее повелѣніе относительно „освобожденія раскольническаго лжеепископа Геннадія изъ арестантскаго отдѣленія Спасо-Евѳиміева монастыря для присоединенія его къ единовѣрію въ московскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, съ оставленіемъ въ немъ на жительство, въ иноческомъ образѣ".

Слѣдуетъ думать, что такое рѣшеніе не удовлетворило Геннадія: онъ мечталъ и надѣялся, что путемъ присоединенія къ единовѣрію ему удастся добиться признанія со стороны православной Церкви епископскаго сана въ старообрядческой бѣлокриницкой іерархіи. Но разъ это ему не удалось, то, попавъ въ московскій единовѣрческій монастырь, онъ тотчасъ же начинаетъ будировать противъ православія и единовѣрія. Разумѣется, это не проходитъ для него безнаказанно. Развязка всей этой исторіи подробно излагается въ бумагѣ тогдашняго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода графа Д. А. Толстого отъ 26-го октября 1870 года на имя настоятеля суздальскаго монастыря Досиѳея.

„Высокопреосвященный митрополитъ московскій (писалъ графъ Толстой), на основаніи донесенія настоятеля тамошняго Николаевскаго единовѣрческаго монастыря игумена Павла,

увѣдомляетъ меня, что помѣщенный въ томъ монастырѣ для присоединенія къ единовѣрію раскольническій лжеепископъ Геннадій, освобожденный для этой цѣли, съ Высочайшаго разрѣшенія, изъ суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря, въ послѣднее время снова обнаружилъ признаки упорной расположенности къ раскольническимъ заблужденіямъ, такъ что игуменъ Павелъ выражаетъ опасеніе, чтобы Геннадій не убѣжалъ изъ единовѣрческаго монастыря.

„Вслѣдствіе сего, сдѣлавъ сношеніе съ митрополитомъ Иннокентіемъ о немедленной отсылкѣ упомянутаго лжеепископа обратно въ суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь, долгомъ поставляю сообщить о томъ вашему высокопреподобію и покорнѣйше просить о распоряженіи, чтобы Геннадій, по доставленіи его во ввѣренный вамъ монастырь, опять былъ заключенъ въ арестантское отдѣленіе онаго, въ которомъ сей лжеепископъ содержался прежде“.

Распоряженіе, конечно, было сдѣлано, и Геннадій снова очутился въ тюремной келліи Спасо-Евѳиміева монастыря.

Несмотря на глубокую тайну, которая окружала заключеніе въ монастырской тюрьмѣ старообрядческихъ епископовъ, слухъ объ этомъ фактѣ все-таки распространился въ средѣ русскаго общества и народа, особенно же среди послѣдователей бѣлокриницкой іерархіи. Послѣдніе начинаютъ предпринимать цѣлый рядъ попытокъ завязать сношенія и вступить въ переписку съ своими іерархами, подвергшимися тяжелой и суровой карѣ. Слѣдуетъ, однако,

думать, что очень многія изъ этихъ попытокъ окончились полной неудачей, такъ какъ письма обыкновенно перехватывались настоятелемъ монастыря, который, безъ дальнихъ околичностей преспокойно подшивалъ ихъ „къ дѣлу“.

Въ „дѣлахъ“ о старообрядческихъ епископахъ, хранящихся въ монастырскомъ архивѣ, можно встрѣтить немало такихъ писемъ, адресованныхъ на имя Аркадія, Конона и Геннадія. Тутъ есть письма изъ г. Боровска, Калужской губерніи, изъ Екатеринбурга, Пермской губ., изъ Галаца, изъ Москвы, изъ Коревскаго (?) дѣвичьяго монастыря и другихъ мѣстъ. Безграмотныя письма полны привѣтствій „добрымъ страдальцамъ“, которыхъ авторы писемъ величаютъ епископами, и которыхъ они просятъ помолиться за нихъ. Другіе, „припадая къ стопамъ“, просятъ „заочнаго пастырскаго благословенія“. Третьи посылаютъ „гостинцы—черную икру“, которую просятъ епископовъ „употребить на пищу и скушать во славу Божію“.

Неизвѣстна судьба подобныхъ „гостинцевъ“; такъ какъ письма, при которыхъ они посылались, не передавались заключеннымъ, то есть основаніе думать, что такую же судьбу терпѣли и „гостинцы“, посылавшіеся „добрымъ страдальцамъ“.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда на имя заключенныхъ епископовъ получались такія письма, которыя отцу архимандриту казались почему-нибудь подозрительными и даже противозаконными,—онъ немедленно же доносилъ объ этомъ владимирскому епархіальному начальству, при

чемъ представлялъ и самыя письма, возбудившія его подозрѣнія.

Такъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1868 года на имя епископа Геннадія получается письмо изъ Екатеринбурга. Досиѳей, на просмотръ котораго оно „по учрежденному порядку“ было доставлено, „усомнился“: ему почудилось въ этомъ письмѣ что-то загадочное и подозрительное. И вотъ онъ спѣшитъ „совершенно секретно“ представить это письмо владимирскому архіерею. Особенно подозрительнымъ показалось архимандриту Досиѳею начало письма, гдѣ стояли слѣдующія буквы. Г. І. Х. С. Б. П. Н.

„Находя содержаніе сего письма, -пишетъ онъ архіерею,—отчасти загадочнымъ и въ то же время обнаруживающимъ сокрытое особой раскольнической секты, я счелъ долгомъ, прежде вручения письма по адресу, представить его въ подлинникѣ вашему высокопреосвященству на обозрѣніе; и затѣмъ буду имѣть честь ожидать архипастырскаго по сему предмету приказанія“.

Получивъ этотъ секретный „репортъ“, владимирская духовная консисторія требуетъ отъ Геннадія объясненій по поводу загадочнаго письма, полученнаго на его имя: отъ кого это письмо, и что именно означаютъ „недописанныя слова“, такъ сильно напугавшія архимандрита Досиѳея: „Г. І. Х. С. Б. П. Н.“. Геннадій немедленно же отвѣчаетъ, что письмо это писано къ нему его двоюродной сестрой, и что „недописанныя слова“, которыми начинается это письмо: Г. І. Х. С. Б. П. Н., означаютъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!.. Такимъ образомъ, ларчикъ открылся

очень легко и очень просто. Однако, постановленіе, которое состоялось въ духовной консисторіи по этому поводу, невольно вызываетъ недоумѣніе.

„Какъ изъ объясненій іеромонаха Геннадія,—значится въ этомъ постановленіи,—такъ и по смыслу письма видно, что недописанныя слова ничего не заключаютъ въ себѣ противозаконнаго, а онъ, Геннадій, обязался внушить всѣмъ, чтобы подобныхъ сокращеній въ письмахъ къ нему пишущіе не дозволяли себѣ, то, письмо родственницы Геннадія оставивъ при дѣлѣ, вамъ, отцу архимандриту Досноею предписать, чтобы и на будущее время слѣдили за перепиской Геннадія и въ случаѣ сомнѣнія доносили его высокопреосвященству". Казалось бы, что разъ въ письмѣ не оказалось рѣшительно ничего противозаконнаго и сомнительнаго, то отчего бы не выдать этого письма тому лицу, которому оно предназначалось?..

XIII.

Освобожденіе.

Прошло 25 лѣтъ со времени заключенія въ монастырь Аркадія и Алимпія. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1879 года директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Ив. Ненароковъ обратился къ архимандриту Досиѳею съ секретнымъ письмомъ, въ которомъ писалъ: „Согласно приказанію его сіятельства *) г. оберъ-прокурора, имѣю честь обратиться къ вашему высокопреподобію съ покорнѣйшей просьбой сообщить мнѣ въ непродолжительномъ по возможности времени свѣдѣнія о поведеніи и образѣ жизни содержащихся въ суздальскомъ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ епископѣ Аркадіи, епископѣ Геннадіи **) и епископѣ Кононѣ“.

На этотъ запросъ архимандритъ Досиѳей отвѣчалъ, что „по вѣдомости, представленной имъ въ декабрѣ мѣсяцѣ за прошлый 1878 годъ, лица сіи аттестованы такъ:

„1) Епископъ Аркадій, 70 лѣтъ, увѣщаній не слушаетъ, будучи увѣренъ въ ложныхъ своихъ убѣжденіяхъ; но по поведенію ведетъ себя строго и благопокорливо.

---

*) Графа Д. А. Толстого.

**) Директоръ канцеляріи, очевидно, перепѣшалъ: архіепископомъ былъ Аркадій, а Геннадій – епископомъ.

„2) Лжеепископъ Кононъ, 81 года, отъ нѣкоторыхъ ложныхъ убѣжденій по преклонности лѣтъ не въ силахъ отказаться; по поведенію совершенно безукоризненъ.

„3) Лжеепископъ Геннадій, 53 лѣтъ, держится упорно своихъ ложныхъ убѣжденій, ревниво защищаетъ принятый имъ незаконно епископскій санъ; по поведенію вспыльчивъ, не всегда миренъ и покоренъ".

Эту характеристику старообрядческихъ архіереевъ о. архимандритъ заканчиваетъ такъ: „При этомъ осмѣливаюсь присовокупить, что означенныя лица и по настоящее время при прежнемъ поведеніи, ведутъ одинаковый образъ жизни, какъ и прежде".

Чѣмъ собственно былъ вызванъ запросъ директора канцеляріи оберъ-прокурора Синода—изъ дѣлъ не видно. Быть-можетъ, поводомъ для этого запроса послужила извѣстная статья „Голоса", появившаяся какъ разъ около того времени,—статья, въ которой довольно подробно разсказывалась печальная судьба старообрядческихъ епископовъ, томившихся въ суздальской монастырской тюрьмѣ, и въ то же время выражалась надежда на скорое освобожденіе несчастныхъ узниковъ. Статья эта, вызвавшая пріостановку „Голоса", произвела тогда сильное впечатлѣніе на русское общество, которое впервые узнало изъ нея о томъ, что въ монастырскихъ казематахъ цѣлые десятки лѣтъ сидятъ старообрядческіе епископы... Съ тѣхъ поръ прошло еще два года.

Утромъ 8-го сентября 1881 года въ суздальской почтово-телеграфной конторѣ получились двѣ очень важныя телеграммы на имя настоя-

теля Спасо-Евѳиміева монастыря архимандрита Досиоея. Одна изъ телеграммъ была изъ Петербурга, другая —изъ Владимира. По полученіи телеграммъ начальникъ конторы, не теряя ни одной минуты времени, отправилъ телеграфиста въ монастырь.

Когда келейникъ, состоящій при архимандритѣ Досиоеѣ, доложилъ ему, что принесли двѣ телеграммы на его имя, о. настоятель заволновался. Распечатавъ дрожащими руками одну изъ телеграммъ, онъ съ волненіемъ взглянулъ на подпись. Тамъ стояли слова: „министръ внутреннихъ дѣлъ Игнатьевъ". Досиоей вникся въ телеграмму, состоявшую изъ слѣдующихъ строкъ:

„Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, всемилостивѣйше соизволилъ на освобожденіе старообрядцевъ Аркадія, Конона и Геннадія изъ монастырскаго заключенія, съ недопущеніемъ мѣстожительства ихъ въ столицахъ и раскольническихъ центрахъ и съ тѣмъ, чтобы Геннадіи предварительно освобожденія его былъ подвергнутъ освидѣтельствованію способностей, о чемъ мною сообщается оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода и губернатору".

Архимандритъ Досиоей спѣшитъ распечатать другую телеграмму, также адресованную на его имя. Въ телеграммѣ стояло: „Сегодня къ вечеру пріѣду въ Суздаль. Если не стѣсню, переночую у васъ. Губернаторъ Судіенко".

Это происшествіе 8-го сентября 1881 года. Въ виду особенной важности полученныхъ телеграммъ настоятель монастыря счелъ нужнымъ помѣтить не только мѣсяцъ и число ихъ по-

лученія, но даже часъ и минуты. На обѣихъ телеграммахъ сверху рукою Досиѳея написано: „Получено 8-го сентября 1881 года, въ 11 часовъ 45 минутъ“.

Къ вечеру, дѣйствительно, пріѣхалъ губернаторъ М. І. Судіенко и остановился въ монастырѣ, въ квартирѣ архимандрита, гдѣ на случай пріѣзда важныхъ и чиновныхъ гостей имѣются особыя комнаты.

На другой день, 9-го сентября, находившимся въ монастырской тюрьмѣ старообрядческимъ архіереямъ Аркадію, Конону и Геннадію было объявлено объ освобожденіи ихъ государемъ императоромъ отъ заключенія на условіяхъ, указанныхъ въ телеграммѣ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Н. П. Игнатьева. Затѣмъ въ присутствіи губернатора и „градскихъ депутатовъ“ консиліумъ врачей свидѣтельствовалъ умственныя способности епископа Геннадія. Слѣдуетъ думать, что результатъ этого освидѣтельствованія былъ благопріятный для Геннадія, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ другими былъ тогда же выпущенъ на свободу.

Освобожденные епископы не замедлили, разумѣется, покинуть монастырь, съ его тюрьмой, въ которой имъ пришлось такъ долго томиться, такъ много выстрадать. 10-го сентября всѣ они „выбыли изъ монастыря въ вѣдѣніе гражданскаго начальства, въ мѣста жительства, имъ себѣ избранныя“. Такъ, въ послѣдній разъ, доносилъ о нихъ архимандритъ Досиѳей министру внутреннихъ дѣлъ, графу Игнатьеву.

Одновременно съ этимъ онъ донесъ владимирскому епископу Ѳеогносту *), что „во испол-

*) Впослѣдствіи—кіевскому митрополиту, недавно умершему.

неніе Высочайшей воли его величества государя императора, сообщенной ему его сіятельствомъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, старообрядцы, находившіеся въ монастырскомъ заключеніи, Аркадій, Кононъ и Геннадій, 9-го сентября освобождены изъ онаго при непосредственномъ распоряженіи г. губернатора". Вмѣстѣ съ этимъ архимандритъ Досиѳей счелъ необходимымъ сообщить епископу Ѳеогносту, что „Аркадій и Кононъ отправились изъ Суздаля въ г. Владиміръ, а Геннадій—въ Казань".

Впрочемъ, въ Казани Геннадій пробылъ недолго, такъ какъ вскорѣ переѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ онъ и обосновался на постоянное житье. Здѣсь своею дѣятельностью въ качествѣ старообрядческаго епископа онъ вооружилъ противъ себя духовныя власти, со стороны которыхъ послѣдовалъ цѣлый рядъ доносовъ на Геннадія.

Въ самомъ началѣ 1884 года надъ Геннадіемъ снова стряслась бѣда. Харьковское епархіальное начальство, находя пребываніе Геннадія въ Харьковѣ вреднымъ и небезопаснымъ, возбудило ходатайство о высылкѣ его изъ этого города. Ходатайство это было поддержано, вслѣдствіе чего 26-го января 1884 года состоялось Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго „проживавшій въ Харьковѣ подъ надзоромъ полиціи крестьянинъ Пермской губерніи Григорій Бѣляевъ, — онъ же лжеепископъ Геннадій,—былъ назначенъ къ высылкѣ изъ Харькова въ г. Виндаву, Курляндской губерніи".

Объ этомъ распоряженіи было тогда же объявлено Геннадію. „Между тѣмъ, изъ полученъ-

ныхъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ отъ курляндскаго губернатора и частнымъ путемъ свѣдѣній оказалось, что названный раскольникъ, вопреки упомянутому Высочайшему повелѣнію, отправился не въ г. Виндаву, а въ г. Хвалынскъ, Саратовской губ., а оттуда въ Уфимскую губернію, на Златоустовскій заводъ".

Вслѣдствіе этого министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ г. синодальному оберъ-прокурору съ вопросомъ, „не признаетъ ли онъ необходимымъ, для прекращенія дальнѣйшихъ противозаконныхъ дѣйствій крестьянина Бѣляева, вновь подвергнуть его заключенію въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь". Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода выразилъ свое согласіе на эту мѣру. Вскорѣ послѣ этого управляющій Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ объ этомъ къ государю императору, и его императорское величество въ 7-й день іюня 1884 года Высочайше повелѣть соизволилъ: крестьянина Григорія Бѣляева (лжеепископа Геннадія) за противозаконныя его дѣйствія подвергнуть вновь заключенію въ суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, заслушавъ предложеніе по этому поводу синодальнаго оберъ-прокурора отъ 21-го іюня того же 1884 года за № 2952, въ которомъ былъ подробно изложенъ весь ходъ дѣла, приказалъ: „о содержаніи настоящаго предложенія дать знать владимирскому преосвященному, предписавъ ему сдѣлать распоряженіе объ учрежденіи за лжеепископомъ Геннадіемъ со сто-

роны монастырскаго начальства строгаго надзора".

Получивъ этотъ указъ Святѣйшаго Синода, владимирскій епископъ Ѳеогностъ усомнился: гдѣ и какъ слѣдуетъ содержать Геннадія, т.-е. въ числѣ братіи монастыря, на волѣ, или же въ арестантскомъ отдѣленіи. О разрѣшеніи своего недоумѣнія онъ запросилъ Святѣйшій Синодъ, который отвѣтилъ, что Геннадія слѣдуетъ содержать въ арестантскомъ отдѣленіи. Мѣра эта, однако, не была приведена въ исполненіе, такъ какъ Геннадій, зная по горькому опыту, что такое монастырское заточеніе, предпочелъ оставить Россію и бѣжалъ въ Австрію, къ тамошнимъ старообрядцамъ... Тамъ онъ и умеръ.

Давно умерли также и Аркадій и Кононъ. О послѣднемъ въ годъ его смерти нами былъ напечатанъ довольно подробный некрологъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", 1884 г., въ № 24. Такъ какъ некрологъ этотъ сообщаетъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній относительно условій жизни Конона и Аркадія въ суздальскомъ монастырѣ, то мы и позволимъ себѣ привести его здѣсь лишь съ небольшими сокращеніями:

„Телеграфъ принесъ извѣстіе о смерти одного изъ старѣйшихъ старообрядческихъ епископовъ—Конона, умершаго 21-го января въ городѣ Владимирѣ-на-Клязьмѣ, гдѣ онъ жилъ послѣдніе годы на покоѣ. Печальная судьба этого „древле-церковнаго святителя", его замѣчательная нравственная стойкость, обнаруженная имъ въ дѣлѣ отстаиванія своихъ завѣтныхъ убѣжденій, — все это дастъ ему несомнѣнное право на общественное вниманіе,

а потому, мы полагаемъ, будетъ нелишне почтить его память нѣсколькими словами.

„Кононъ, въ мірѣ Козьма Трофимовичъ Смирновъ, сынъ донского казака Есауловской станицы, родился 12-го октября 1798 года. Какъ казакъ, онъ сначала служилъ въ военной службѣ, но, пробывъ установленныя тогдашними правилами 25 лѣтъ, вышелъ въ отставку и, спустя нѣкоторое время, принялъ монашество. Вскорѣ добродѣтельная жизнь обратила на него вниманіе старообрядцевъ, и вслѣдствіе приговора общества въ 1853 году онъ былъ посвященъ въ санъ епископа выковскаго (слободы Черниговской губерніи). Самое рукоположеніе Конона въ епископы совершено было въ Австріи, бѣлокриницкимъ митрополитомъ Кирилломъ. Возвратившись въ Россію, Кононъ около пяти лѣтъ исправлялъ обязанности старообрядческаго епископа, но въ 1858 году, во время пребыванія его въ Кіевской губерніи, онъ былъ арестованъ за носимое имъ званіе и затѣмъ заточенъ въ суздальскую крѣпость, находящуюся при Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ.

„Здѣсь, въ суровомъ заточеніи монастырскаго каземата, епископъ Кононъ провелъ почти цѣлую четверть вѣка, а именно -двадцать три года. Особенно тяжело было его положеніе въ теченіе первыхъ восьми лѣтъ, которыя ему пришлось высидѣть въ сырой, холодной тюремной камерѣ, помѣщавшейся въ глубокомъ подвалѣ. Заключеніе было строго одиночное; у дверей камеры и день и ночь стояли часовые съ ружьями. Тяжелыя условія заключенія разстроили когда-то крѣпкое здо-

ровье Конона; сидѣвшій въ той же тюрьмѣ, при одинаковыхъ условіяхъ, другой старообрядческій епископъ Аркадій славскій почти совсѣмъ лишился ногъ.

„Впослѣдствіи положеніе Конона нѣсколько улучшилось: онъ былъ переведенъ въ болѣе сносное помѣщеніе, ему начали давать книги для чтенія; затѣмъ изрѣдка ему разрѣшались свиданія съ пріѣзжавшими навѣстить его старообрядцами. Свиданія эти всегда происходили въ присутствіи архимандрита, настоятеля монастыря, въ его квартирѣ.

„Конону во время его заключенія постоянно дѣлались увѣщанія и предложенія оставить старообрядчество и присоединиться къ православію или единовѣрію, за что обѣщалось немедленное освобожденіе, а также многія льготы и милости. Въ 1870 году, по распоряженію высшей духовной власти, Кононъ былъ привезенъ въ Москву и поселенъ при Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ; здѣсь его постоянно навѣщали миссіонеры православной Церкви, убѣждая его „оставить расколъ“. Однако, всѣ эти увѣщанія не имѣли никакого успѣха, и потому Кононъ былъ снова отосланъ въ Суздаль, въ тюрьму.

„Во время своего пребыванія въ единовѣрческомъ монастырѣ Кононъ написалъ толкованіе на 3-ю книгу Ездры; въ настоящее время сочиненіе это находится за границей, въ рукахъ извѣстнаго отца Пафнутія. Московское старообрядческое общество много разъ предпринимало ходатайство объ освобожденіи своихъ епископовъ, но всѣ эти ходатайства оставлялись всегда „безъ послѣдствій“.

„Только 8-го сентября 1881 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи Конона вмѣстѣ съ двумя другими старообрядческими епископами, Аркадіемъ и Геннадіемъ. Кононъ былъ такъ слабъ, что не имѣлъ силъ выйти безъ посторонней помощи изъ тюрьмы и потому былъ вынесенъ на рукахъ. Съ большимъ трудомъ доѣхалъ онъ до Владимира, гдѣ и поселился, найдя самый радушный пріютъ у тамошнихъ старообрядцевъ Жогалевыхъ и Никитиныхъ. При выходѣ изъ тюрьмы отъ Конона были отобраны архимандритомъ всѣ бумаги и записки, которыя велъ старообрядческій епископъ во время своего заключенія.

„Послѣдніе годы своей жизни Кононъ проводилъ въ молитвѣ, чтеніи священнаго писанія, а также въ составленіи разныхъ богословскихъ сочиненій. Въ то же время онъ весьма интересовался исторіей Россіи, слѣдилъ за литературою по этому вопросу и выписывалъ выходящія вновь книги по этой отрасли. Болѣя, не имѣя возможности ни ходить ни сидѣть, онъ, полулежа въ кровати, окруженный подушками, не переставалъ писать наставленія въ видѣ писемъ, какъ къ отдѣльнымъ лицамъ изъ старообрядческаго міра, такъ и цѣлымъ обществамъ. Его знанія, строгій, аскетическій образъ жизни, добрый нравъ, а еще болѣе воспоминаніе о долголѣтнихъ страданіяхъ „за вѣру“ снискали ему общую любовь и уваженіе среди старообрядческаго населенія. Даже „поокружники“ и ихъ духовенство не чуждались Конона и охотно обращались къ нему за указаніями и разъясненіями въ дѣлахъ вѣры“.

СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ

ЕПИСКОПЪ

СЕВАСТІЙ.

Старообрядческій епископъ Савватій.

(Изъ недавняго прошлаго.)

Ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ, стало-быть, какъ разъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ свѣтлую эпоху всевозможныхъ благихъ начинаній и вѣяній, старообрядцы Западной Сибири обзавелись архіереемъ Савватіемъ *). Извѣстіе объ этомъ крайне смутило тобольскаго епископа Варлаама, который и не замедлилъ снестись по этому поводу съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ, побуждая его принять неотложныя мѣры къ поимкѣ „лжеепископа“.

Губернаторъ отдастъ строгій приказъ разыскать и арестовать Савватія. Немедленно, разумѣется, вся полиція встанетъ на ноги, и начинаются энергическіе розыски; мѣстное духовенство обязывается помогать полиціи при ея розыскахъ.

Въ это время еще у всѣхъ была въ памяти только что разыгравшаяся передъ тѣмъ исторія съ пермскимъ старообрядческимъ епископо-

*) Впослѣдствіи—архіепископъ московскій и всея Россіи.

помъ Геннадіемъ, который, послѣ многолѣтнихъ поисковъ, былъ, наконецъ, схваченъ въ Екатеринбургѣ и заключенъ въ суздальскую монастырскую тюрьму. „Слава" екатеринбургскаго полицеймейстера Нестерева, поймавшаго Геннадія, не давала покоя сибирскимъ полиціантамъ и сыщикамъ.

Однако, долгое время всѣ ихъ поиски и усилія не приводили къ желаемому результату. Старообрядцы такъ искусно скрывали своего архіерея, что полиція и духовенство тщетно старались напасть на слѣды „лжеепископа". Между тѣмъ, Савватій не переставалъ тайно совершать богослуженіе, поставлять священниковъ и т. п. Въ недѣлю св. Пасхи, напримѣръ, онъ ежедневно совершалъ богослуженіе въ домахъ тюменскихъ старообрядцевъ.

Наконецъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1864 года священнику, отцу Т — ову, удалось „дознать", что Савватій скрывается въ городѣ Тюмени, въ домѣ купеческой дочери Натальи Проскуряковой, которая давно уже извѣстна была мѣстнымъ властямъ, какъ рьяная послѣдовательница „древняго благочестія". Отецъ Т—овъ не преминулъ, конечно, сообщить полиціи о результатахъ своего „дознанія".

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторое время полиція медлила арестомъ Савватія: выслѣдивши „лжеепископа", она считала его уже въ своихъ рукахъ, но ей хотѣлось непремѣнно захватить его на самомъ мѣстѣ преступленія, въ тотъ моментъ, когда онъ, облекшись въ архіерейское одѣяніе, будетъ совершать торжественное

богослуженіе, вмѣстѣ съ „лжепноками“, „лжеиопами“ и „лжедіаконами“ своими.

16-го мая Савватій, совершивъ всенощное богослуженіе въ домѣ Проскурякової, остался ночевать въ томъ же домѣ; съ нимъ остались также нѣкоторые изъ богомольцевъ. Въ одиннадцать часовъ вечера хозяйка и гости спали мирнымъ сномъ, нимало не подозрѣвая близкой бѣды. Но не спалъ ихъ исконный врагъ тюменскій городничій. Извѣщенный отцомъ Т—овымъ, городничій, переодѣвшись въ штатское платье, осторожно, окольными путями отправился къ дому Проскурякової; вслѣдъ за нимъ, съ той же осторожностью, пробрались полицейскіе чиновники, служители и понятые.

Вся эта компанія, окруживъ домъ, начала стучать и кричать: „отворяйте!“ Но умная хозяйка, прежде чѣмъ отворить, распорядилась убрать походную церковь и спрятать ее подальше. Разбуженные гости-молельщики столпились посреди залы; среди нихъ стоялъ Савватій, безъ подрясника и сапоговъ.

Наконецъ, дверь отворилась отъ напора полицейскихъ, и въ залъ влетѣлъ городничій, „грозно повелѣвая всѣмъ стоять на мѣстѣ и отвѣчать правду“. Въ этотъ моментъ Савватій мгновенно бросается въ окно, проскальзываетъ черезъ разставленную кругомъ дома стражу и скрывается неизвѣстно куда. Только на другой день сдѣлалось извѣстно, что Савватій на тройкѣ лихихъ лошадей прокатилъ въ Сибирь*).

---

*) Нѣкоторыя изъ приведенныхъ здѣсь подробностей о набѣгѣ полиціи на домъ Проскуряковой заимствованы изъ „Восточнаго Обозрѣнія“ 1883 г. № 11-й; весь же очеркъ составленъ нами на основаніи поляшихъ дѣлъ одного изъ пермскихъ архивовъ, въ которомъ мы имѣли случай заниматься лѣтомъ 1882 года.

При обыскѣ въ домѣ Проскуряковой найдены: походная церковь, разныя архіерейскія облаченія, старообрядческія книги, чемоданъ съ бумагами и вещами, три печати, изъ которыхъ двѣ просфорныя и одна именная съ надписью: „Савватій, епископъ тобольскій“, и многія другія церковныя принадлежности. Кромѣ этихъ трофеевъ, въ руки полиціи попались всѣ гости-богомольцы, ночевавшіе у Проскуряковой, а также двое изъ сослуживцевъ Савватія, старообрядческіе иноки, одинъ изъ которыхъ оказался крестьяниномъ Пермской губерніи, Красноуфимскаго уѣзда, Павломъ Плюсинымъ, а другой—поселенцемъ Тобольской губерніи, Тюменскаго округа, Потапомъ Егоровымъ. Что же касается Савватія, то онъ „словно въ воду канулъ“...

Прошло около трехъ лѣтъ. Толки о Савватіи, мало-по-малу, затихли, и полиція, казалось, забыла объ его существованіи. Но вотъ, въ январѣ 1867 года, прошелъ слухъ, что въ Кузнецкомъ округѣ, Томской губерніи, появился какой-то старообрядческій епископъ, который разъѣзжаетъ по селамъ и отправляетъ богослуженіе. Снова встрепенулась полиція, и снова начались облавы, набѣги, обыски, выслѣживанія. Вскорѣ полиціи удалось узнать, что въ глухой тайгѣ, въ 25-ти верстахъ отъ села Ваганковскаго, какимъ-то старообрядческимъ епископомъ совершалось богослуженіе.

И вотъ, „духовнымъ и земскимъ начальствомъ“ немедленно же предпринимается въ окрестностяхъ села Ваганковскаго цѣлый рядъ обысковъ у всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя издавна навлекали на себя подозрѣнія властей въ из-

лишней приверженности къ „старой вѣрѣ“. При одномъ изъ такихъ обысковъ, въ домѣ крестьянина Барнаульскаго округа, Льва Филатова Волкова, задержанъ былъ самъ епископъ Саватій, „съ новою походною церковью, архіерейскимъ облаченіемъ, ставленными грамотами, св. міромъ, съ мощами и другими духовными принадлежностями“. Кромѣ того, при немъ были найдены письма, замѣтки, адресы, маршруты и т. п.

Вмѣстѣ съ Саватіемъ были захвачены также и лица, составлявшія его причтъ: архидіаконъ и причетникъ. Первый изъ нихъ оказался обывателемъ Міасской волости, Троицкаго уѣзда, Оренбургской губерніи, Архипомъ Ивановымъ Борисовымъ, а второй—причетникъ—екатеринбургскимъ купеческимъ сыномъ, Петромъ Кирилловымъ Козловымъ. Такимъ образомъ, мѣста „иноковъ“—сослуживцевъ Саватія, арестованныхъ въ домѣ Проскуряковой, не остались вакантными; вообще многія данныя заставляютъ думать, что „епископъ“ Саватій отнюдь не затруднялся въ пріисканіи людей, готовыхъ слѣдовать за нимъ, служить ему, укрывать его и т. д.

Въ числѣ писемъ, отобранныхъ при арестѣ епископа, было одно, писанное самимъ Саватіемъ. Думаемъ, что для читателей будетъ небезынтересно ознакомиться съ корреспондентскими и литературными способностями человѣка, долгое время стоявшаго во главѣ всей старообрядческой духовной іерархіи, а потому и приводимъ здѣсь это письмо цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій:

„Дражайшимъ роднымъ моимъ сестрицамъ. Ирин҃ѣ Константиновн҃ѣ и Анн҃ѣ Константиновн҃ѣ и Екатерин҃ѣ Гавриловн҃ѣ, желаю вамъ добраго здоровья и душевнаго спасенія и свид҃ѣтельствую усердное отеческое привѣтствіе и предпосылаю вамъ мои п. б. л. *). Извѣщаю васъ, Аша Константиновна: письмо ваше я получилъ и гостинцы, посланные вами, получили, премного и душевно васъ благодарю, какъ чада не забыли меня, приснаго отца. И да еще извѣщаю о твоемъ намѣреніи и премного уважаю васъ о благомъ дѣлѣ, ваших҃ъ мыслях҃ъ, что вы стремитесь въ дальную ярмарку отправиться, я вамъ свид҃ѣтельствую: какъ должно вамъ съ которыми людьми дѣла дѣлать, они очень пались, въ упадокъ пришли, того ради и мы замедлились, все учитываемъ ихъ, недостало ихняго капиталу, и векселя всѣ побрали у нихъ и много долга насчитали на нихъ. И прошу васъ сождать нашего пріѣзда, тогда пространнѣе поясним҃ъ и, по полученіи сего письма, еще просимъ увѣдомить съ первой почтой и паки свид҃ѣтельствую вамъ усерднѣйшее почтеніе и при пожеланіи скораго успѣха, небесных҃ъ и земных҃ъ благъ.

„Вашъ доброжелатель

С. С. Е. Т.“.

Эти инціалы, какъ догадывались слѣдователи, должны означать: смиренный Савватій, епископъ тобольскій. Письмо это, несомнѣнно, носитъ на себѣ отпечатокъ нѣкоей конспираціи. Оно полно разных҃ъ недоговорок҃ъ и туманных҃ъ

*) По всей вѣроятности: „мои пастырскія благословенія“.

намековъ: лица, о которыхъ идетъ рѣчь въ письмѣ, не называются ни по имени ни по фамиліи; самъ авторъ письма скрывается подъ иниціалами. Все это, конечно, вполнѣ понятно для каждаго, кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ тѣмъ нелегальнымъ положеніемъ, въ какомъ находились у насъ до закона 3-го мая представители старообрядческой іерархіи.

Другое письмо, безъ всякой подписи, адресовано на имя „старца Савватія: вотъ его содержаніе:

„Честнѣйшему старцу Савватію! желаю тебѣ добраго здравія, наипаче душевнаго спасенія, земно кланяемся. Просимъ тебя приготовить антиминсъ во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, иже во святыхъ отца нашего Николы, архіепископа мирликійскаго, чудотворца. Еще прошу васъ заказать сдѣлать два вѣнца складные, *чтобы было поудобнье возить*, еще два креста для хоругвей, длиной 4 вершка, съ трубочками; чтобы были вѣнцы и кресты латунной мѣди и вызолотить, и привезти съ собою въ городъ Пермь, въ Добрянскій заводъ. А прочія всѣ вещи есть готовы. Затѣмъ, будемъ васъ ожидать пріѣзда вашего съ великодушіемъ, затѣмъ—прощай! 25-го августа 1865 г. Нижегородская ярмарка".

Въ этомъ анонимномъ письмѣ рѣчь идетъ, очевидно, объ изготовленіи разныхъ принадлежностей для походныхъ старообрядческихъ церквей.

Кромѣ писемъ, при арестѣ Савватія были найдены у него разныя замѣтки, адресы, маршруты и, между прочимъ, „записка о здравіи", въ которой на первомъ мѣстѣ значился московскій архіепископъ Антоній и затѣмъ

перечислялись всѣ старообрядческіе епископы и въ числѣ ихъ, Аркадій, Кононъ и Геннадій, томившіеся въ то время въ суздальской монастырской тюрьмѣ.

Изъ замѣтокъ Савватія обращаютъ на себя вниманіе адресы и маршруты, такого, напримѣръ, содержанія:

„Василій Петровъ Драгуновъ. Иркутской губерніи, Нижнеудинскаго округа, въ Ка...скую волость, кузнецъ Устинъ Домрачевъ".

„Калужской губерніи, городъ Мещовскъ, сельцо Борники, д. Гликеріи Ильиничны Щукиной"; или:

„Изъ Оханска (Пермской губерніи) въ Дубровку 26 верстъ, черезъ Очерской заводъ, въ деревню Лушкову, къ Лазарю Леонтьевичу Шутину".

Спрошенный слѣдователемъ, по поводу этихъ писемъ и замѣтокъ, Савватій далъ самыя уклончивыя объясненія. Письмо на имя Прины и Анны Константиновны, показывалъ онъ, писано имъ, Савватіемъ, это—сестры покойнаго епископа Аѳанасія, живутъ онѣ въ Саратовскомъ уѣздѣ, но въ какомъ именно селеніи, онъ, Савватій, *не упомнитъ*.

Безыменное письмо съ Нижегородской ярмарки отъ 25-го августа 1765 года, относительно приготовленія антиминса и другихъ церковныхъ принадлежностей, „передано ему какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ въ Москвѣ, и отъ кого именно—онъ *не знаетъ*". Гликерію Щукину, о которой упоминается въ найденной у него запискѣ, онъ также *не знаетъ*; точно такъ же онъ *не знаетъ* ни Путина, ни Драгунова, ни другихъ лицъ, упомянутыхъ въ запискахъ,

„ни у кого изъ нихъ онъ никогда не былъ, и какъ ему попались эти записки—онъ не знаетъ".

Подобная уклончивость въ показаніяхъ, конечно, какъ нельзя болѣе понятна со стороны Савватія: онъ не могъ, разумѣется, не знать, что указать на извѣстныхъ лицъ или сознаться въ знакомствѣ съ ними, значило навлечь на нихъ всевозможныя бѣды, въ родѣ обысковъ, допросовъ, надзора и т. п. Зато въ тѣхъ показаніяхъ, которыя касаются лично его одного, или же лицъ, уже умершихъ, Савватій является гораздо болѣе сообщительнымъ и откровеннымъ.

Изъ показаній Савватія выяснилось, что онъ—тульскій второй гильдіи купецъ, Степанъ Васильевичъ Левшинъ-Дмитріевъ (что и подтвердилось собранными о немъ справками). Родился онъ отъ крестьянина Пермской губерніи господъ Демидовыхъ, завода Черновскаго, Верхотурскаго уѣзда. Съ раннаго дѣтства, Степанъ Левшинъ (Савватій то жъ) состоитъ въ старообрядчествѣ.

Молодымъ человѣкомъ, 25-ти лѣтъ отъ роду, Степанъ Левшинъ скрылся изъ мѣста жительства своего въ лѣса „для спасенія". Судя по его словамъ, онъ около десяти лѣтъ провелъ въ этихъ скитаніяхъ, постоянно переходя съ одного мѣста на другое. Наконецъ, онъ былъ „арестованъ начальствомъ въ Яковлевскомъ заводѣ и около года судимъ въ городѣ Екатеринбургѣ за самовольную отлучку, но по суду былъ оставленъ свободнымъ".

Вскорѣ послѣ этого, Левшинъ, „вслѣдствіе Высочайше дарованной милости объ освобо-

женіи мастеровыхъ отъ обязательной службы, записался, по предъявленіи капитала, въ купеческое званіе на 1861 годъ по 3-й гильдіи въ г. Далматовѣ, Пермской губерніи". Спустя два года, онъ перечисляется въ купцы Павловскаго посада, Московской губерніи, гдѣ и состоитъ купцомъ третьей гильдіи въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ 1865 году Левшинъ является купцомъ города Троицка, Оренбургской губерніи, а съ 1867 года становится тульскимъ 2-й гильдіи купцомъ.

Изъ дѣла не видно, занимался ли Левшинъ торговлей, или же онъ только фиктивно числился купцомъ. Послѣднее предположеніе гораздо правдоподобнѣе, тѣмъ болѣе, что время перехода Левшина въ купеческое званіе какъ разъ совпадаетъ съ моментомъ поступленія его въ монашество. „Вскорѣ послѣ сужденія Саватія за самовольную отлучку, онъ, по желанію своему, принялъ монашество", говорится въ бумагѣ слѣдователя Буторина.

Мы не знаемъ въ точности: находятъ ли старообрядческіе монахи совмѣстимымъ съ иноческимъ саномъ занятія торговыми дѣлами и оборотами; въ приведенномъ выше письмѣ Саватія, онъ что-то очень много толкуетъ о какомъ-то банкротствѣ, учитываніи, о долгахъ, векселяхъ, капиталѣ и пр. Съ другой стороны, намъ достовѣрно извѣстно, что старообрядческіе священники, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, съ посвященіемъ въ санъ продолжаютъ тѣ же самыя занятія, которыя обезпечивали ихъ до поступленія въ священники *). Не то же ли самое и въ монашествѣ?

*) Благодаря этому, старообрядческіе священники могутъ обходиться или совсѣмъ безъ гонорара за требы, или же довольствоваться самымъ незна-

Левшину было 35 лѣтъ отъ роду, когда старообрядческій епископъ (бѣлокриницкой іерархіи), Аѳанасій Саратовскій постригъ его въ первый монашескій чинъ, подъ именемъ Савватія. Съ этихъ поръ начинается быстрое повышеніе Савватія; черезъ недѣлю послѣ посвященія, онъ былъ уже удостоенъ степени іеродіакона, а еще черезъ недѣлю возведенъ въ санъ пресвитера. На допросахъ Савватій высказалъ, что онъ вполнѣ убѣжденъ въ святости австрійской бѣлокриницкой іерархіи и отнюдь не сомнѣвается въ ея истинности.

Состоя въ званіи пресвитера, Савватій, по его объясненію, „имѣлъ пребываніе въ разныхъ мѣстахъ, занимаясь подъ руководствомъ епископа Аѳанасія своею обязанностью“. Въ концѣ 1863 года, онъ былъ вызванъ въ Москву и здѣсь 5-го декабря того же года былъ рукоположенъ „во епископы“.

Обрядъ рукоположенія совершалъ казанскій старообрядческій епископъ Пафнутій. Въ Москвѣ Савватій пробылъ конецъ 1863 года, „отправляя богослуженіе по святительскому сану въ домахъ одноподворцевъ, съ дозволенія архіепископа Антонія и исполняя требы: крещенія, муропомазанія, исповѣданія, причащенія, брака“ и т. д.

Вслѣдъ за этимъ Савватій былъ назначенъ въ Тобольскую епархію, съ правомъ завѣдывать старообрядческою паствой всей Сибири

чительнымъ вознагражденіемъ; въ глазахъ народа это обстоятельство составляетъ огромное преимущество старообрядческихъ священниковъ предъ православнымъ духовенствомъ.

и „именоваться тобольскимъ епископомъ". Савватій покидаетъ Москву и ѣдетъ въ Сибирь, „въ мѣсто своего служенія". Можно ли сомнѣваться въ томъ, что сибирскіе старообрядцы съ великою радостью встрѣтили своего пастыря: о томъ же, какъ встрѣтили Савватія сибирскія власти, мы уже говорили.

При арестѣ Савватія у него не оказалось епископской грамоты; по объясненію „епископа", грамоту эту у него выкралъ въ Москвѣ въ 1866 году іеродіаконъ Ѳеодосій, который, вслѣдъ за этимъ, „секретно отъ него скрылся, а потомъ вскорѣ присоединился къ единовѣрію и вступилъ въ братство московскаго единовѣрческаго монастыря".

Почти одновременно съ арестомъ Савватія, были задержаны старообрядческіе священники, поставленные, какъ догадывалось мѣстное начальство, Савватіемъ. Такъ, на границѣ Барнаульскаго округа былъ захваченъ старообрядческій священникъ, оказавшійся крестьяниномъ этого округа Иваномъ Борисовымъ; въ Минусинскомъ округѣ, Енисейской губерніи, арестованъ священникъ, который оказался крестьяниномъ Бійскаго округа Константиномъ Долгихъ. Оба они были арестованы „съ полными священническими облаченіями и богослужебными принадлежностями".

Такимъ образомъ, дѣло объ епископѣ Савватіи разрасталось все больше и шире; къ нему привлекались все новыя и новыя лица. Между прочимъ, было дознано, что гдѣ-то на Уралѣ существуетъ старообрядческій епископъ Константинъ; полиціи удалось узнать, что этотъ

епископъ Константинъ не кто иной, какъ крестьянинъ Верхнетагильской волости Козьма Коровинъ. И вотъ, начинаются новые поиски и облавы на „лжеепископа Константина".

Слѣдствіемъ по дѣлу объ епископѣ Савватіи заправлялъ чиновникъ особыхъ порученій главнаго управленія Западной Сибири Буторинъ, человѣкъ, судя по его перепискѣ, весьма энергичный. Онъ, не задумываясь, „расторгалъ браки", заключенные „по раскольничьему обряду" старообрядческими священниками. Далѣе, Буторинъ поспѣшилъ снестись со всѣми сибирскими властями, приглашая ихъ оказать ему содѣйствіе въ розыскѣ и поимкѣ всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу Савватія. Повидимому, онъ не шутя задался цѣлью, во что бы то ни стало, переловить всѣхъ старообрядческихъ поповъ, иноковъ и епископовъ. Мѣстныя низшія власти употребляли съ своей стороны всѣ усилія, чтобы угодить начальству и отличиться въ этой травлѣ...

Замѣчательнѣе всего въ этой исторіи то, что сибирскія и уральскія власти дѣйствовали въ этомъ дѣлѣ безъ законнаго основанія, ибо 60-я ст. XIV т. св. зак. прямо воспрещаетъ преслѣдованіе старообрядческаго духовенства, если оно совершаетъ богослуженіе *не публично*. Поэтому, вслѣдствіе жалобы Проскуряковой, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи этой статьи, воспретилъ сибирской администраціи продолжать розыски и преслѣдованія Савватія....

Очерки эти, будучи составлены на основаніи актовъ и данныхъ, извлеченныхъ изъ подлин-

ныхъ дѣлъ, даютъ, какъ намъ кажется, довольно яркую, полную и притомъ, что особенно важно, безусловно правдивую картину тѣхъ общественныхъ условій, среди которыхъ еще весьма недавно, на памяти у многихъ, жила значительная часть русскаго народа, издавна получившая кличку „старообрядцевъ-раскольниковъ“. Насколько эти условія измѣнились съ тѣхъ поръ къ лучшему—пусть судятъ сами читатели.

Библиотека-читальня
им. А. Н. РАДИЩЕВА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ автора	3
Два милліона или же двадцать милліоновъ?	7
Уральское старообрядчество	21
I. Статистика уральскаго старообрядчества	24
II. Единовѣрцы поневолѣ	30
III. Фиктивное православіе	36
IV. Расколъ растетъ	47
Отчего растетъ расколъ? Офиціальное рѣшеніе вопроса	63
I. Записка князя С. П. Гагарина	65
II. Записка Б. В. Струве	80
Запросы и проявленія культурной жизни въ расколѣ	93
I. Порывы къ свѣту	95
II. Право на образованіе	105
III. Гуслицкія школы	113
IV. Преграды и тормозы	120
V. Типографіи	127
VI. Книжное дѣло въ расколѣ	132
VII. Раскольническая литература	137
VIII. Газеты	145
IX. Братства	153
Старообрядческіе архіереи въ суздальской крѣпости	161
I. Мнимодуховныя лица	—
II. Архіепископъ Аркадій и епископъ Алимпій	171
III. Епископъ Кононъ	183
IV. Епископъ Геннадій	193
V. Арестъ	199
VI. Секретный совѣщательный комитетъ	204
VII. „Лже-попы“ и „лже-монахи	210
VIII. Неудавшаяся попытка	217
IX. Подъ стражею	223
X. Прошлое Геннадія	231
XI. „Въ монастырь, на увѣщаніе“	239
XII. Въ крѣпости	247
XIII. Освобожденіе	254
Старообрядческій епископъ Савватій	267

2007110309